

Московский педагогический
государственный университет

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Выпуск 3

Москва
2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Институт истории и политики

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ:

Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.

ВЫПУСК 3

Учебное пособие

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

МПГУ
Москва • 2018

УДК 94
ББК 63.3(2)
Т78

Рецензенты:

Р. Г. Гагкуев, доктор исторических наук,
главный редактор издательства «Дрофа»
А. В. Клименко, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России МПГУ

Авторский коллектив:

А. Б. Ананченко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики МПГУ; **Г. А. Артамонов**, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ; **Н. Н. Глухарев**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **А. А. Зданович**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **В. П. Попов**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **А. В. Репников**, доктор исторических наук, профессор; **В. Ж. Цветков**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **Д. О. Чураков**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **В. Л. Шаповалов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ; **А. И. Юрьев**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ

Трудные вопросы истории : Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. : учебное пособие.
Т78 Выпуск 3 / под общей редакцией А. Б. Ананченко. – Москва : МПГУ, 2018. – 208 с.

ISBN 978-5-4263-0629-5

Третий выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории: Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.» продолжает два предыдущих издания и посвящен важнейшему событию XX века не только в отечественной, но и в мировой истории. Узловые вопросы пособия: проблемы государственного строительства и их решение двумя противоборствующими лагерями – «красными» и «белыми», развитие различных форм демократии и системы рабочего самоуправления, многопартийность и закономерности перехода к однопартийной диктатуре, оценки 1917 г. современными российскими политиками, Октябрь 1917 в контексте исторической памяти и ряд других.

Пособие соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и предназначено для учителей и студентов.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4263-0629-5

© МПГУ, 2018
© Коллектив авторов, текст, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
--------------------	---

Раздел 1. КРУШЕНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

<i>Артамонов Г. А.</i> Николай II и его ближайшее окружение в феврале 1917 г.	8
<i>Цветков В. Ж.</i> Хроника последнего дня царствования (Николай II 2 марта 1917 года)	10
<i>Зданович А. А.</i> Разрушение Временным правительством царской системы обеспечения внутренней безопасности страны и попытка создать новую (март – сентябрь 1917 г.)	14

Раздел 2. У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

<i>Ананченко А. Б.</i> Формирование Советского государства (февраль 1917 – январь 1918 гг.)	39
<i>Чураков Д. О.</i> Институты гражданского общества в революционной России. 1917–1918 годы	62
<i>Юрьев А. И.</i> Формирование первого Советского правительства	97

Раздел 3. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: «БЕЛЫЕ» И «КРАСНЫЕ»

<i>Цветков В. Ж.</i> Военно-политические особенности Белого движения в России, его сопоставление с советской властью в специфических условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.	115
---	-----

Раздел 4. ФОТОЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Попов В. П.

Новая книга о Революции 1917 года:

к 100-летию юбилею. 167

Репников А. В.

Придем ли к примирению? 179

Раздел 5. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИКИ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Шаповалов В. Л.

Советское общество в программах

современных российских политических партий 187

Раздел 6. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Глухарев Н. Н.

Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти 197

ОТ РЕДАКТОРА

Третий выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории: Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.» продолжает два предыдущих издания и посвящен важнейшему событию XX века не только в отечественной, но и в мировой истории. Узловые вопросы пособия: проблемы государственного строительства и их решение двумя противоборствующими лагерями – «красными» и «белыми», развитие различных форм демократии и системы рабочего самоуправления, многопартийность и закономерности перехода к однопартийной диктатуре, оценки 1917 г. современными российскими политиками и ряд других.

Как показал опыт использования первых выпусков «Трудных вопросов» в педагогической практике кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, пособие позволяет студентам не только знакомиться с новейшими достижениями исторической мысли и способствует умению работы с источниками, но также помогает овладевать более совершенными методами работы на семинарских и практических занятиях. В отличие от учебника, весьма «неповоротливого» к быстрым переменам и появлению нового и актуального исторического материала, пособие не ограничивается темами «трудных вопросов», указанных в единой концепции и историко-культурном стандарте, а по мере изменений в мировой истории – расширяет их. Пособие также позволяет более широко рассматривать и глубже изучать альтернативные подходы к освещению важнейших научных проблем истории России.

В статьях, посвященных государственному строительству, показаны такие характерные черты, как наличие *многовластия* на всех уровнях государственного управления в марте 1917 – начале 1918 г., *сосуществование* старых и новых органов власти, «точки перелома», среди которых центральное место занял разгон Учредительного собрания, окончательно, по мнению автора, «сломавший психологию гражданского мира». Также показано, что октябрьский политический переворот создал уникальную возможность для образования

«единого многопартийного демократического правительства» в стране. Однако, как показано в публикации, этот исторический шанс не был использован социалистическими партиями как по причине диктаторских амбиций большевиков, так и из-за непродуманных действий их политических оппонентов – эсеров и меньшевиков.

Историографическая традиция связывает Гражданскую войну с рядом давно известных и хорошо изученных сюжетов, где основное внимание уделено военно-политическому противостоянию «красных» и «белых», обоюдному кровавому террору, крестьянским восстаниям и выступлениям, трагедии казачества, военной интервенции и ряду других. Лишь относительно недавно исследователи стали проводить *сравнительный анализ* действий обеих противоборствующих сторон по созданию собственной устойчивой государственной системы в специфических условиях Гражданской войны. Автором сделана попытка показать, какие элементы этой системы носили характер преемственности с аналогичными институтами царской России и Временного правительства, какую роль сыграли они в победе одного и поражении другого враждебного лагеря. Показано, что важный урок, извлеченный современниками из нашего опыта столетней давности, заключается в том, что даже Гражданская война не смогла уничтожить потенциал, заложенный реформами предшествующих лет; Революция 1917 г. лишь придала им ускоренный характер, скроенный каждым из лагерей на «свою мерку».

Важное место в пособии занимает проблема развития различных форм демократии и системы рабочего самоуправления – тема, актуальнейшая и в наши дни, но почти забытая историками сегодня. Дискуссионным является и вывод, сделанный автором публикации: судьба Учредительного собрания, представлявшего модель либерально-западнического парламентаризма, в условиях российской действительности *закономерно* уступила место Советам, как форме самоуправления народа, более соответствующей революционной эпохе.

Особое место в пособии занимают две рецензии, посвященные двум книгам, представляющим по существу иллюстрированную

летопись Революции и Гражданской войны. Перед нами – свидетельства очевидцев тех событий, запечатленные в листовках, воззваниях, декретах, плакатах, фотографиях, карикатурах, текстах воспоминаний и пр. Важна и авторская концепция обеих книг – показана без прикрас трагедия братоубийства, жестокость и духовно-моральный тупик Революции и Гражданской войны. Историческая действительность, запечатленная и отраженная представленной фотолетописью, содержит (помимо фактов и образов) также информацию об исторической обстановке, в которой они создавались, а их эмоциональная, то есть «авторская», окрашенность позволяет читателю лучше определить позиции противоборствующих сторон и сил, оценить события и, что немаловажно, дать им свою собственную интерпретацию.

Чрезвычайный интерес представляет публикация, посвященная оценке советского исторического прошлого в программах ведущих политических партий современной России. Представленный материал еще раз убеждает в том, что преподавание отечественной истории должно стать обязательным предметом во всех вузах страны, как и обязательная сдача ЕГЭ по истории в школах.

Для кого-то Революция 1917 г. – это «исторический провал», «трагедия», «иллюзия», а для других – решающий шаг к созданию ранее невиданной в истории социальной системы, отринувшей и феодальные, и капиталистические устои России, предложившей миру новый вектор развития. Пособие заставляет студентов задуматься над главным: что заставило Россию, ставшую весной 1917 г. на демократический путь развития, отказаться от него спустя восемь месяцев, какие исторические процессы, протекавшие в России на протяжении веков, получили свое завершение в ходе братоубийственной Гражданской войны. И, наконец, в чем ценность полученного нами исторического опыта сегодня, когда Россия (как и весь мир) вновь находится накануне серьезных перемен.

Различные оценки нашего исторического прошлого, представленные в данном пособии, свидетельствуют, что *разномыслие* является необходимым условием развития исторической науки.

Раздел 1. КРУШЕНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Артамонов Г. А.

Николай II и его ближайшее окружение в феврале 1917 г.

В период с 23 февраля по 2 марта 1917 г. для Николая II, помимо отречения, теоретически была возможна следующая альтернатива: решиться на конституционные реформы или подавить народные волнения в столице. Ни тот, ни другой вариант не был реализован не только в силу особенностей личности последнего российского императора, но и в результате действий по информированию царя, предпринятых его военным и политическим окружением.

Вся информация по проблемам, затрагивающим самые основы самодержавной власти, попадала на «почву» непоколебимой убежденности Николая II в абсолютной неприемлемости для России любой другой формы правления, кроме существующей. Ему казалось, что если занять твердую позицию и ни под каким предлогом не соглашаться на реформирование монархии, то никакой революции не будет. По его мнению, жупел революции сознательно эксплуатируется думской оппозицией и либеральной интеллигенцией, дабы вынудить царя резко сократить объем своей власти.

Информация, укреплявшая подобные представления Николая II, поступала с начала Первой мировой войны из нескольких источников. Записки кружка Дурново предупреждали, что в условиях войны либеральные партии и думская оппозиция попытаются использовать военные неудачи России для оказания давления на царя с целью осуществления буржуазно-демократических преобразований. В своем стремлении добиться «ответственного министерства» они готовы пойти даже на разжигание революционных выступлений. А добившись реформ, «войдя во власть», не смогут, в силу сво-

ей бездарности, стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и остановить «народные волны, ими же вызванные». В результате страна будет ввергнута в пучину кровавого хаоса. С начала 1917 г. начальник охранного отделения Петрограда Глобачёв доносил царю, что обстановка в столице поразительно напоминает канун Революции 1905 г. Возможны стихийные выступления распропагандированного пролетариата, на которые рассчитывают либеральные партии. Последние полагают, что это приведет к уступкам со стороны царя, к реформированию самодержавия в конституционную монархию. 26 января Глобачёв доложил о том, что в Думе уже распределяют министерские портфели, в будущем ответственном правительстве. На власть претендуют две группы, одну возглавляет Родзянко, другую – Гучков. На эту же версию «либерального заговора» работали и доклады Протопопова.

Обращает на себя внимание разговор, состоявшийся между царем и Родзянко 10 февраля. Получалось, что Николая II предупредил о приближающейся революции тот, кто, по информации Глобачёва и Протопопова, как раз и был тем самым либералом-провокатором, стремившимся «на плечах» выдуманной им революции прийти к власти.

Информация, поступавшая в Ставку до отъезда императора в Царское Село, могла только подтвердить худшие подозрения Николая II о возможности скорее «верхушечной» провокации, нежели революции. Вплоть до 27 февраля включительно генералы Беляев и Хабалов, министр Протопопов направляют царю усыпляюще-убаюкивающие телеграммы, в которых нет ни слова о возможности перерастания забастовочного движения в революцию. Ситуация в этих телеграммах в целом оценивалась как подконтрольная властям. Естественно, что показанные Николаю только утром 27 февраля телеграммы М. В. Родзянко, выдержанные в панических тонах, на фоне первого потока информации выглядели чистой воды провокацией. Подозрительны были и «зигзаги» председателя Государственной думы, утром 26 февраля просившего войск, а вечером того же дня – «ответственного министерства».

Вечерняя 26 февраля телеграмма Родзянко о неотложности конституционных уступок была доложена Николаю II генералом М. В. Алексеевым утром 27 февраля. Время, отпущенное Николаю на принятие решения, было столь же мало, сколь мала была вероятность его согласия. В тот же день этот вариант будет снят с повестки дня Временным комитетом Государственной думы и самим ходом событий в столице.

История в считанные часы проскочила возможность самоограничения царской власти. Этому шагу уже не ждали в Петрограде. На этот шаг еще и не думал соглашаться Николай, принявший ряд мер к военному подавлению мятежа (экспедиция генерала Н.И.Иванова). Такое развитие событий и такое поведение царя в определенной мере явились следствием фактической дезинформации Николая II, не позволившей ему реально и непредубежденно представить происходившее в Петрограде. Два потока информации, стекавшиеся в Ставку (один от Протопопова, Беляева и Хабалова, другой от Родзянко), лишь способствовали укреплению царя в нежелании идти на конституционные реформы.

Цветков В. Ж.

Хроника последнего дня царствования (Николай II 2 марта 1917 года)

Вечером 1 марта, после длительной беседы с командующим армиями Северного фронта генералом Н. Рузским, Николаем II принимается решение об ответственном министерстве.

2 марта

00:20 – Николай II телеграфирует в Царское Село генералу Иванову, который идет на Петроград с карательным походом: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать».

Эта телеграмма говорит о том, что Николай II в принципе согласился на мирное решение вопроса. Он считает, что ответственное министерство все-таки возможно.

00:00 – 1:00 – Царь принимает в вагоне графа Дмитрия Шереметьева и адъютанта генерала Николая Рузского и говорит, что нужно позвать бывшего управляющего землеустройством и земледелием Александра Кривошеина, которого Николай II рассматривал как компромиссную фигуру на место главы ответственного министерства.

Около 1:00 государь ушел спать, но, возможно, он заснул только в 5:15.

С 3:30 до примерно 4:00 состоялся телеграфный разговор Рузского с председателем Государственной думы Михаилом Родзянко, который заявляет, что создавать ответственное министерство уже поздно и что нужно ставить вопрос об отречении в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Затем в Ставку передается краткое содержание разговора. Государь еще об этом не знает, отречься не собирается, а за его спиной начинается разговор об отречении.

6:00 – Николай II просыпается и начинает перебирать бумаги.

8:00 – Государь садится за письменный стол в вагоне и начинает свой рабочий день.

Около 9:00 Рузский получает телеграмму от главнокомандующего Михаила Алексева с требованием разбудить Николая II, чтобы проверить, известно ли ему о решениях, принятых Рузским и Родзянко, но ему отвечают, что государь спит и будить его не будет.

В 10:15 Николай II принимает Рузского, который зачитывает ему разговор с Родзянко. Государь узнает, что он передан в Ставку и что Алексеев должен послать запрос всем командующим фронтами об отношении к возможности отречения в пользу цесаревича при регентстве Михаила.

Около 11:00 Рузский заявляет Николаю II о необходимости отречения, государь отвечает, что все обдумает.

С 14:30 до 15:00 Рузский показывает Николаю II ответы командующих фронтами на запрос Алексева, в которых

они высказываются за отречение, но государь колеблется. Тогда Рузский обращается к двум штабным генералам, Данилову и Савичу, которые тоже говорят, что нужно отречься.

15:00 – Николай передает Рузскому телеграммы для немедленной отправки в Ставку и Родзянко.

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича», – говорилось в телеграмме на имя Родзянко.

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай», – написал государь генералу Алексееву.

В начале четвертого придворные узнают об отречении от Фредерикса. Дворцовый комендант Владимир Воейков бросается уговаривать Государя взять обратно телеграммы, а вернувшись, просит начальника военно-походной канцелярии царя К. Нарышкина по повелению государя забрать у Рузского телеграмму.

Получается, что государь передумал. То ли не хотел отречься вообще, то ли – в пользу сына, а хотел сделать это в пользу брата, но это маловероятно, так как беседы с лейб-хирургом Федоровым еще не было. Скорее всего, он мог вообще передумать об отречении.

15:45 – Нарышкин возвращается от Рузского, который не отдал ему телеграмму, потому что убедил государя ничего не менять до приезда из Петрограда А. Гучкова и В. Шульгина. Они должны были приехать в Псков как представители новой власти – Временного комитета Государственной думы. При этом Рузский приостанавливает и отправку телеграммы царя Родзянко, поэтому в Петрограде не знают, что государь решил отречься от престола.

Около 16:00 лейб-медик Федоров отвечает государю на его вопрос о возможности излечения гемофилии. Болезнь цесаревича Алексея неизлечима, и он вряд ли доживет до 16 лет, когда он сможет править без регента.

Точное время решения государя об отречении и за сына тоже неизвестно. С 16 до 19 часов он переживает и думает об этом варианте. Дело в том, что при регентстве Михаила бывшего государя могли не допустить к сыну, поэтому Николай не хотел расставаться с мальчиком, опасаясь, что с ним может что-то произойти с точки зрения здоровья.

16:30 – 16:50 – Николай II гуляет по платформе, одетый в форму кубанских пластунов, с лицом бледным, но спокойным.

19:40 – Николай II получает из Ставки на утверждение текст манифеста об отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила.

Около 22 часов Николай II принимает депутатов Гучкова и Шульгина, которые привезли свой вариант текста отречения в пользу Алексея. Государь сообщает, что решил отречься от престола и за сына тоже, и выражает надежду, что они поймут «чувства отца».

23:48 – Николай II подписал карандашом, взятым у своего адъютанта герцога Лейхтенбергского, манифест об отречении только в пользу Михаила, датированный 15 часами, напечатанный адъютантом на пишущей машинке, и вручил его Шульгину и Гучкову вместе с двумя указами, датированными 14 часами: о назначениях на посты председателя Совета министров князя Г. Е. Львова и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Ранее с Родзянко было согласовано решение о назначении генерала Л. Г. Корнилова на должность командующего Петроградским военным округом.

3 марта в 01:00 царский поезд уезжает из Пскова в Могилев, в Ставку.

Вопросы и задания:

1. Пользуясь источниками, указанными в работе Р. Г. Гагкуева и А. В. Репникова «Великая Революция 1917 г. Иллюстрированная летопись» (М., 2017), дайте свою версию реконструкции одного дня (2 марта 1917 г.) императора Николая II.
2. Какой из источников, описывающих это событие, на ваш взгляд, представляется наиболее достоверным?

Зданович А. А.

Разрушение Временным правительством царской системы обеспечения внутренней безопасности страны и попытки создать новую (март – сентябрь 1917 г.)

В феврале 1917 г. в России пала монархия. Казалось бы, самые надежные опоры старой власти – армия и Департамент полиции МВД не смогли защитить царскую власть. О состоянии армии в предреволюционный период и настроениях высшего командного состава сказано за сто лет уже достаточно много. В 2010 г. был переиздан сборник документов под общим названием «1917. Разложение армии» [1]. Переизданы были также и многочисленные воспоминания российских и иностранных свидетелей событий конца 1916 – февраля 1917 г. Поскольку все, что происходило с царской армией не является предметом рассмотрения в данной статье, то отошлю читателей к многочисленным публикациям последних лет, отражающих обстоятельства, подрывавшие политическую лояльность войск [2].

Что же касается органов политического розыска департамента полиции МВД и контрразведки, то современные историки не уделяют, по моему мнению, этим структурам достаточного внимания. Как положительное исключение выглядят усилия некоторых членов «Общества изучения истории отечественных спецслужб» и в первую очередь доктора исторических наук З. И. Перегудовой. Она не только публиковала свои монографии и статьи, но и активно участвовала в подготовке к изданию мемуаров В. Ф. Джунковского – товарища (заместителя) министра внутренних дел, К. И. Глобачёва – последнего начальника петроградского охранного отделения; книги А. А. Блока «Последние дни императорской власти» [3]. В написанных ею предисловиях и в самих воспоминаниях и документах содержится интересная информация о последних месяцах существования «иммунной политической системы» страны: политической полиции и, отчасти, контрразведки. Исходя из сказанного, попыта-

юсь представить свой взгляд на систему обеспечения внутренней безопасности в последний период существования царской России и в период Временного правительства.

«Министерская чехарда» 1916 г. затронула и Министерство внутренних дел империи. На этой должности до Февральской революции побывали 4 человека (А. Н. Хвостов; Б. В. Штюмер; А. А. Хвостов и А. Д. Протопопов). Сменилось три директора Департамента полиции (К. Д. Кафафов; Е. К. Климович и А. Т. Васильев), а также два заведующих центральным органом политического розыска – Особого отдела ДП МВД (М. Е. Броецкий и И. П. Васильев). Частые и нередко слабо обоснованные кадровые перестановки однозначно влияли в негативном плане на агентурно-оперативную и информационную деятельность всех подразделений службы внутренней безопасности. Складывается впечатление, что высшие власти почти не обращали внимание на некоторые процессы, подрывающие устои государства в условиях продолжающейся войны. Предложения по совершенствованию структуры и повышению эффективности работы «иммунной системы» режима игнорировались военным руководством, Советом министров, да и самим царем. Чего, к примеру, стоит факт отклонения Ставкой Верховного главнокомандующего в феврале 1916 г. проекта МВД об объединении усилий политической полиции и военной контрразведки в деле обеспечения безопасности страны от внутренних угроз [4]. Не реализованным и даже не рассмотренным остался проект создания контрразведки с некоторыми функциями политического розыска, составленный в августе 1916 г. внештатным советником председателя Совета министров И. Ф. Манасевичем-Мануйловым [5].

Понятно, что любая перестройка структуры требует времени и сказывается на результативности работы любого государственного аппарата. Но царские власти даже не воспринимали большинство конкретных рекомендаций политической полиции, направленных если не на устранение, то на минимизацию внутренних угроз царскому режиму. Здесь стоит привести сведения последнего начальника петроградского отделения по охранению общественной

безопасности Глобачёва. К примеру, он еще в конце января 1916 г. представил руководству серьезный аналитический доклад о продовольственном положении в Петрограде и во что может вылиться сложившаяся ситуация в плане политической стабильности [6]. В течение января – февраля 1917 г. столичное охранное отделение не менее чем раз в неделю, а иногда и ежедневно информировало Департамент полиции и другие ведомства об обстановке в городе, в том числе и о ситуации (в смысле надежности) в воинских частях гарнизона. Однако, военное командование не хотело верить в сомнения политической полиции относительно возможности отказа войск защищать верховную власть. Никак не реагировали и руководители гражданские структур. Итог известен – произошли события, о которых предупреждали органы государственной безопасности.

Лица, пришедшие к власти после Февральской революции, совершенно не учли печальный опыт царского режима. Более того, они незамедлительно принялись за полный демонтаж старой «иммунной системы». Они даже не рассматривали варианты, при которых она могла бы в течение определенного времени сдерживать правых и даже левых радикалов. Ведь факт, что ни одно жандармское управление, ни один орган политической полиции не противодействовал новой власти, не предпринимал каких-либо действий по реставрации монархии. Большая часть руководителей политической полиции не пыталась скрыться и ожидала своей участи практически на рабочих местах. То же самое можно сказать и о военных контрразведчиках.

На фоне нараставшей усталости от многолетней войны и антивоенной агитации брожение в солдатской массе в частях действующей армии и в тыловых военных округах стремительно прорвалось массовыми митингами, принятием различных постановлений и резолюций по проблемам жизнедеятельности войск. Особое значение в этом плане приобрел «Приказ № 1» Петроградского Совета, в соответствии с которым столичный гарнизон фактически выводится из подчинения командованию. Именно с него началось повсеместное создание в войсках комитетов разного уровня, серьезно

подрывавших основы старой армии. Дисциплина в войсках падала день ото дня, боевая мощь рушилась далеко не от снарядов немецких сверхмощных орудий.

В обстановке усиливающегося с каждым днем хаоса на фронте и в тылу многие контрразведчики, призванные оберегать боеспособность армии и флота, приходили к печальному заключению, что борьба со шпионажем, а тем более с иными видами подрывной деятельности в таких условиях практически невозможна. Действия официальных властей не оставляли им реальных надежд на будущее.

Образованный 27 февраля 1917 г. Временный комитет Государственной думы через несколько дней преобразовался во Временное Правительство, фактически взявшее на себя управление страной.

Уже 4 марта Временное правительство на своем третьем заседании приняло решение, значимое для всей страны и напрямую повлиявшее на ее «иммунную систему». Постановлялось незамедлительно ликвидировать отдельный корпус жандармов (ОКЖ), царскую полицию, а также все отделения по охране общественной безопасности [7]. Офицеров и нижних чинов ОКЖ и полиции предписывалось назначать в строевые части.

Занявший к этому времени пост военного и морского министра А. И. Гучков направил на места телеграмму, в которой довел новость до штабов фронтов, армий и округов и указал на необходимость неукоснительного исполнения постановления правительства.

Это было фатальное для контрразведки распоряжение. Прежде всего серьезнейший удар наносился по руководящим кадрам аппаратов борьбы со шпионажем, а также по агентам службы наружного наблюдения. Подавляющее большинство офицеров и филеров были лишь прикомандированы к военному ведомству, но являлись сотрудниками расформированных полицейских учреждений и офицерами ОКЖ.

Конкретизируя решение Временного правительства, военный министр подписал циркулярную телеграмму с указанием уволить

из органов по борьбе со шпионажем всех жандармских офицеров и даже лиц, когда-либо ранее работавших в охранных отделениях и в криминальной полиции [8]. Замечу, что офицеры упраздненного ОКЖ составляли до 90% от общего числа начальников контрразведывательных отделений (КРО) фронтов, армий и корпусов, а также и их помощников-заместителей [9].

Военное командование пыталось затормозить реализацию указания новых петроградских властей. Так, Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта в своем докладе в Ставку Верховного Главнокомандующего (СВГК) относительно состояния КРО предупреждал о несомненном полном прекращении деятельности контрразведки в случае одномоментного увольнения лиц, указанных в телеграмме Гучкова [10]. Однако, обращение генерала осталось без ответа. Но военные не остановились и продолжали отстаивать столь нужные кадры.

Проанализировав доклады, поступившие из подчиненных штабов, отвечавший за разведку и контрразведку, второй генерал-квартирмейстер Ставки ВГК генерал-майор С. Л. Марков направил на места циркулярную телеграмму, разрешавшую в необходимых случаях оставлять на службе наиболее квалифицированных сотрудников из числа бывших жандармских офицеров и нижних чинов на период реорганизации контрразведывательных отделений, но не дольше чем до 15 июля 1917 г. [11].

Все эти действия опытных военных руководителей уже не могли изменить ситуацию. Подавляющее большинство офицеров-контрразведчиков ко времени получения вышеуказанного распоряжения были уже уволены, а отдельные – подверглись репрессиям и даже были убиты. Типичную обстановку тех дней обрисовал в своем докладе руководству начальник КРО штаба Двинского военного округа. Он, в частности, сообщал, что деятельность отделения практически парализована, поскольку офицеры и другие сотрудники неоднократно задерживались, к ним применялись меры физического воздействия, угрожали расстрелом [12]. Прямо в Таврическом дворце был арестован начальник КРО штаба Петроградского воен-

ного округа полковник В.М. Якубов, прибывший туда добровольно и с рапортом о готовности добросовестно служить новой власти. Не дождавшись возвращения руководителя, личный состав отделения прекратил работу, а в начале марта помещение, где размещалась контрразведка, подверглось полному разгрому «революционной» толпой. Большинство сотрудников были арестованы. Они почти месяц провели в тюрьме без предъявления каких-либо обвинений.

Несмотря на ходатайства высших военных чинов и заслуги в деле борьбы со шпионажем был уволен от должности начальника Центрального военно-регистрационного бюро (контрразведки. – А. З.) Главного управления Генерального штаба полковник В. Г. Туркестанов, откомандированный из Отдельного корпуса жандармов в военное ведомство еще в 1911 г. для организации КРО штаба Московского округа [13]. По решению Временного правительства арестовали и бывшего начальника контрразведывательного отделения Генерального штаба жандармского полковника В. А. Ерандакова. Не найдя ничего предосудительного непосредственно в его работе на указанном посту, председатель особой следственной комиссии Временного правительства сенатор В. А. Бальц возбудил уголовное дело по фактам «злоупотреблений» в контрразведке вообще. Не зная существа расследования, «демократическая» пресса уже обвинила Ерандакова в совершении преступлений против народа [14].

Все большее и большее значение придавали вопросу о якобы имевших место серьезных нарушениях со стороны офицеров КРО, а 11 октября это рассматривали даже на заседании правительства. В газетном отчете сообщалось, что упомянутый выше сенатор Бальц убеждал участников заседания, что «область злоупотреблений по борьбе со шпионажем требует образования особого органа власти для расследования, так как такого рода следственная организация обнимет деяния должностных лиц, извращавших задачи борьбы со шпионажем и служивших в действительности борьбу с общественностью, отдельными национальностями и промышленностью страны» [15]. В итоге Временное правительство учредило Особую следственную комиссию под председательством сенатора

Н. Н. Чебышева, при участии представителей адвокатуры и военного ведомства.

Не отставали от центральных и местные революционные власти. Есть много свидетельств их «компетентных» решений относительно контрразведки и ее кадров.

Кроме бездумных кадровых решений к резкому ослаблению контрразведывательных органов привело фактическое уничтожение их агентурного аппарата. Этому способствовала кампания в прессе по разоблачению секретных сотрудников тайной полиции царской России, основанная на материалах архивов МВД. Чуть ли не ежедневно в газетах печатались списки выявленных в столице и на местах агентов охранных отделений. А ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью были переориентированы на борьбу со шпионажем и лицами, способствовавшими военным противникам России. И несмотря на это, бывших секретных сотрудников полиции изгнали из контрразведки, а впоследствии многих арестовали. Подполковник Б. В. Никитин, назначенный в начале марта 1917 г. начальником КРО штаба Петроградского военного округа, позднее писал, что встречал упорнейшее нежелание продолжать работу со стороны даже «чистых» (то есть не связанных ранее с политической полицией. – А. З.) агентов, вызванное страхом подвергнуться репрессиям по примеру секретных сотрудников охранных отделений [16].

Да и как могло быть иначе. Один из крупных юристов, включенный Временным правительством в состав Чрезвычайной следственной комиссии С. В. Завадский вспоминал о правовом нигилизме председателя комиссии Н. К. Муравьева, который настаивал на привлечении секретных сотрудников царской политической полиции к уголовной ответственности просто по факту тайного сотрудничества с ней, без оценки нанесенного ими «вреда» революционному движению. Он прямо заявлял, что «нужно найти (!) статью закона, по которой их можно было бы судить, невзирая на амнистию». Муравьев предлагал, к примеру, использовать статью Уложения

о наказаниях, предусматривающую уголовную ответственность за превышение власти [17].

Как пишет доктор исторических наук Перегудова, с марта по октябрь 1917 г. в Петрограде, Москве и многих других городах по постановлению Временного правительства и распоряжениями исполкомов местных советов были созданы специальные комиссии, которые занимались вопросами секретной агентуры [18].

В условиях кардинальных изменений, произошедших в системе государственного и отчасти военного управления, наблюдалась тенденция со стороны руководителей контрразведывательной службы всячески уклониться от выполнения функций, напрямую не связанных с борьбой с германской разведкой. В этом видится вполне понятное стремление сохранить аппарат контрразведки в условиях, когда власти зачастую принимали решения под напором ультрареволюционных общественных настроений и когда политическая целесообразность превалировала над законом. Поэтому в циркулярных телеграммах, которые направлялись в органы контрразведки по линии Ставки и ГУГШ, подчеркивалось, что их задачей является исключительно борьба с военным шпионажем.

Те, кто отвечал за контрразведку в Главном управлении Генерального штаба, подготовили проект обращения к войскам А. Ф. Керенского, сменившего Гучкова на посту военного и морского министра. Данное обращение было оформлено в виде несекретного приказа по армии и флоту и 17 мая 1917 г. подписано министром. В нем говорилось об усилившейся активности шпионских центров противника и опасности их деятельности для страны. «Для борьбы со шпионами, – отмечалось в приказе, – существуют особые секретные учреждения, именуемые контрразведывательными отделениями. Не смешивайте служащих этих отделений с агентами политического сыска старого режима... и оказывайте им полное содействие» [19].

Ранее подобные призывы и разъяснения публиковались и от имени различных войсковых штабов, однако они не привели к желаемому результату на фоне развернутой новыми властями кампании разоблачительства деятельности всех секретных служб старого

режима. Для контрразведки не было сделано исключения, поскольку революционные органы печати убеждали население и военнослужащих, что органы борьбы со шпионажем – это прикрытие для военно-политической полиции.

Итог кампании, проводимой «революционными» журналистами и политиками, был печален для системы обеспечения внешней и особенно внутренней безопасности страны и ее армии. В этой связи стоит упомянуть доклад главы французской военной миссии генерала А. Нисселя своему парижскому руководству о развитии ситуации в России. Он прямо отмечал, что «русской контрразведки больше не существует» [20]. Это обстоятельство, кстати говоря, побудило разведывательные службы союзных России государств (Англии и Франции) приступить к форсированному укреплению своих официальных представительств и созданию связанных с ними нелегальных групп. Наблюдая стремление контрразведки ГУГШ уклониться от работы по сторонникам прекращения военных действий из оппозиционных Временному правительству политических сил, союзники сами развернули активные операции против большевиков, опираясь лишь на КРО Петроградского военного округа. Вся эта деятельность строилась исходя из утверждения, что многие из руководящего звена РСДРП(б) связаны с немецкими спецслужбами, действуют в их интересах, при их финансовой поддержке.

Несмотря на все сложности обстановки послереволюционного периода в России – воюющей стране, государственно мыслящие военные и ответственные гражданские чиновники отчетливо понимали необходимость укрепить потенциал отечественной контрразведки, этого еще существующего, но явно умирающего элемента «иммунной системы» государства, реорганизовать ее с учетом произошедших радикальных изменений. Исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал В. Н. Клембовский провел в Ставке ряд встреч с заинтересованными лицами и с учетом их мнений направил докладную записку военному министру Гучкову.

Автор записки указывал на критическое положение, в котором оказались КРО внутренних военных округов в связи с упразднением жандармского корпуса и охранных отделений. Своими силами контрразведчики едва могли обеспечить борьбу с разведывательной и иной подрывной деятельностью в местах дислокации окружных штабов. В связи с этим Клембовский предлагал незамедлительно войти в контакт с МВД и решить вопрос об организации КРО во всех губернских и областных центрах на базе общественной милиции, однако с непосредственным подчинением начальнику штаба соответствующего округа [21].

Будучи известным теоретиком разведки и контрразведки, генерал, бесспорно, понимал утопичность своего проекта, поскольку новый состав милиции понятия не имел даже об организации охраны общественного порядка, не говоря уже о выявлении и разработке лиц, подозреваемых в шпионаже. Однако иного выхода из создавшегося положения он не видел. Идею опоры на милицию высказал Гучкову и крупный юрист, сенатор С.Н. Трегубов [22]. Военное министерство своих предложений не имело, поэтому запрос в МВД фактически являлся компелляцией поступивших из Ставки записок [23].

Поскольку реакции МВД не последовало, то и проект военных властей остался только на бумаге [24]. Клембовский предпринял шаги и к побуждению своих коллег в Главном управлении Генштаба к созданию специальной комиссии по выработке новых инструкций по контрразведке, а также программ обучения будущих сотрудников КРО [25].

В ГУГШ он нашел поддержку и понимание. Более того, в отделе генерал-квартирмейстера предложили комиссионно разработать такие базовые документы, как положение о контрразведке на театре военных действий и аналогичное для тыловых военных округов. Предполагалось, что в основу системообразующих документов будут положены следующие положения: 1) организация высшего руководства, а также объединение разведывательной и контрразведывательной служб в Главном управлении Генштаба и в Ставке

ВГК в лице опытных обер-офицеров; 2) комплектование должностей начальников контрразведывательных отделений всех уровней исключительно офицерами, причисленными к Генеральному штабу либо имеющими высшее юридическое (военное или гражданское) образование; 3) устранение всех сотрудников, ранее служивших в Отдельном корпусе жандармов, органах политической и криминальной полиции, и воспреещение зачисления в штат КРО указанной категории офицеров и младших чинов в будущем; 4) учреждение при ГУГШ специальных курсов для офицеров и чиновников КРО, а при штабах фронтов – курсов для наблюдательных агентов и агентов наружного наблюдения; 5) разработка единообразных штатов для одноуровневых КРО и ставок денежного содержания сотрудников. Ранее эти вопросы были в компетенции штабов армий фронтов и военных округов, что приводило к серьезным трудностям при комплектовании КРО и препятствовало перемещениям офицеров и вольнонаемных служащих.

Как утверждалось выше, новую нормативную базу по вопросам организационного строительства и практической деятельности в борьбе со шпионажем должна была создать специальная комиссия. Председателем ее назначался генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н. М. Потапов. В состав комиссии включались по одному представителю от ГУГШ, МВД, Морского Генштаба и штабов действующих армий [26].

Комиссия начала свою работу 7 апреля 1917 г. [27]. К этому времени проекты всех необходимых документов уже имелись и предстояло их обсудить постатейно. Поскольку серьезных изменений никто из присутствовавших на заседаниях не внес, то с незначительными поправками проекты и были единогласно приняты. 23 апреля 1917 г. помощник военного министра генерал Новицкий утвердил «Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе» [28].

Согласно «Временному положению» задача контрразведывательных органов заключалась «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые

своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебных действиях против России и союзных с нею государств» [29].

Обращу внимание на важный факт: формулировка основной задачи существенно отличается от того, что было указано в «Наставлении по контрразведке в военное время», принятом в 1915 г. Кроме шпионов, определение которых дано в примечании к параграфу первому «Временного положения», объектом деятельности контрразведывательных органов становился довольно неопределенный круг лиц, поскольку понятие «благоприятствовать» могло трактоваться практиками с огромным числом вариаций.

Безусловно, большевики и их сторонники, призывавшие превратить империалистическую войну в гражданскую и повернуть штыки против собственного правительства, не могли не находиться в поле зрения спецслужб. Однако, сводить значение термина «благоприятствование неприятелю» только к пропагандистской работе членов ленинской партии в войсках представляется поверхностным. Высшее командование серьезно беспокоили такие явления, как националистические проявления и сепаратизм, пацифизм, пропаганда сепаратного мира с Германией. Тревогу вызывали участвовавшие факты саботажа в сфере снабжения действующих армий всем необходимым для успешного ведения боевых действий, крупные хищения.

Нельзя забывать, что «Временное положение» разрабатывалось в период интенсивной подготовки русской армии к широкомасштабному наступлению в соответствии с решениями союзнических конференций в Шантальи и Петрограде, на которых удалось разработать общий стратегический план кампании 1917 г. [30].

Как видим, до высших руководителей страны наконец-то дошло, что после ликвидации жандармских управлений и охранных отделений некому вести борьбу с леворадикальными партиями, дезорганизующими работу оборонных предприятий, транспорта, связи, разлагающими фронтовые и тыловые армейские части, а также с националистами и сепаратистами.

Армия стала ареной острой политической борьбы, которая вела к серьезным негативным последствиям. В телеграмме, направленной Верховным главнокомандующим генералом М. В. Алексеевым 21 мая 1917 г. в адрес Временного правительства, констатировалось: «Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания. Без этого армия существовать при своем данном составе не может... войско стало грозным не врагу, а Отечеству» [31].

Исходя из изложенного, можно говорить о намерении составителей вышеуказанных документов и тех, кто утверждал «Временные положения», трансформировать аппараты контрразведки в орган государственной безопасности, сохраняя за ним (в качестве лишь одной из функций) борьбу со шпионажем. Причем органы безопасности должны были действовать не только в войсках, но и выявлять благоприятствующих неприятелю лиц на всей территории страны. В период войны, а тем более при отсутствии специальных органов по обеспечению внутренней безопасности в структуре МВД, такое использование контрразведки являлось наиболее рациональным и эффективным.

В виде Контрразведывательной части (КРЧ) ГУГШ был создан центральный аппарат контрразведки, а сама система приобрела более стройный характер. Органы контрразведки получили статус самостоятельных подразделений и в Главном управлении генштаба, и в окружных штабах.

«Временные положения» (как для ТВД, так и для внутреннего района) содержали специальное указание на необходимость назначать на должности начальников КРО и их помощников только офицеров Генерального штаба, либо лиц, имеющих высшее юридическое образование. Причем указанные категории руководителей должны были окончить специальные курсы по контрразведывательной службе [32].

Разработчики нормативной базы посчитали необходимым еще раз указать, что даже чинами для поручений и наблюдателями не могут быть те, кто ранее служил в органах политического розыска.

Поставленная начальником штаба ВГК задача укомплектовать должности начальников КРО к 5 мая 1917 г. оказалась совершенно нереальной для армейского и фронтового начальства. Иного и не следовало ожидать. Еще в конце марта начальник ГУГШ обратился в Главное военно-судное управление (ГВСУ) с просьбой выделить 20 офицеров для последующего, после прохождения специальных курсов, назначения начальниками КРО. Генерал П. И. Аверьянов мотивировал свою просьбу следующим образом: «При этом считаю своим долгом подтвердить, что только привлечением военных юристов к руководству деятельностью КРО возможность реорганизовать контрразведывательные отделения на началах, отвечающих теперешнему нашему государственному строю» [33]. Однако, в ГВСУ не сочли возможным выделить даже одного офицера, о чем и уведомили ГУГШ [34].

Аналогичная обстановка с кадрами сложилась и на фронте. Оказалось, что военных юристов действительно не хватало и что, самое главное, их денежное содержание значительно превышало получаемое контрразведчиками [35]. Поэтому желающих почти не находилось. Штаб Западного фронта доложил в Ставку, что за апрель так и не удалось подобрать военного юриста на должность начальника КРО [36].

Не лучше обстояло дело и с гражданскими юристами, призванными в армию по мобилизации. Даже опытные следователи из их числа не поднимались в звании выше прапорщика и не знали в достаточной степени военное дело [37].

Полностью укомплектовать руководящий состав КРО в действующей армии и в тыловых округах в соответствии с предъявляемыми требованиями удалось лишь к концу августа 1917 г.

Огромное значение для укомплектования КРО имел приказ Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова от 25 августа, в соответствии с которым вольнонаемные сотрудники отделений получили статус государственных служащих, что положительно сказалось на их денежном довольствии, давало определенные гарантии, в том числе по пенсионному обеспечению [38].

Этим же приказом были созданы штатные контрразведывательные пункты (КРП) в корпусах, а их начальники одновременно являлись помощниками руководителей КРО штаба армии. Штаты КРП приравнивались к армейским [39].

Генерал-квартирмейстер ГУГШ Потапов доложил военному министру, что к указанному времени во всех органах контрразведки закончен процесс реорганизации, осуществлено два выпуска специальных курсов при ГУГШ, изданы необходимые инструкции и можно считать аппараты КРО окончательно сформированными как на ТВД, так и во внутренних округах [40]. При этом генерал указывал на почти полное увольнение контрразведчиков царского времени.

Одновременно Потапов просил разрешения на увеличение штатов, объясняя это возросшим объемом работы. Керенский согласился с предложением ГУГШ и к декабрю 1917 г. не по воле пришедших к власти большевиков, а скорее по инерции реализации приказа количество сотрудников КРО возросло в среднем на 15–20 процентов [41]. Это позволило наряду с предусмотренными «Временным положением» контрразведывательными пунктами в армейских корпусах создать и укомплектовать КРП в стратегически важных городах.

Выше я показал, какие организационные и кадровые изменения произошли с военной контрразведкой с февраля по октябрь 1917 г. Практически весь этот период высшие представители армейского командования и сами контрразведчики пытались убедить общественность в том, что КРО не имеют никакого отношения к органам политического розыска, а занимается исключительно борьбой со шпионажем противника. Заявления об этом от имени Генерального штаба не раз помещались в газетах в виде воззваний за подписью Гучкова и Керенского, распечатывались в тысячах экземпляров и расклеивались на улицах и в казармах.

Вместе с тем в одном из циркуляров Ставки ВГК говорилось: «Политика в круг ведения контрразведывательной службы не входит. Однако, руководящие политические центры и вожа-

ки, а также и более мелкие исполнители в случае подозрительных действий или тенденций, дающих основание подозревать в их деятельности – руководство и снабжение денежными средствами из враждебных нам стран, подлежат безусловному обследованию... Необходимо обратить внимание на деятельность наиболее активных и крайних агитаторов в «больных частях войск, будь то солдаты или офицеры» [42].

Главное управление Генштаба в директиве штабам военных округов обращало внимание на стремление отдельных КРО ограничиться только борьбой с немецким шпионажем и не прилагают должных усилий к выявлению и пресечению контрабанды пацифистской, националистической и враждебной политической литературы, к предотвращению взрывов заводов [43].

Однако надо отметить, что подобные указания стали появляться только в середине года. До этого времени КРО находились в активной стадии реорганизации, замены личного состава и не смогли бы реализовать указания высших штабов.

Иначе обстояло дело в Петрограде. Руководитель КРО ПВО капитан Никитин расходился по принципиальным вопросам с генерал-квартирмейстером ГУГШ Потаповым и считал необходимым активно вести работу против большевиков, расценивая их действия как способствующие военному противнику в подрыве боеспособности русской армии. Следует отметить, что, будучи участником комиссии по выработке «Временного положения о контрразведывательной службе», он был одним из тех, кто настоял на расширительном толковании основной задачи контрразведки, что, несомненно привело к политизации ее деятельности.

При прямой поддержке министра юстиции П. Н. Переверзева Никитин не просто возродил аппарат КРО столичного военного округа, но и в отличие от дореволюционного времени, почти на порядок увеличил его штатную численность, доведя ее почти до 170 человек. Позднее Никитин писал, что превратил отделение в целый департамент [44]. Для сравнения можно отметить, что штат КРО фронтового штаба до мая 1917 г. составлял всего 48 единиц [45].

В обход Контрразведывательной части ГУГШ Никитин установил прямые контакты с представителями спецслужб союзников России по Антанте и в тесном взаимодействии с ними направил основные усилия на «разработку» большевиков.

По оценке Переверзева, являвшегося в тот период министром юстиции, деятельность КРО штаба ПВО в бытность начальником этого органа Б. Никитина была очень успешной. В частности, доведение до представителей воинских частей Петроградского гарнизона некоторых материалов о якобы причастности сторонников В. И. Ленина и его самого к германской разведке, использование отделением возможностей прессы в дни июльского выступления большевиков позволило Временному правительству удержаться у власти [46].

Переверзев при поддержке Керенского вскоре и сам предпринял меры к созданию еще одного аппарата тайной борьбы. Временное правительство на своем заседании 15 июня 1917 г. постановило отпустить из государственной казны средства на организацию в Минюсте «секретного наблюдения за враждебной деятельностью агентов находящихся в войне с Россией стран» [47]. Эти средства составляли сто тысяч рублей, что более чем в два раза превышало кредит, выданный военными на содержание КРО штаба Петроградского округа [48]. Новая структура получила наименование «Отдел контрразведки».

Министр юстиции 3 июля 1917 г. утвердил положение об указанном отделе. Его задачи определялись следующим образом: 1) борьба со шпионажем воюющих с Россией держав; 2) борьба с попытками насильственного восстановления старого строя.

Таким образом, впервые в истории России была предпринята попытка создать спецслужбу вне военного ведомства, соединяющую в себе функции контрразведки и политической полиции. Фактически речь шла о том, что эта служба под прикрытием контрразведки выявляла бы нелояльные Временному правительству элементы, в том числе в среде военных, включая и генералитет.

В Главном управлении Генерального штаба поначалу отнеслись к инициативе Переверзева нейтрально. На присланном в ГУГШ по-

ложении от ОКР Минюста, куратор военной контрразведки полковник М. Ф. Раевский наложил следующую резолюцию: «Возражений с нашей стороны быть не может, ибо политический розыск... и должен был брать на себя министр юстиции» [49]. Давая абсолютно верную оценку задач вновь созданного органа, Раевский не возразил относительно использования им названия «контрразведка», что вскоре привело к всплеску недоверия к КРО в действующей армии и тыловых округах.

Положение об ОКР Минюста предусматривало подчинение его непосредственно министру, который и назначал всех ответственных руководителей отдела, давал руководящие указания и контролировал их выполнение.

По линии контрразведки отдел должен был тесно взаимодействовать с соответствующими подразделениями Военного и Морского министерств, а по линии защиты государственного строя – с МВД и его местными органами. Для осуществления своих задач ОКР мог при необходимости учреждать свои территориальные органы, которым обеспечивалось полное содействие местных отделений армейской и флотской контрразведки, а также прокурорских работников [50].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что предусматривалась возможность создания строго централизованной по вертикали структуры, напрямую подчиненной министру юстиции через Отдел контрразведки. Фактически на новом витке исторического развития материализовалась схема построения системы органов царской секретной полиции. Переверзев своим решением даже предоставил отделу контрразведки право производства всех следственных действий, включая и аресты подозреваемых лиц, чего до мая 1917 г. были лишены военные контрразведчики.

Исходя из соображений политической целесообразности, министр юстиции фактически превысил свои полномочия и вторгся в сферу компетенции военных властей, хотя и ссылаясь на одобрение своего решения Временным правительством в служебном письме в ГУТШ о создании ОКР Минюста [51].

Керенский предложил назначить начальником отдела мало кому известного Н. Д. Миронова. Их связывали давние и довольно близкие отношения. В период первой русской революции доцент Московского университета, преподаватель санскрита Миронов создает эсеровскую группу под громким названием «Организация вооруженного восстания» и ее печатный орган – бюллетень «Буревестник». Одним из первых Миронов пригласил печататься в бюллетене Керенского, фактически приобщив его таким образом к революционной деятельности [52].

«Буревестник» вскоре стал одним из ведущих изданий партии социалистов-революционеров, но сам Миронов так и не выбился в эсеровские лидеры. В апреле 1917 г. он возвратился в Россию из эмиграции и не преминул обратиться по вопросу о «трудоустройстве» к Керенскому, тогдашнему министру юстиции. Насколько известно, Миронов имел отношение к небольшой группе людей, которые занимались разбором дел Петербургского охранного отделения и составили позднее костяк Отдела контрразведки Минюста.

Неофициальный руководитель всей контрразведки в Петрограде Переверзев приказал начальнику КРО штаба округа Никитину провести краткое обучение личного состава ОКР Минюста методам тайной работы и особенностям расследования дел по шпионажу. Политический розыск под флагом контрразведки вскоре начал действовать.

Летом 1917 г. в ОКР разрабатывали материалы о заговоре в Ставке ВГК и Генштабе, о возможной шпионской деятельности известного эсера В. М. Чернова и его сподвижника М. А. Натансона, приверженца военной диктатуры адъютанта генерала Корнилова, нефтяного дельца В. С. Завойко и монархической офицерской группы [53].

После июльских событий в Петрограде и ухода Переверзева с поста министра юстиции А. Керенский, будучи недоволен работой Никитина, снял последнего с должности начальника КРО штаба ПВО. Его заместителю М. Н. Лебедеву, юристу по образованию, работавшему в контрразведке с начала мировой войны, главно-

командующий округом генерал Василевский однозначно дал понять, что повышения по службе ему ожидать не стоит. По указанию свыше начальником КРО 27 июля стал Миронов [54]. Он совмещал эту должность с руководством отделом контрразведки Минюста. Таким образом, Керенский сосредоточил в одних руках почти все контрразведывательные органы в столице. Исключение составляла лишь соответствующая военно-морская служба и немногочисленное подразделение ГУГШ.

Особое внимание уделялось Мироновым изучению окружения Верховного главнокомандующего Корнилова и тайной военно-политической группы из числа членов Союза офицеров армии и флота, легально действовавшего в Ставке.

Накануне корниловского выступления вместе с военным министром Б. В. Савинковым Миронов прибыл в Ставку для производства ареста наиболее видных членов заговорщической группы. Но в Могилеве, где располагалась Ставка, полномочия Миронова и его указания никто не воспринимал как обязательные к исполнению. Больше того, генерал Корнилов заявил Савинкову при конфиденциальной беседе, что если Миронов приступит к арестам, то сам будет немедленно расстрелян [55].

Сам Керенский в показаниях следственной комиссии по делу Корнилова, счел за благо откреститься от своего «фаворита контрразведки», заявив, что не только не давал ему указания провести аресты в Ставке, но и вообще не знал о его поездке. Вместе с тем Керенский подтвердил, что, минуя командование округа и даже военного министра Савинкова, лично давал Миронову указания о разработке тех или иных лиц [56].

Вместе с падением авторитета Керенского и способностью его держать ситуацию под контролем снижалась и дееспособность «карманной» контрразведки во главе с Мироновым.

Когда очередным министром юстиции стал А. А. Демьянов, он по совету своего предшественника А. С. Зарудного решил ликвидировать ОКР. Демьянов позднее вспоминал: «Я убедился, что незаконность существования контрразведки была настолько

ясна, что, не уничтожив ее, впоследствии нельзя было бы разделиться с запросами парламента по поводу ее существования» [57].

Как видим, нового министра юстиции волновала, в основном, возможная критика со стороны выборного законодательного органа и своих политических единомышленников, которые и вели кампанию по уничтожению политической полиции в первые после февраля месяцы.

И вот 21 сентября 1917 г. на заседании «Совета пяти», куда входили министры: военный – генерал А. И. Верховский, морской – адмирал Д. Н. Вердеревский, внутренних дел – С. Н. Салтыков, иностранных дел – М. И. Терещенко и юстиции – Демьянов, последний выступил с докладом «О политической контрразведке Минюста» и высказался за ее упразднение. После детального обсуждения выяснилось, что большинство «Совета пяти» поддержали план Демьянова. Суть его состояла в ликвидации ОКР МЮ, все дела, связанные со шпионажем, передавались исключительно в военное ведомство. Одновременно Министерству внутренних дел поручалось разработать подробный проект реорганизации уголовного розыска с тем, чтобы ему были подведомственны и «политические преступления, которые носят характер уголовно наказуемых деяний» [58].

ВГУГШ только и ждали указанного выше решения. Буквально за несколько дней до совещания военный министр генерал Верховский не знал о созревшем решении Демьянова, писал ему о необходимости хотя бы изменить название тайной службы Минюста, поскольку ее репрессивные действия приписывались органам контрразведки, подчиненным армейским штабам [59]. Генерал-квартирмейстер Штаба ВГК даже дал указание в официальных документах вместо термина «контрразведка» употреблять «контршпионаж». А участники съезда начальников КРО действующей армии обратились в Минюст и МВД с требованием больше не использовать название КРО для создаваемых подразделений [60].

После ликвидации ОКР МЮ часть его сотрудников перешла на службу в отделение контрразведки Штаба ПВО, которым, как мы уже говорили, также руководил Н. Миронов. Все дела, нахо-

дившиеся в производстве ОКР МЮ, были Демьяновым официально направлены в Главное управление Генштаба [61].

Чтобы в общественных кругах не сложилось впечатление о еще большей политизации военной контрразведки в связи с передачей ей дел и личного состава упраздненного органа, командование округа, явно не без влияния Миронова, опубликовало в прессе специальное заявление. В нем, в частности, указывалось, что ни одно лицо, находившееся когда-либо на службе в политических розыскных органах прежнего строя, в контрразведывательном отделении штаба на службе не состоит, и сотрудники КРО в своей деятельности не допускают возможности пользоваться методами охраны, прежде всего насаждением секретных сотрудников [62].

Заканчивая рассмотрение вопроса о попытках Временного правительства создать новую «иммунную систему» в виде органов госбезопасности, можно сказать, что это мероприятие значительно растянулось по времени и во многом не удалось. Об эффективности деятельности военной и политической контрразведки говорить вообще не приходится. Если не считать шаги по «привязке» большевиков к операциям германской разведки, сделанные с подачи и при непосредственном участии петроградского представительства французских спецслужб, то мы не видим каких-либо действенных мер по обеспечению безопасности существования Временного правительства, недопущению его свержения.

Исторический опыт показывает, что вне зависимости от формы правления никакое государство, не имеющее в своем распоряжении специального силового ресурса (органов разведки, контрразведки и политического розыска), того, что в этой статье я называю «иммунной системой», нельзя считать устойчивым и перспективным.

Источники и литература:

1. 1917. Разложение армии. – М., 2010. Первое издание этого сборника документов было осуществлено в 1925 г.
2. *Половцев П. А.* В дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 году. – М., 2016; Революция 1917 года в России как серия

- заговоров. – М., 2017; *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. – М., 2011; *Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. – М., 2013; *Селезнев Ф. А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией 1914–1918 гг. – СПб., 2017.
3. *Перегудова З. И.* Политический розыск России (1880–1917). – М., 2013; *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. – М., 1997; *Глобачёв К. И.* Правда о русской революции. – М., 2009; *Блок А. А.* Последние дни императорской власти. По неизданным документам. – М., 2012.
 4. *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. 1916. – Минск., 2003. – С. 128, 530, 531.
 5. ГАРФ. Ф. ДП, СО. 1916. Оп. 1. Д. 102. Л. 95–96; Падение царского режима. Т. 4. – Л., 1925. – С. 514.
 6. *Глобачёв К. И.* Правда о русской революции. – М., 2009. – С. 30.
 7. Там же. С. 166.
 8. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 101.
 9. Там же. Л. 97.
 10. Там же. Л. 98.
 11. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 242. Л. 13.
 12. Там же. Л. 22.
 13. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 11. Л. 16.
 14. Вечернее время. 1917. 23 июня.
 15. Биржевые ведомости. 1917. 12 октября.
 16. *Никитин Б.* Роковые годы. – Париж, 1937. – С. 17.
 17. Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 11. – С. 44.
 18. *Перегудова З. И.* Деятельность комиссий Временного правительства и советских архивов по раскрытию секретной агентуры царской охраны // Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 10–22.
 19. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 798. Л. 17.
 20. ЦХИДК. Ф. 198. Оп. 9а. Д. 12858. Л. 181.
 21. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 22. Л. 4 об.
 22. Там же. Л. 10.
 23. Там же. Л. 6–7.
 24. В материалах КРО штабов военных округов автор не обнаружил упоминания о каких-либо специальных подразделениях милиции, исполнявших функции контрразведки в губернских городах и других стратегически важных центрах.
 25. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13, Д. 1, Л. 109 об.

26. Там же. Л. 39.
27. Комиссия заседала до 20 апреля 1917 г. В ней приняли участие начальник разведывательного отделения ГУГШ М. Ф. Раевский, офицер штаба ВГК Н. В. Терехов, начальник Морской Регистрационной службы В. А. Виноградов, начальники КРО Петроградского (Б. В. Никитин) и Одесского (Ускат) военных округов, КРО штаба Северного фронта (Тихомиров), председатель МВД Н. В. Волчанинов.
28. Предполагалось, что «Временное положение» утвердит непосредственно военный министр А. И. Гучков, однако он был в это время болен и его обязанности исполнял генерал Новицкий.
29. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13, Д. 1, Л. 59.
30. *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. – М., 1976. – С. 337.
31. Первая мировая война. – М., 1994. – С. 163.
32. ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 242. Л. 2.
33. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 46.
34. Там же, Д. 22. Л. 25.
35. Там же. Л. 94.
36. Там же. Л. 94.
37. Даже следователь по особо важным делам при Верховном главнокомандующем В. Г. Орлов был прапорщиком крепостной артиллерии.
38. Труды ВКШ КГБ. 1978. № 18. С. 95.
39. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15, Д. 797. Л. 160 об.
40. Там же. Оп. 13, Д. 14. Л. 54 об.
41. Там же. Д. 3. Л. 17. Наибольшее увеличение штатов произошло в КРО Петроградского военного округа – со 167 до 218 человек.
42. Там же. Л. 21.
43. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 14, Д. 13. Л. 11.
44. *Никитин Б.* Роковые годы. – Париж, 1937. – С. 16.
45. ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 242. Л. 6.
46. Возрождение. 1929. 17 апреля.
47. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1 3, Д. 15. Л. 1.
48. *Никитин Б.* Роковые годы. – Париж, 1937. – С. 15.
49. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 15. Л. 2.
50. Там же. Л. 4 об.
51. Там же. Л. 3.
52. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. – М., 1993. – С. 40.
53. Архив УФСБ по СПб и ЛО. Уголовное дело №10059. Л. 91.

54. ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 3. Л. 385 об.
55. Керенский А. Ф. Дело Корнилова. – М., 1918. – С. 98.
56. Там же. С.98.
57. Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 4. – С. 105.
58. Новая жизнь. 1917. 22 сентября.
59. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 15. Л.18.
60. Там же. Оп. 15. Д. 809. Л. 22.
61. Там же. Л. 19.
62. Армия и флот свободной России. 1917. 12 сентября.

Вопросы и задания:

1. Какая система обеспечения внутренней безопасности существовала в царской России?
2. Какие решения приняло Временное правительство в первые дни своего существования в области обеспечения внутренней безопасности?
3. Могла ли старая контрразведка эффективно работать в период Временного правительства?
4. Кто представлял реальную угрозу существованию Временного правительства: а) разведывательные органы воюющей с Россией Германии; б) большевистская партия; в) разведслужбы союзников России по Антанте; г) собственная армия и флот?
5. Проанализируйте текст статьи и сделайте вывод: может ли любое государство и при любом режиме обойтись без органов обеспечения безопасности от внутренних и внешних угроз?

Раздел 2. У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Ананченко А. Б.

Формирование Советского государства (февраль 1917 – январь 1918 гг.)

Формирование новой советской политической системы и государства – сложный и относительно длительный социально-исторический процесс формирования новых государственных и общественных элементов политической организации советского общества и исчезновения и подчинения элементов политических систем Российской империи и Российской Республики. Самостоятельное значение для понимания этого процесса имеет период февраля 1917 – января 1918 г., когда первоначально старые и новые органы власти, управления и общественной самодеятельности сосуществуют в рамках одной (переходной) социально-политической системы, а только на следующем этапе происходит их административно-территориальное размежевание.

В процессе перехода от политической системы Российской Республики к советской политической системе изменения затронули прежде всего сложившуюся на практике систему государственных органов власти и управления как решающий, определяющий элемент политического господства и социального управления. Содержанием этого процесса была ликвидация государственных органов Российской империи и Российской Республики, создание и укрепление новых советских органов власти и государственного управления в центре (в столице) и на местах.

Формирование органов государственной власти Российской Республики в 1917 г. Важное значение для понимания формирования нового государства имеет анализ системы органов го-

сударственной власти Российской Республики в период февраля – октября 1917 года¹, то есть накануне и в ходе Октябрьской революции.

Система органов власти Российской Республики в период февраля – октября 1917 года находилась в процессе качественного изменения и приведения в соответствие с демократическими политическими и социально-экономическими преобразованиями в стране в целом. Строение системы государственных органов в этот период представляло собой сложное переплетение государственных органов Российской империи, органов власти Российской Республики и самостоятельных революционных органов и организаций. Качественной характеристикой этого процесса формирования новой политической системы было наличие нескольких центров высшей всероссийской власти и многообразие ее на местах. Это *политическое многовластие*, как и сама политическая революция, не закончились вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Первоначально, в ходе Февральской революции, когда была ликвидирована монархия, возникли только высшие органы новой власти, хотя их институциональное оформление тогда так и не завершилось, поскольку окончательное оформление они должны были получить только по итогам работы Учредительного собрания. Возникшие в ходе Февральской революции новые органы высшей государственной власти должны были взять на себя законодательные, исполнительные и судебные функции монарха и других государственных органов России.

¹ Краткий анализ истории изменения системы государственной власти в период февраля – октября 1917 г. мы вынуждены рассмотреть, не расширяя хронологические рамки своего исследования и не отказываясь от рассмотрения этого периода вообще. При этом мы исходим из того, что формальное изменение хронологических границ вряд ли целесообразно, так как, во-первых, эта проблема частично выходит за рамки предмета нашего исследования, а во-вторых, требует специального самостоятельного исторического исследования. В то же время не дать хотя бы наиболее общий ее анализ также невозможно в силу того, что такого анализа нет в историографии, а изучаемые нами исторические процессы не могут быть адекватно описаны без предшествующего политического периода, поскольку очень часто они являются продолжением и завершением или «затуханием» политических «волн» другой эпохи.

Важные изменения произошли в системе высших органов государственной власти Российской империи. В период февраля – октября 1917 г. были упразднены некоторые высшие и центральные органы власти Российской империи либо значительно сужены их реальные функции. В мае 1917 г. была упразднена назначаемая часть Государственного совета (верхней палаты прежнего парламента)². Февральская революция упразднила часть старых административно-политических органов власти: жандармерию, полицию и управление по печати, осуществлявшее цензуру³. Административно был закрыт ряд газет монархического направления, запрещена деятельность монархических, ряда буржуазных партий и черносотенных организаций⁴. 6 октября 1917 г. указом Временного правительства была распущена IV Государственная дума и Временный комитет Государственной думы, который провел свое последнее заседание 9 октября 1917 г.

Высшими органами власти, возникшими в ходе Февральской революции были «Временный комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами»⁵ (27 февраля – 9 октября 1917 г.)⁶, Временный исполком Петроградского Совета рабочих – Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (27 февраля – май 1917 г., сентябрь – октябрь 1917 г.)⁷,

² *Исаев И.А.* История государства и права России. – М., 1993. С. 234.

³ Там же. С. 232.

⁴ См. более подробно историю политических партий этого периода в работе: *История политических партий России.* М., 1994; *Политические партии России в контексте ее истории.* Ростов-на-Дону, 1998.

⁵ *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. – М., 1990. – С. 272.

В историографии для названия этого органа власти обычно употребляются следующие названия: «Временный комитет Государственной думы», «Исполком Государственной думы», «Временный исполком Государственной думы».

⁶ Здесь и далее после названия органа власти мы даем дату начала и конца его существования, если хронологические границы существования органа власти совпадают с хронологическими границами нашего исследования, или только одну дату – образования или исчезновения, если вторая дата находится за хронологическими границами исследуемого нами периода.

⁷ Здесь выделены лишь те этапы, когда Петросовет выполнял ряд функций высшей и центральной государственной власти. В период с мая по сентябрь эти функции перешли вместе с руководителями во ВЦИК Советов. См., например, хронологические этапы деятельности Петросовета до Октябрьской революции, выделенные Б. Д. Гальпериной: 27 февраля – 5 мая; 6 мая – 31 августа; сентябрь – 24–25 октября 1917 года, – в статье «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года» // *Вопросы истории.* 1990. № 4. С. 3».

Временное правительство (2 марта – октябрь 1917 г.), ВЦИК первых съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Временный Совет Российской Республики (Предпарламент). В то же время в течение всего периода февраля – октября 1917 г. продолжали сохраняться такие высшие и центральные органы Российской империи, как Государственная дума (... – 6 октября 1917 г.)⁸, Государственный Совет, Сенат (высший судебный орган) и министерства, хотя старые государственные функции выполнялись ими не в полном объеме, а новые так и не были определены до конца. Возникали и новые учреждения, в частности, для регулирования экономической жизни в стране⁹.

Одним из высших органов новой власти было возникшее в ходе Февральской революции Временное правительство. Источники его формирования, статус и функции отразили все противоречия этого этапа политической революции в России. Временное правительство (2 марта – 25 октября 1917 г.) было образовано по соглашению Временного комитета Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета, сменив Временный общественный Совет министров (просуществовал один день – 1 марта)¹⁰. Временное правительство выполняло одновременно часть функций высшего законодательного и исполнительного органа государственной власти.

Законодательные и законосовещательные функции Временного правительства осуществлялись им через принятие декретов, указов и подготовку проектов основополагающих законопроектов для будущего Учредительного собрания.

Характерной чертой Временного правительства как органа власти весь период его существования была неполнота, ограниченность его реальной исполнительной власти, что вы-

⁸ 6 октября 1917 г. Временное правительство издало акт о роспуске Государственной думы.

⁹ См. более подробно по этой проблеме монографию: *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. – М., 1962.

¹⁰ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. – С. 272.

ражалось в осуществлении им только части исполнительных функций высшей государственной власти, ограниченности управления вооруженными силами и административно-политической столицей России. Сам характер возникновения Временного правительства как временного и вынужденного компромисса части политических сил России, при отсутствии реального компромисса в обществе, приводил к тому, что в самые сложные и ответственные политические моменты правительство вынуждено было обращаться за поддержкой (то есть за политическим авторитетом и даже за вооруженной силой) к реальной власти – ЦИКу Советов.

Исполнительные функции новым правительством осуществлялись в том числе и через комиссаров Временного правительства в старых центральных органах государственного управления Российской империи – министерствах и ведомствах и их органах на местах, в административно-территориальных образованиях государства, а также через политические отделы в органах управления вооруженными силами. В то же время в ходе развития Февральской политической революции возникали новые органы революционной исполнительной власти, которые не входили в старую государственную исполнительную «вертикаль», и самостоятельно брали на себя частично или полностью функции центральной и местной государственной власти.

Высшим органом власти, административно-территориальное влияние которого в основном ограничивалось столицей, Петроградским гарнизоном и неравномерно распространялось на некоторые регионы России, был Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который выполнял представительные, часть исполнительных, законодательных и контрольных функций высшей государственной власти, а также участвовал в согласовании состава первого (2 марта – 4 мая 1917 г.) и первого коалиционного (5 мая – 23 июля 1917 г.) Временного правительства и согласовании его политики через специально созданный орган – Контактную

комиссию Исполкома Петроградского Совета (образована 10 марта 1917 года)¹¹.

С июня – июля 1917 г. властные функции Петроградского Совета переходят на практике к Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИКу) съездов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, хотя организационно и юридически Центральный исполнительный комитет съездов крестьянских депутатов и Всероссийский центральный исполнительный комитет съездов рабочих и солдатских депутатов продолжали существовать как самостоятельные организации. Это, в частности, стало одной из причин того, что II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 года не мог взять на себя всю полноту власти в стране без одобрения этого решения соответствующим съездом крестьянских депутатов или его Центральным исполнительным комитетом.

После своего возникновения, ВЦИК съездов Советов выполнял представительные, исполнительные, контрольные и законосовещательные функции высшей государственной власти. Иногда созданным им органам переходила (или передавалась Временным правительством) вся исполнительная и военная власть в столице, как, например, во время июльских событий в Петрограде. Исполком же ВЦИК поручил А.Ф.Керенскому формирование второго коалиционного Временного правительства (24 июля – 24 сентября 1917 г.). Свои исполнительные государственные функции на местах осуществлялись ВЦИКом через возникшие в ходе развития революции местные Советы, ревкомы, комитеты спасения революции и другие революционные органы власти и общественно-политические организации, а также через назначаемых Советом комиссаров, опираясь на вооруженные отряды народной или рабочей милиции и армейские подразделения прежде всего столичного гарнизона.

¹¹ Решение о ее создании принято на заседании Исполкома Петроградского Совета 8 марта 1917 года. Известия. 1917. 9 марта. № 10. С. 1. См. об этом подробнее: История Коммунистической партии Советского Союза. Вып. 1. 1883–1917 гг. М., 1965. С. 187; *Гальперина Б. Д.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 года // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 3.

В сентябре – октябре 1917 г. функции центрального органа власти в Петрограде снова начинают переходить к Исполкому Петроградского Совета. Развитие политической ситуации осенью 1917 г., подавление Корниловского мятежа, изменение партийного состава Петросовета создавали условия для превращения его в центральный представительный, исполнительный и контрольный орган власти. Двоевластие в столице приняло форму борьбы Исполкома Петросовета и его исполнительных органов (например, Военно-революционного комитета – ВРК) и Временного правительства. Политическое и властное влияние объединенных ВЦИКов съездов Советов значительно сузилось. Этому способствовала их сознательная позиция передачи своей власти органам, представлявшим, как им казалось, более широкий общественный и политический спектр сил, чем Советы, в том числе Временному Совету Российской Республики.

С сентября 1917 г. Временное правительство совместно со ВЦИК съездов Советов осуществляет попытки создать новый временный представительный орган, который будет объединять и представлять большинство политических и общественных сил Российской Республики, сменит представительный революционный орган – ВЦИК съездов Советов, окажет влияние на формирование полноценного демократического парламента и формирование полномочной общероссийской исполнительной власти. С этой целью в сентябре 1917 г. был создан Временный Совет Российской Республики (сентябрь – октябрь 1917 г.), известный в литературе как Предпарламент¹². Формирование основ конституционной демократической республики – именно этим руководствовались политические лидеры разных направлений, когда состав третьего коалиционного Временного правительства (25 сентября – 25 октября 1917 г.) обсуждался не только со ВЦИК, а согласовывался в более широком партийном

¹² В литературе он известен под рядом названий: «Всероссийский демократический Совет», «Временный Совет Российской Республики». См. подробную справку об этом органе, например, в книге: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. – М., 1993. – С. 387.

и общественном составе, основой которого был Временный Совет Российской Республики¹³.

Попытка передать юридически выполнявшиеся фактически функции высшей государственной власти ВЦИКом съездов Советов «демократическому» предпарламенту так и не удалась. Нараставший в сентябре – октябре 1917 г. социальный и политический кризис, новый виток борьбы за высшую государственную власть в стране объективно заставлял сложившиеся уже государственные органы стремиться сосредотачивать в своих руках как можно больше реальных функций государственного управления, а не передавать их кому-либо, тем более, что в такой ситуации это просто невозможно.

Таким образом, не обладая реальными рычагами власти, при сохранении других революционных представительных органов и при игнорировании его реальной исполнительной властью, в том числе и Временным правительством, Временный Совет Российской Республики так и не стал законодательным или контрольным органом над высшей исполнительной властью, а его деятельность свелась только к ограниченным законсовещательным функциям.

Центральные и местные органы власти Российской Республики находились еще в самом начале своей трансформации, и поскольку они выполняли сложившиеся в предшествующую политическую эпоху функции, постольку и их строение существенно не изменялось. Новые центральные и местные органы власти в этот период развития политической системы выполняли скорее политические контролирующие функции по отношению к старым органам управления и были своеобразной политической «надстройкой» над предшествующей системой государственных органов. Для выполнения исполнительных и контрольных функций на местах и в центральных органах управления был создан институт комиссаров Временного правительства, которые назначались в государственные учреждения и ведомства, в местные административно-территориальные образования и были представлены в армии и на фронте. Для более

¹³ Великий Октябрь. – М., 1987. – С. 181.

надежного политического контроля над командованием вооруженных сил в Ставке, при штабах фронтов и армий были созданы политические отделы.

Осенью 1917 г. нарастает политический и административный кризис в стране. Временное правительство начинает готовить реформу губернской исполнительной власти. Предполагалось заменить комиссаров коллегиальными органами¹⁴. Но эта реформа так и не была проведена, да и вряд ли вообще могла быть проведена в условиях системного кризиса власти. Процесс же отстранения губернских комиссаров Временного правительства от власти осенью 1917 года происходил в течение октября 1917 – января 1918 гг.

Кроме исполнительных органов Временного правительства на местах существовали и другие органы власти, управления и «силового воздействия»: Советы, ревкомы, Рабочая милиция, Красная гвардия и другие. Отличительной чертой политического переходного периода было неопределенность и пересечение функций различных государственных органов управления.

Таким образом, территориальное строение органов власти Российской Республики включало в себя, как правило, следующие элементы:

1. Органы власти Временного правительства:

- областной, губернский комиссар Временного правительства – представитель высшей исполнительной власти, выполнял функции координации, контроля и надзора; в условиях общественных беспорядков и политических выступлений должен был брать на себя всю полноту власти в регионе;
- Губернская дума – представительный орган власти на территории губернии;
- Городская дума (районные думы):
исполнительный орган – управа;
- губернские земские собрания;
- уездные земские собрания;

¹⁴ См.: Сагалаков Э. А. Институт комиссаров Временного правительства. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1997. – С. 19.

исполнительный орган – милиция;

- волостные земства (до мая 1917 г. – волостные комитеты)¹⁵.

2. Строение советских органов власти Российской Республики¹⁶:

- Губернский комиссар ВЦИК;
- Областные и губернские съезды Советов:
исполнительные органы съездов – исполкомы, милиция, Красная гвардия;
- районные съезды Советов:
исполнительные органы съездов – исполкомы, милиция, Красная гвардия;
- городские Советы;
- уездные Советы;
- волостные Советы¹⁷.

Система съездов Советов и их исполкомов находилась еще в процессе своего возникновения и становления, поэтому не везде существовали все ее территориальные звенья¹⁸. Особенно это касается уездных и волостных крестьянских Советов, которые в этот период были немногочисленны. До октября 1917 г., по подсчетам О. Н. Моисеевой, в 29 губерниях европейской части страны существовало около восьмисот волостных Советов, или примерно в 11% волостей¹⁹. Кроме этого отличались большим разнообразием состав исполнительных органов Советов и система выборов в них и на съезды Советов.

Таким образом, в общих чертах система органов государственной власти Российской Республики к Октябрьской револю-

¹⁵ См.: *Сенцов А. А.* Развитие российского государства после Февральской революции 1917 г. – Краснодар, 1994; *Исаев И. А.* История государства и права России. – М., 1993; *Орлов В. С.* Рождение советской демократии: февраль 1917 – июль 1918. – М., 1987.

¹⁶ Здесь отражена лишь возможная и наиболее полная схема органов власти, реальность же представляла собой сложную «мозаику».

¹⁷ См.: *Сенцов А. А.* Развитие российского государства...; *Исаев И. А.* История государства и права России; *Орлов В. С.* Рождение советской демократии...

¹⁸ См. по этой проблеме, например: *Андреев А. М.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983.

¹⁹ *Моисеева О. Н.* Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967. С. 173.

ции включала в себя следующие высшие органы государственной власти: Временное правительство, объединенный ВЦИК съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Временный Совет Российской Республики; Государственный совет; Сенат; на определенных этапах в качестве высшего или центрального органа власти выступал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов; центральные органы государственного управления: министерства, комитеты, комиссии, Ставку; и местные органы власти: фронтовые, областные и губернские комиссары Временного правительства, земства, городские думы, Советы, комитеты спасения революции, ревкомы.

В целом можно констатировать, что система органов государственной власти Российской Республики в период февраля – октября 1917 года находилась в процессе качественных изменений. Существенным моментом этой трансформации было наличие многовластия на всех уровнях государственного управления и Советов как государственной формы политического и общественного представительства в этот переходный период. Одними из важнейших черт системы государственного управления Российской Республики были неопределенность, дублирование и неправовой характер функций большинства органов государственной власти.

Переломным событием в новейшей политической истории XX в., «подлинным» началом новой советской государственности принято считать 25 октября 1917 г. Конечно, как и в любом процессе, становление политической системы «знает» свои переломные точки, и 25 октября – одна из них. В то же время историки, на наш взгляд, до сегодняшнего дня часто поневоле находятся в плену праздничных дат и идеологических представлений о значении и месте этого события в изучаемом нами процессе.

Можно выделить по крайней мере равнозначные «точки перелома», которые и задают результирующий вектор изучаемого политического процесса в период февраля 1917 – января 1918 г.: это – *февраль 1917 г.; 25 октября 1917 г.; 6 января 1918 г.*

Если же говорить о главном событии среди перечисленных, то, без сомнения, лавры «Октября» надо бы передать 6 января, хотя оно не так героично или трагично (как многим бы хотелось), а скорее, даже просто буднично на фоне грандиозных социальных катаклизмов и «разломов» той эпохи.

Формирование системы высших органов власти в период 25 октября 1917 г. – января 1918 г. выступает и как заключительная фаза «Февраля» и как начало нового этапа политической революции. Новое правительство в этот период сохраняет титул Временного правительства, но опирающегося теперь на Советы и выполняющего политическую программу Февральской революции по легитимизации новой власти – созыв Учредительного собрания.

Вооруженное восстание 24–25 октября 1917 г. в Петрограде положило начало ликвидации высших органов власти Российской Республики и передало власть в столице первоначально в руки Военно-революционного комитета (до 5 декабря 1917 г.)²⁰ – исполнительного органа Петроградского Совета. Новыми временными высшими органами власти до созыва Учредительного собрания были провозглашены: съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ВЦИК съезда и ответственное перед ними «...временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров»²¹ (27 октября 1917 – январь 1918 г.)²².

Процесс ликвидации высших, центральных и местных органов власти Российской Республики происходил хронологически и территориально не одновременно и занял относительно длительный

²⁰ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства 1917–1918. – М., 1987. – С. 82.

²¹ Надо отметить, что такое плавное изменение содержания статуса органа власти путем двойного поименования, а затем постепенного перенесения акцентов в этих названиях стало классическим затем в российской истории XX века и успешно используется вплоть до новейшего времени. Такое отношение к жизни, конечно, очень далеко отстоит от библейского, хотя и использует ветхозаветный принцип, что сначала было Слово...

²² Декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, [27 октября 1917 г.] // Декреты Советской власти. – Т. 1. – М., 1957. – С. 20.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 28.

период. В первую очередь были упразднены высшие органы государственной власти как определяющий политический элемент государственного управления, его ключевое звено. Длительный период заняли попытки нового советского руководства подчинить аппарат старых центральных органов управления. Еще более длительный период сосуществовали новые и старые органы местного самоуправления.

Период октября 1917 – лета 1918 г. характеризовался сосуществованием старых и новых органов власти как правило в рамках одного государства и в одних и тех же административно-территориальных единицах. С лета 1918 г., с началом Гражданской войны и возникновением на территории России множества военно-политических государств-режимов, область распространения новых и старых органов власти поляризуется в соответствии с военными и политико-административными границами распространения власти и влияния этих правительств и государств.

Процесс ликвидации высших органов Российской Республики занял определенное время. В ходе вооруженного восстания Октября 1917 г. был ликвидирован главный высший исполнительный и законодательный орган Российской Республики – Временное правительство, которое продолжало до начала ноября нелегальную работу и осуществляло попытки вооруженным путем вернуть власть (наступление войск Керенского – Краснова, восстание юнкеров в Петрограде и боевые действия в Москве).

Декретами СНК в октябре – ноябре были распущены высшие представительные органы Российской Республики: Временный Совет Российской Республики (Предпарламент)²³, Государственный Совет (выбираемая часть, назначаемая – была упразднена еще

²³ Надо отметить, что политическое значение Предпарламента и распущенной Временным правительством еще в начале октября Государственной думы в российском обществе в этот период было совсем незначительным. Их юридический роспуск не вызвал в обществе ни протеста, ни сожаления. В этот период большинство политически активных элементов общества начинали, на наш взгляд, группироваться вокруг деятельности по избранию Учредительного собрания и вокруг борьбы ЦИКов I и II съездов Советов.

в ходе Февральской революции). 27 октября 1917 года ВЦИК II съезда рабочих и солдатских депутатов в обращении к местным Советам объявил об окончании полномочий ВЦИК I съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, его комиссаров и представителей на местах²⁴. ВЦИК I съезда не подчинился этому решению и пытался возобновить и продолжить свою деятельность.

В течение 25 октября – ноября 1917 года продолжал функционировать ЦИК I Всероссийского съезда крестьянских депутатов – один из элементов высших представительных органов политической системы Российской Республики. Поскольку в предшествующей политической и государственной традиции 1917 года этот ЦИК был одним из элементов советской системы, одним из элементов согласования состава высшей исполнительной власти страны, постольку новому временному правительству – СНК даже для сохранения титула «временного» необходимо было организовать в той или иной форме свою поддержку Исполнительным комитетом Всероссийского крестьянского съезда. Для этого большевики при поддержке левых эсеров шли на любые интриги для достижения своей цели и формирования нового состава крестьянского ЦИК, поддерживающего СНК и позволяющего формально закрепить ему за собой звание очередного Временного правительства, опирающегося на большинство народа. В результате им удалось в ноябре 1917 г. провести два съезда крестьянских депутатов, поддержавших правительственный блок большевиков и левых эсеров и их политический курс²⁵.

²⁴ Великий Октябрь. – М., 1987. – С. 205.

²⁵ См. о борьбе большевиков за влияние в центральных советских органах, например: *Гайсинский М. Г.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. – М., 1933; *Старцев В. И.* Большевики, Второй Всероссийский съезд Советов и создание советской системы // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. – Л., 1973. – С. 7–45; *Хесин С. С.* Становление пролетарской диктатуры в России. Вопросы установления Советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917 – март 1918 гг.). – М., 1975; *Югов М. С.* Советы в первый период революции // Очерки по истории октябрьской революции. – М.; Л., 1927. – С. 113–253.

В конце ноября были закрыты высшие и центральные судебные учреждения Российской Республики: Сенат (высшая судебная инстанция), Главный военный суд, Петроградский коммерческий суд. Декретом о суде № 1 была упразднена старая прокуратура²⁶.

Таким образом, в течение 25 октября – декабря 1917 г. были ликвидированы и упразднены практически все высшие органы власти Российской Республики. Дольше всего продолжали сохраняться прежние представительные советские органы, объединявшие большинство советских партий, не вошедших в новое Временное правительство – Совет народных комиссаров. После роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г. начинается государственно-территориальное размежевание высших органов власти, сосуществовавших до этого в различные периоды февраля 1917 – января 1918 г. в так называемой системе «двоевластия»²⁷, начинается подготовка вооруженной борьбы между ними и постепенное развертывание боевых действий.

Качественная особенность складывания высших государственных органов Советской России в период 25 октября 1917 – 6 января 1918 г. состояла в том, что они, во-первых, формально представляли в качестве целей деятельности и в оправдание вооруженного захвата власти быстрое и непосредственное осуществление «программы Февральской революции» – решение аграрного вопроса, заключение мира, создание «ответственного» советского правительства и созыв Учредительного собрания; а во-вторых, эти органы власти формировались в условиях уже сложившихся определенных

²⁶ По истории формирования советской судебной системы см.: *Кожевников М.* История советского суда. 1917–1956. – М., 1957; *Портнов В. П., Славин М. М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). – М., 1990; *Токарев Ю. С.* Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917 – июнь 1918 г.) // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. – Л., 1973. – С. 240–258; *Хаски Ю.* Российские адвокаты и советское государство: Происхождение и развитие советской адвокатуры: 1917–1939. – М., 1995.

²⁷ Хотя и сам термин «двоевластия» и само понимание, скрывающееся за ним, всего лишь неполно фиксируют не исключение (как предполагал В. И. Ленин), а только (как мы уже отмечали в первой главе) лишь один из моментов любой политической революции, всего лишь одну из ее сторон – частный случай «многовластия», то есть объективно возникающий момент поляризации и относительного равновесия боюющихся политических сил, своеобразная «точка зависания» революции.

традиций взаимоотношений съездов Советов, их ЦИКов и правительства, что выступало первоначально определенными границами создания и функционирования новых высших органов власти, их организационной формой; в-третьих, все высшие органы государственной власти и принимаемые ими законодательные акты носили в этот период характер «временных», то есть действующих до созыва Учредительного собрания, в-четвертых, все высшие органы формально сочетали в себе функции высшей законодательной и исполнительной власти, их соотношение в деятельности съездов Советов, ЦИКа и правительства не регламентировалось, что оставляло решение этой проблемы на стихийное разрешение в процессе политической борьбы в органах власти и между ними.

Высшим органом представительной, законодательной и контрольной государственной власти являлся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а в период между съездами – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Реальное значение всероссийских съездов Советов в системе органов государственной власти определилось не сразу и значительно изменялось на протяжении изучаемого периода. В первом же воззвании II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам он только конституировал себя верховным законодательным и высшим учреждением родившегося государства. Однако II Всероссийский съезд Советов не регламентировал положение и деятельность верховных государственных учреждений²⁸.

В то же время II Всероссийский съезд Советов не мог претендовать на всероссийское представительство Советов, так как продолжал существовать Всероссийский центральный исполнительный комитет крестьянских депутатов, орган I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, представлявшего подавляющее большинство населения России. Кроме того, в ходе развития Февральской революции фактически сложилось такое положение, когда все всероссийские решения принимались объединенным ВЦИКом съездов Советов рабочих, сол-

²⁸ О составе и деятельности первых съездов Советов см.: *Ионкина Т.Д.* Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М., 1974.

датских и крестьянских депутатов. В сложившихся же условиях непрочность политического положения и непредставительность состава СНК усиливалась его статусом «временного правительства» и тем, что для реализации лозунга «ответственного советского правительства» требовалась поддержка съезда Советов крестьянских депутатов или его Центрального исполнительного комитета.

Таким образом, политическая ситуация в этот период создавала определенные трудности в конституировании и закреплении новых высших органов власти и признании их уже существующими в стране местными Советами, не считая других местных и центральных органов власти. Кроме того, само положение Временного рабочего и крестьянского правительства – СНК как ответственного советского правительства делало его положение политически очень неустойчивым при наличии двух необъединенных ЦИКов Советов, один из которых полностью отказывал этому правительству в поддержке.

Для поддержки нового правительства – СНК – большевикам и левым эсерам удалось провести 19 ноября Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов. Он избрал новый Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов в составе: 82 левых эсера, 15 большевиков, 6 беспартийных, 3 максималиста, 1 анархист, 1 от группы «Новая жизнь». Все 108 избранных вошли в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов.

Высшим исполнительным, законодательным и контрольным органом новой государственной власти в перерыве между работой съездов Советов был провозглашен Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) рабочих и солдатских депутатов, избранный на II Всероссийском съезде Советов (27 октября 1917 – 7 января 1918 г.)²⁹.

Постоянно действующим исполнительным органом ВЦИК был его Президиум (образован на пленуме ВЦИК 6 ноября 1917 г. по постановлению СНК от этого же числа об организации ВЦИК)³⁰.

²⁹ Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. – М., 1977. – С. 17, 325.

³⁰ Великий Октябрь. – С. 209.

Компетенция Президиума ВЦИК слагалась из двух частей: во-первых, он был высшим органом власти в период между сессиями ВЦИК, во-вторых, он обладал правом отменять или утверждать распоряжения наркоматов и местных органов власти, разрешать конфликты и все вопросы между наркоматами и ведомствами, он следил за исполнением решений ВЦИК. Кроме того, у него была и специальная компетенция: он разрабатывал все материалы для съездов Советов и сессий ВЦИК³¹.

Высшим исполнительным, законодательным, координирующим и контрольным органом государственной власти было Временное рабочее и крестьянское правительство – Совет народных комиссаров, – созданное по решению II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. С конца ноября 1917 года СНК становится многопартийным правительством в связи с вхождением в него партии левых эсеров.

Кроме официальных высших органов советской власти, то есть наряду с ними, существовали и другие советские же синтетические органы власти, выполнявшие временно почти все или многие исполнительные функции как высшей, так и центральной власти. Это было связано с отсутствием других советских органов, которые могли бы осуществлять государственное управление или хотя бы пытались это сделать в масштабах всей страны. К таким органам, например, в период подготовки и проведения Октябрьской революции относился Петроградский военревком (ПВРК). По положению ПВРК являлся органом Петроградского Совета, но практически его деятельность имела всероссийский характер. В состав Петроградского ВРК вошли представители ЦК партии, Петроградского Совета, Центробалта, фабзавкомов, профсоюзов и др.³².

Наркоматы только начали формироваться, поэтому функции ПВРК охватывали почти все стороны государственного управле-

³¹ См.: *Коржихина Т. П.* История государственных учреждений СССР. – М., 1986. – С. 55.

³² *Ирошников М. П.* Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. – Л., 1967; *Кириченко М. Г.* Высшие органы государственной власти РСФСР. – М., 1968.

ния: он руководил борьбой с заговорами, саботажем, спекуляцией, участвовал в сломе старой государственной машины и создании советского государственного аппарата, налаживал контроль в промышленности и на транспорте, организовывал продовольственное снабжение населения и армии и т.п.

ПВРК посылал сотни агитаторов на места, которые стремились добиваться скорейшей реализации декретов советской власти. После Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. ПВРК не прекратил своего существования, а стал исполнительным органом ВЦИК и СНК, главным оперативным органом ВЦИК и СНК по созданию аппарата новой государственной власти, по ликвидации саботажа и пресечению контрреволюции³³.

Для восстановления управления различными отраслями общественной жизни и регионами часто использовалось назначение чрезвычайных уполномоченных и комиссаров высших и центральных органов. Институт чрезвычайных уполномоченных был особенно задействован в первые годы советской власти. По сути этот институт заменял отсутствовавший аппарат управления высшей власти в различных сферах социального управления и территориальных единицах. По мере же укрепления Советского государства эти аппараты исчезают, уступая место другим органам власти.

Учредительное собрание Российской Республики³⁴ – высший законодательный и государственно-учреждающий орган государственной

³³ О масштабной и многосторонней государственной деятельности ПВРК свидетельствуют изданные документы: Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3 т. – М.: Наука, 1966–1967. – Т. 1–3.

³⁴ Официальное название этого органа – Учредительное собрание Российской республики. Хронологические рамки его существования, на наш взгляд, несколько шире общепринятых – ноябрь 1917 – осень 1918 г.

Ноябрь 1917 – 6 января 1918 гг., период когда Учредительное собрание как юридически, так и (что очень важно) в общественном мнении признавалось высшим органом государственной власти России вплоть до январского большевистско-левоэсеровского государственного переворота.

6 января – июнь 1918 года – период создания организационных предпосылок для возобновления работы Учредительного собрания. Июнь – осень 1918 года – попытка создания государства, осуществляющего политическую программу Учредительного собрания и создающего военно-политические условия для возобновления его работы сначала в Самаре, а затем, в будущем, и в столице. Последний период существования Учредительного собрания подробно исследован в диссертации В. Лапандина «Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность». Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Самара, 1997.

власти – формально-юридически существовало с ноября 1917 г., но открылось только 5 января 1918 г., а распущено было 6 января 1918 г. Учредительное собрание приняло законы «О земле», «О мире», «О государственном устройстве». В законе «О государственном устройстве» Россия была объявлена **Российской Демократической Федеративной Республикой (РДФР)**, поскольку *до января 1918 г. Россия официально именовалась просто Российской Республикой*. С лета 1918 г. как прямая реализация решений Учредительного собрания это государство было провозглашено в Самаре, просуществовало на территории ряда губерний Поволжья и Урала до его военного разгрома войсками Советской России и войсками Сибирского правительства осенью 1918 г.³⁵

Неудача взятия власти Учредительным собранием была связана с тем, что оно созывалось уже в условиях распада и разрушения действовавших правовых норм и институтов, то есть политическая система России находилась тогда в той фазе своего развития, когда власть не передают, а только берут силой. Кроме того, партии «большинства» Учредительного собрания показали себя в течение 1917 г. и в период созыва этого органа как способные играть прежде всего представительную, а не исполнительную роль в органах власти. Специфика же ситуации заключалась в том, что на первый план выступала именно способность политических партий к действиям, а уже только после этого к представительству. Социалистические советские партии (кроме большевиков и левых эсеров) так и не смогли перейти к действиям, поэтому в последующих событиях Гражданской войны они принимали резолюции и проводили консультации со всеми политическими силами, пока не превратились в результате, как они и хотели, в «третью силу», которая стала лишней по обе стороны фронта.

Таким образом, состав высших органов государственной власти Российской Республики в период октября 1917 – января 1918 г. официально состоял только из временных органов власти.

³⁵ См. более подробно об истории созыва и роспуска Учредительного собрания: *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. – Л., 1976; *Скрипилев Е. А.* Всероссийское Учредительное собрание: Ист.-прав. исследование. – М., 1982.

Конституировать же будущее политико-государственное устройство и полномочные легитимные органы власти должно было созываемое в этот период Учредительное собрание. Состав высших органов государственной власти включал в себя социалистическую, «левую» часть февральского политического режима, либо видоизмененную «Октябрем» его форму: ПВРК, Временное рабочее и крестьянское правительство – СНК, II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, до ноября 1917 г. – ЦИК I всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, II съезд Советов крестьянских депутатов, ВЦИК и ЦИКи всероссийских съездов Советов, Учредительное собрание Российской Республики.

Этот период начинается октябрьским и заканчивается январским вооруженным государственным переворотом. «Январь» и стал настоящим концом «Февраля», концом Российской Республики. Октябрьский государственный переворот проходил еще под лозунгами осуществления политической программы «Февраля» и с внешней стороны первоначально воспринимался, и старался именно так и выглядеть, как один из этапов развития Февральской революции. Политической элите России тогда казалось, что сама логика событий подводит к образованию «однородного» социалистического правительства, «ответственного» перед Советами. События Октября 1917 года были с этой точки зрения только досадным и легко преодолимым недоразумением, лишь ускоряющим это событие – образование нового временного правительства³⁶.

³⁶ Близкое понимание значения Октября мы нашли в работе Р. Пайпса «Русская революция», хотя мы и не можем согласиться с его выводом о том, что в период непосредственно следующий за Октябрем и называемый идеологами «триумфальным шествием Советской власти», «не «советская», а большевистская власть распространялась по всей стране...» (См.: *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. – М., 1994. – С. 174–177). На наш взгляд, период октября 1917 – января 1918 г. нельзя назвать «триумфальным шествием» ни советской, ни тем более большевистской власти, поскольку не было в тот момент массового процесса установления и распространения Советов как правительственной власти на большинство регионов и на всю властную вертикаль. Установление власти нового Временного правительства (СНК) носило очень локальный и поверхностный характер, то есть власть была провозглашена, но не установлена. Настоящее «триумфальное шествие» советской власти начинается только после январского (1918 г.) политического переворота, но даже тогда это вовсе не синоним «большевистского триумфального шествия», поскольку результатом его стало массовое падение новой власти и борьба правительства с местными Советами в разнообразных формах (См. несколько подробнее по этой проблеме следующие материалы этого раздела).

Для таких выводов, конечно же, были все основания. Политическая революция развивалась в 1917 г. по пути последовательного отсечения в правительстве, в печати и общественной жизни всех «правых» и буржуазных партий, по пути постепенного увеличения количества мест во Временном правительстве, занимаемых представителями социалистических партий, по пути радикализации и «полевления» всех органов власти и общественного мнения³⁷. Ситуация складывалась таким образом, что вопрос об ответственном однородном советском правительстве был лишь вопросом политической целесообразности и времени, то есть неизбежностью, которую большинство социалистической политической элиты России всячески хотело оттянуть, желая придать политической революции управляемые буржуазно-реформистские формы.

Конфигурация же основных органов власти и после Октября 1917 г. продолжала сохранять все основные черты февральского политического режима и логику его «советского» развития, вплоть до значения съездов Советов в системе государственных органов. Большевики и левые эсеры попробовали повторить опыт «Февраля», когда политический переворот сохранил большей частью работоспособность государственного аппарата и обычную управляемость обществом, а все министерства продолжили работу под наблюдением назначенных в них комиссаров Временного правительства и Советов. Отсюда становится понятной вся риторика большевиков об овладении министерствами. Но Октябрь привел к поголовному саботажу министерств, чиновничества, то есть всего имевшегося тогда аппарата государственного управления.

Логика политической борьбы и стремление удержать власть любой ценой заставляли большевиков и левых эсеров делать шаг за шагом, разрушающие форму февральского политического режима и официально провозглашенные первоначально политические цели.

Какая форма политического режима установится в административно-политических центрах страны, не было ясно вплоть до янва-

³⁷ Полевение и радикализацию политической жизни российского общества в течение всего 1917 г. отмечают многие российские ученые. В частности, см.: Политические партии России в контексте ее истории. – Ростов-н/Д., 1998. – С. 137.

ря 1918 года. Только политический переворот 6 января 1918 года положил конец и поставил точку в истории Февральской революции и Российской Республики. Начиналась новая эпоха – эпоха РСФСР, а вместе с этим и новый этап развития политической системы.

Январский политический переворот 1918 г. имел и еще одно, часто недооцениваемое, значение. Именно в январе 1918 г. была окончательно сломана психология гражданского мира. Это событие стало той вехой, за которой исчезли надежды на демократическое, путем голосования, решение проблемы власти в стране, последовал стремительный территориальный и социально-политический распад России. Начинался этап «вооруженных выборов» будущего социального и политического устройства страны и политического лица центральной власти.

Новый этап формирования советской политической системы начинается «триумфальным шествием» советской власти, которое становится действительно триумфальным только после роспуска Учредительного собрания³⁸. Заканчивается же этот этап принятием новой Конституции, то есть первой попыткой упорядочить, обобщить и закрепить юридически произошедшие изменения в политической жизни страны, и повсеместным падением советской власти под ударами вооруженных формирований различных социально-политических и общественных сил, то есть периодом, получившим образное название «республика в кольце фронтов».

³⁸ На наш взгляд, необоснованным и неубедительным было отнесение рядом исследователей начала периода «триумфального шествия» советской власти к Октябрьскому перевороту 1917 г. Хотя цель в этом случае была чисто идеологическая – отвлечь внимание от январского переворота 1918 г. и необходимости объяснения для чего понадобился «переворот» после «победоносной революции». Именно поэтому события января 1918 года подавались в литературе скороговоркой как незначительное событие-недоразумение. Только вот «истерический смех» (по воспоминаниям участников) от напряжения и значимости ситуации произошел у В. И. Ленина не во время «Октябрьской революции», а во время «январского разгона».

Чураков Д. О.

Институты гражданского общества в революционной России. 1917–1918 годы

Учитесь демократии на практике.

В. И. Ленин

Революция 1917 года как революция самоуправления

Обращаясь к событиям Русской революции 1917 г., невозможно не обратить внимания на тот факт, что в ней, как ни в какой другой революции в истории человечества до того, оказалась велика роль гражданских демократических институтов: многочисленных органов территориального, профессионального, классового, национального и т.п. самоуправления. В этом смысле она закономерно может быть названа *революцией самоуправления*. Этот характер Русской революции 1917 г. успел в полной мере проявиться уже в период свержения самодержавия, что заставило современников говорить о России тех месяцев как о самой демократической стране в мире. Эта была точка зрения представителей и либеральных, и социалистических партий. Разделял эту точку зрения и лидер большевистской партии В.И. Ленин.

Сразу после крушения самодержавия начинает оживляться работа земств, дум и прочих органов самоуправления. Возникают принципиально новые структуры общественной всесословной самоорганизации, прежде всего комитеты общественной безопасности, общественные исполнительные комитеты и подобные им органы. Всего по стране, по сведениям министра внутренних дел Временного правительства, тогда было образовано 79 губернских, 651 уездный и около тысячи волостных подобных комитетов. Их социальная база была существенно шире, чем у прежних земских учреждений, что позволило сегодня некоторым исследователям ввести в отношении комитетов общественной безопасности такой «осовремененный» термин, как «антицаристский» или даже «народный фронт».

Важнейшим элементом революции 1917 г., и в феврале, и в октябре, становятся преобразования в аграрной сфере, которые в сегодняшней историографии нередко называют «общинной революцией». Крестьяне в некоторых уездах уже к лету 1917 года не только успели поделить помещичью землю, но и принялись за передел земли кулаков и крестьян, выделившихся из общины во время Столыпинских реформ. А главное – сразу же после свержения царизма крестьяне восстанавливают экономические и социальные механизмы общинной самоорганизации, что еще раз свидетельствует о их чрезвычайной живучести и полном соответствии характеру русского крестьянства.

Важным элементом *революции самоуправления* становятся набравшие мощь рабочие организации, на примере которых механизмы развития демократических институтов в непростых условиях революции могут быть изучены наиболее глубоко и всесторонне. Уже в первых числах марта возникло более 50 Советов рабочих депутатов, а к Октябрю в стране существовало 1429 Советов, из которых 706 являлись Советами рабочих и солдатских депутатов и еще 235 – рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вспоминая первые недели, последовавшие за свержением самодержавия, видный профсоюзный лидер П. Гарви отзывался о них как о времени настоящего организационного «грюндерства», охватившего всю огромную страну. К лету общее количество членов профессиональных объединений рабочих приблизилось к полутора миллионам, а осенью – превысило 2 миллиона. Проявилась тяга к координации профсоюзами своих действий, что нашло выражение в создании в городах центральных бюро, позже преобразованных в центральные советы профессиональных союзов. К моменту Октябрьской революции таких профсоюзных центров возникло уже около 80. На III Всероссийской конференции профессиональных союзов в июле 1917 г. был создан всероссийский центр профессионального движения – ВЦСПС.

Среди новых революционных организаций важное место сразу же заняли фабрично-заводские комитеты, создаваемые самими

рабочими на предприятиях, непосредственно в трудовых коллективах, за что их с момента возникновения называли «детищем революции». О фабзавкоммах выше было сказано как о революционных организациях, в деятельности которых просматриваются национальные традиции трудовой демократии и самоорганизации, веками жившие в русской общине. В этом смысле фабзавкомы можно условно назвать «общинами индустриальной эпохи». Именно фабзавкомы становятся низовыми ячейками рабочего самоуправления, начавшими осуществлять рабочий контроль над производством. Имея непосредственную связь с производством, фабзавкомы получали доступ к крупным финансовым потокам. Это, в свою очередь, позволяло революционным рабочим организациям радикально решить вопрос материальной базы. Подавляющее число фабзавкомов финансировалось за счет средств своего предприятия – идет ли речь о повинности, наложенной на владельцев, или о добровольных отчислениях из зарплаток рабочих. В любом случае органы рабочего производственного самоуправления в финансировании извне не нуждались.

Без должного финансового базиса гражданские институты нежизнеспособны – к лету такие массовые демократические организации, определявшие лицо революции в первые месяцы после свержения самодержавия, как общественные исполнительные комитеты, городские думы и земства, оказались в глубоком кризисе. Причина была на поверхности – они не смогли обеспечить себе прочную материальную базу, решить вопрос устойчивого самофинансирования. Общественные комитеты фактически совсем распались еще к лету 1917 г., а думы и земства, оказавшись на государственном финансировании, стали превращаться в безвольный придаток Временного правительства. Совершенно другими путями шло развитие рабочего представительства. Обеспечив себе прочный тыл через развитие рабочего контроля, летом–осенью 1917 г. начала оформляться целостная система демократических организаций рабочего класса: через фабрично-заводские комитеты в сфере производства, через рабочую кооперацию в сфере обмена, через про-

изводственные союзы в сфере распределения, через Советы в политической сфере и т.д. рабочее все активнее вмешивалось в развитие революционных процессов. Так, по мнению современного историка В. П. Булдакова, в революционной России нарастала ткань новых общественных отношений.

Именно опираясь на идущую снизу созидательную энергию рабочих, народные традиции трудовой демократии, большевики и сумели превратиться в ведущую политическую силу в стране, воспользовавшись недалековидностью других партий. «Мы были вынесены этой громадной волной», – признавал впоследствии Н. И. Бухарин, обобщая опыт взаимоотношений между рабочим классом и большевистской партией в Октябрьские дни. О том же писали в своих мемуарах и противники большевиков. Так, упомянутый выше Гарви, признавал важную роль в победе большевиков демократических рабочих организаций.

Подводя основные итоги революции 1917 г. следует особо подчеркнуть, что всплеск демократического начала в этот переломный момент нашей истории определялся несколькими факторами, своими корнями уходящими глубоко в историю. Локализм и жесткая централизация, земля и власть – вот те два основных полюса, направлявшие историческое развитие России каждый по-своему. С течением времени централизм не только возобладал, но и смог подавить творческую энергию низовой самоорганизации. Но она не исчезла, и с крушением самодержавия заполнила вакуум властного начала, тем самым выполнив свою государствообразующую роль. Речь в данном случае может идти об устойчивом порыве общества устранить образовавшиеся разрывы между ним и государством. Современники даже говорили о некоем «государственном инстинкте» простых русских людей. Неслучайно основой новой государственности революционной России становятся именно массовые общественные организации, в частности органы политической самоорганизации крестьянства и рабочих – **Советы**, сыгравшие в новых условиях 1917 года ту же институциональную роль, что и земские соборы XVII века, возродившие единую

общенациональную власть снизу. Тем самым сильная власть в России немислима без мощной поддержки со стороны общества, сильных, устойчивых демократических институтов.

Дальше мы предлагаем подробнее остановиться на некоторых гражданских институтах, деятельность которых была тесно связана с теми тенденциями и явлениями, о которых шла речь выше. И в первую очередь речь пойдет именно о Советах, которые имеют наиболее глубокие корни в русской истории.

Развитие традиционных форм демократии: Советы

С самого своего возникновения в 1905 г. и после Советы представляли собой особую, наиболее продвинутую форму представительной демократии, одновременно сугубо специфичную для России и в то же время исторически неизбежную для всех народов. Проблема Советов как формы демократии, как формы **народовластия** получает сегодня не только научную, но и общественную **актуальность**. Наиболее полно она может быть изучена на примере деятельности Советов в период Революции 1917 г., поскольку в последующие годы Советы развивались в направлении превращения их в элементарные парламентские и муниципальные органы. Эта их эволюция разворачивалась не равномерно и, конечно, не могла полностью выхолостить суть Советов, но к моменту ликвидации в нашей стране советской формы организации власти она зашла уже достаточно далеко и о революционной роли Советов в повседневной жизни уже никто не вспоминал.

Что же касается времени Российской революции 1917 г., то именно те силы, которые привели к возникновению Советов, те тенденции, которые позволили Советам обрести подлинную силу и значимость, в конечном счете предопределили именно такой, а не какой-либо иной исход политической борьбы в тот год. Поэтому проблема Советов 1917 г. есть ключевая для всего нашего представления той революции.

Первоначально, когда Советы только возникли в февральско-мартовские дни 1917 г., вряд ли кто мог предсказать их будущую

роль. Советы 1917 г. возникали первоначально как подражание аналогичным органам народной самодеятельности 1905 г. и тогда еще не поднимались до уровня решения политических задач. В основном Советы 1905 г. и первых нескольких недель 1917 г. – это всего лишь общественные органы, возникающие как забастовочные комитеты или органы снабжения рабочих продовольствием и другими предметами первой необходимости. Важных политических задач они тогда пока еще не решали.

Другим не менее важным фактором, который говорил о том, что Советы могут занять в общереволюционном процессе второстепенную роль, были вполне сознательные попытки цензовой буржуазии и умеренной демократии подчинить Советы своему влиянию. Об этом свидетельствует пример главного Совета страны – Петроградского. Идея его создания первоначально возникла не в рабочих кругах. Впервые о возможности создания Совета заговорили деятели рабочей кооперации, тесно связанные с надпартийными ложами столицы. Но тогда эта идея пришлась не ко двору, так как либералы еще лелеяли надежду, что спровоцированная ими революция будет легко локализована и все обойдется простой заменой царствующей персоны. Однако, очень скоро эти планы «мирной», «дворцовой» революции пошли под откос. Народное море стало выходить из берегов. Тогда-то идея Совета как органа, способного стать отдушиной народного негодования, и была реанимирована, тем более что к 27 февраля идею создания Совета стали высказывать большевики, а также сами рабочие и солдаты.

Дальше события разворачивались стремительно. Утром 27 восставшими был взят Дом предварительного заключения и освобождено несколько политических заключенных. Среди них был Г. С. Хрусталева-Носарь – первый председатель Санкт-Петербургского совета 1905 г. Тут же на митинге он выступил с призывом вернуться к историческому опыту первой революции. О моральных качествах Хрусталева и его закулисных связях в политических кругах было известно немало. Об этом писал, в частности, Л. Д. Троцкий, причем задолго до событий 1917 г. Но на рабочих и солдатскую

массу пламенные призывы Хрусталева подействовали. Где-то в районе 14 часов был создан Временный исполнительный комитет Петросовета. Представители революционной массы в него практически не вошли. Зато во Временном исполкоме (который потом стал постоянным) были широко представлены думские депутаты от меньшевиков и эсеров, представители рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, представители правых революционных партий (т.е. эсеры и меньшевики) и, наконец, «неизвестно откуда взявшиеся» так называемые свободные демократические журналисты.

Та же картина искусственного создания Советов с целью подчинения их своей воле наблюдалась и в других регионах. Так, в Москве инициатива создания Совета принадлежала деятелям все той же рабочей кооперации (и при этом не ее рядовым членам, а верхушке, тесно связанной с надпартийными ложами). К примеру первым председателем Моссовета стал кооперативный служащий меньшевик А. М. Никитин, после него председателем Моссовета стал другой кооператор-меньшевик Л. М. Хинчук, а его заместителями – руководитель кооперации города внефракционный демократ И. И. Егоров и большевик правого толка В. П. Ногин, также служащий одного из потребительских товариществ. Более того, получив известия о событиях в столице, московские кооператоры разослали по всем городам Центрального Московского промышленного региона инструкции по созданию Советов. Так они возникли, к примеру, в Коломне, Ярославле, Туле...

Однако, Советы не стали придатком буржуазной государственности. Более того, несмотря на преобладание правосоциалистических фракций в руководящих органах Советов, Советы быстро становятся реальной альтернативой буржуазно-либеральной государственности. Разгадка причины такого поворота событий и позволит нам сформулировать ответ на вопрос об исторической миссии Советов и сущности самоуправленческой формы репрезентативных органов власти в системе организации гражданского общества и государства.

Сегодня оценить состояние людей, переживших падение самодержавия – устоявшейся, почитаемой за священную формы правления, очень непросто. Возвышавшийся над обществом абсолютизм был похож на огромное дерево, не дававшее расти десяткам молодых побегов. Но вот этот гигант рухнул. Начавшийся бурный рост всего и вся вызвал к жизни жесткую конкурентную борьбу, победить в которой мог только один наследник.

Само собой напрашивалось, что этим наследником должна стать молодая, но уже зарекомендовавшая себя в годы мировой войны российская буржуазия. Не случайно же она с опорой на некоторые придворные круги и зарубежных покровителей так усердно пыталась подрубить корни самодержавия? Именно либеральная буржуазия занимала все ключевые высоты в российской экономике и располагала безусловной поддержкой со стороны стран-союзниц!

Но произошло что-то, не укладывающееся в привычные схемы исторического развития. Наряду с респектабельными министрами Временного правительства появились многочисленные уполномоченные, комиссары, представители фабзавкомов, профсоюзов и Советов. «Его величество народ», как называла его интеллигенция, требовал не только *поэтического*, но и *политического* признания.

Неожиданным такой поворот, однако, не был. Быстрый рост численной опоры и влияния Советов и связанных с ними прочих рабочих организаций имел прочные организационные предпосылки. Формы трудовой демократии существовали в России задолго до революции и позволяли рабочим приобретать необходимые навыки самоуправления и в условиях капиталистической фабрики. Больничные и страховые кассы, кооперативы, профсоюзы, социал-демократическая фракция Думы – все эти органы и организации явились естественным следствием вступления России в индустриальную фазу своего развития. Однако рабочее движение, приведшее в конечном счете к победе Республики Советов в Октябре 1917 г., имело и глубоко *национальные корни*.

На протяжении всей своей истории для России были характерны артельные формы труда и общинная организация традиционного

общества. Более того, Россия как традиционное общество в своей основе опиралось не на индивида, а на локальные сообщества, локальные коллективы. Такой локальный коллектив, замкнутый на себя, имел устойчивую структуру и особую социальную психологию коллективизма и соборности. Выходцы из общины не утрачивали свое мировоззрение даже в жесточайших условиях капиталистической фабрики. К примеру, переходя трудиться в город на фабрику, вчерашние крестьяне создавали землячества – своеобразные сообщества, помогавшие людям адаптироваться к новым, непривычным условиям труда и быта. Сюда же относится и широко распространенная практика, когда крестьяне, устроившись на новом месте, протезировали устроиться там же своим родственникам и даже просто односельчанам.

Все это свидетельствовало о живучести в крестьянской среде особой коллективистской психоментальности, особых общинных традиций. Эти-то реликтовые традиции в сочетании с современной индустриальной организацией производства создавали высокий темп развития рабочего самоуправления в 1917 г. За Советами 1917 г. стояла тысячелетняя парадигма трудовой демократии, выстраданная Россией на протяжении всей ее истории. Наличие же в российском обществе собственных демократических традиций было чрезвычайно важно уже постольку, поскольку западный тип демократии вырабатывался в совершенно других исторических условиях, и в российских условиях он приобретал тенденцию трансформироваться в жестокую антинациональную диктатуру.

При изучении Российской революции специфика Советов в качестве демократических органов, выросших на базе традиционных для России структур самоуправления и трудовой демократии, в прежние годы практически не учитывалась. Но без этого практически невозможно дать полную характеристику процессам, которые определяли лицо шедших в стране в 1917 г. преобразований. Одной из проблем, которые напрямую зависят от правильного понимания природы Советов 1917 г., является проблема сущности и характера двоевластия, сложившего после падения самодержавия.

Обычно двоевластие трактуется как параллельное существование двух органов власти, рожденных единым революционным процессом – Временного правительства и **Советов**. Однако это неверно даже с фактической стороны. Противостояние между Временным правительством и Советами в классической форме существовало только в столице, да и там помимо Временного правительства и Петросовета действовало множество органов, в той или иной степени претендовавших на власть, в том числе подчас и общегосударственную: Городская дума. Государственная дума, Великий Восток народов России, Военная организация большевиков (Военка), командование Петроградским военным округом, ЦК РСДРП (б)... На местах картина была еще пестрей: кроме Советов, там властью являлись земства, городские думы, комитеты граждан, военное командование, комиссары Временного правительства, националистические органы власти, комитеты общественной безопасности...

Трактовка двоевластия с традиционных позиций не позволяет понять истинную природу апрельского, июньского и июльского кризисов либерально-буржуазного правления, которые закончились не закономерным крахом Временного правительства, а ликвидацией двоевластия путем военного подавления Советов.

Представляется, что историкам в скором времени предстоит серьезно скорректировать устоявшиеся в науке представления о двоевластии. Уже сейчас можно утверждать, что новые подходы не должны быть одномерными. Ситуация, сложившаяся в тот период в России, требует полного учета связанных с ней исторических процессов. Но, как представляется, при выработке современной научной концепции двоевластия необходимо обратить внимание на один аспект, который не учитывался прежде и о котором ровным счетом ничего не говорится в исторических трудах на эту тему, появившихся в последнее время. Речь идет о том, что двоевластие по многим параметрам может быть определено как **противостояние государства и самоуправляющегося населения**. Соответственно, кризисы Временного правительства могут

быть определены как **попытки государства подавить начавшийся процесс становления гражданского общества, унифицировать его институты, задавить творческую энергию народных масс.**

Почему учитывать этот аспект так важно? Потому, что он позволяет совершенно иначе, чем прежде, посмотреть на все политические события периода революции. Отныне они могут трактоваться как проявление процесса стабилизации отношений в системе «**власть – общество**». Власть пыталась сверху навязать модель будущего развития страны, а общество, стремясь к укреплению государства, в то же время отказывалось принимать насаждаемые ему извне схемы. Важной чертой момента следует назвать то, что падение монархии **нарушило баланс политической системы в пользу доминирования самоуправления**, и теперь создание прочного нового государственного механизма было невозможным без опоры на инициативу и демократический потенциал низов.

Однако, даже в конкретных условиях 1917 г. вся политика Временного правительства была направлена на утверждение собственной модели государственного устройства. Модели государственного устройства, позаимствованной либералами из арсенала стран Запада. Но эта модель, которую так упорно пытались насадить либералы на русской почве, не могла устроить общество, стремящееся к свободному выбору своего развития. И чем упорнее Временное правительство пыталось реализовать свои планы, тем более быстро шло разложение февральско-мартовского либерального режима.

Развал из политической перекинулся и на другие сферы жизни общества, прежде всего на экономику (и так уставшую от войны). Февральско-мартовская революция, которую П. Н. Милюков называл общенациональной, в действительности расколола российское общество. В этих условиях рабочим приходилось самостоятельно заботиться о выживании. Советы, выступавшие вначале как органы самозащиты, как органы борьбы за 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты и другие неполитические требования, постепенно

становились центром притяжения народной инициативы в разоренной войной стране.

Тем самым Советы превращались в те необходимые для страны органы организации власти, которые аккумулировали бы в себе демократический потенциал гражданского (в контексте данного анализа – постреволюционного) общества, отвечали бы народным представлениям о трудовой общинной демократии, но в то же время могли стать каркасом прочного централизованного государства. Словом, двоевластие явилось следствием двух разнонаправленных революционных потоков, вполне возможно двух разнонаправленных революций. Если первая – верхушечная, буржуазная – была направлена на клонирование внутри страны чуждых России форм государственной организации, чем объективно разрушала национальные демократические институты и традиции, то вторая революция была народной, опиралась на традиционные для России принципы самоуправления.

Процесс перерастания советской формы самоуправления в форму общегосударственной власти делится на ряд периодов.

- *Первый период* – возникновение Советов и их первые шаги. В марте 1917 Советы практически не выходили за рамки чисто экономической борьбы, ограничивались рамками отдельных трудовых коллективов или небольших территорий.
- *Второй этап* – в апреле – мае Советы складываются в целостную систему на уровне городов и регионов. Это составило содержание развития и самой революции, и Советов как органов народовластия.
- *Третий этап* – это создание общероссийской структуры Советов, логическим результатом чего стали I Всероссийский съезд крестьянских Советов, проходивший 4–28 мая, и I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший 3–24 июня 1917 г.

Старая либерально-буржуазная власть уже не могла справиться с Советами мирным путем. Но и Советы были не в состоянии мирно устранить Временное правительство. Это и предопределило

кровавый ход третьего кризиса Временного правительства 3–6 июля. В отличие от предшествовавших, где речь шла о частичной перестановке сил в отношениях между старой и новой властью, в июле вопрос «кто – кого» приобрел свою глубинную сущность.

Почему вызов с фронта войск для подавления «большевистской революции» ЦИК Советов можно считать историческим парадоксом? Совсем не потому, что выступления народных масс подавлялись войсками, вызванными с фронта руководством Советов, – меньшевики и эсеры изначально взяли курс на адаптацию Советов к буржуазной форме государственности. Их поведение в период июльского кризиса – закономерный шаг на избранном пути. Парадокс заключается в том, что соучастие умеренных социалистов в расправе над Советами похоронили саму надежду подобного встраивания Советов в систему буржуазного режима. Разгром большевиков в июле спровоцировал правые силы на повсеместную активизацию, что в конце концов вылилось в Корниловский мятеж. После Корниловского мятежа начинается бурный процесс радикализации масс, а вслед за ним – процесс, получивший уже в те месяцы название большевизации Советов.

Что процесс «большевизации Советов» означал в историческом плане и что он значит для осмысления советской формы народовластия? Советы, как органы корпоративной представительной демократии, опирались прежде всего на рабочие и солдатские элементы в городе и на середняцкие слои деревни. Именно эти слои были наиболее устойчивыми носителями традиций не только русского как национального, но и российского как свойственно всем народом империи коллективизма и самоуправления. Поэтому когда Временное правительство после июльских событий попыталось ограничить права самоуправленческих структур, слои, на которые опирались Советы, органы трудовой демократии начали быстро лезть. Все это и позволило большевикам постепенно вытеснить из Советов своих политических конкурентов, не способных и не желавших отстаивать интересы Советов.

Отечественные и зарубежные историки называют большевизацию Советов в качестве одной из предпосылок победы Октябрьского переворота (или Великой Октябрьской социалистической революции). Трудно не согласиться с этим. Однако надо понимать, что сама большевизация Советов мало что значила, если бы в российском обществе не произошли какие-то глубинные изменения, делавшие социальную революцию не только возможной, но и необходимой. И среди этих изменений перерастание Советов из формы народного самоуправления в форму народного правления играет важную роль.

Как уже говорилось, первоначально Советы играли роль организаций экономической защиты пролетариата. Однако по мере развития других пролетарских организаций Советы начинают изменять свои первоначальные функции. Роль защиты социальных интересов рабочих переходит постепенно от Советов к профсоюзам. И хотя Советы по-прежнему, как это было, например, в Москве, выступают гарантом 8-часового рабочего дня или повышенной тарифной ставки за добавочные работы, но их выступления носят уже качественно иной характер – Советы принимают политические решения, опираясь на которое профсоюзы и другие пролетарские организации *легально* борются за те или иные требования. При этом «советская легальность» не носила до Октября государственно-правового характера. Но в случае репрессий профсоюзы, фабзавкомы, отряды рабочей милиции и т.д. всегда могли сослаться на соответствующее решение Советов, и это повышало их значимость, а часто снимало все вопросы о законности действий низовых рабочих организаций.

В свою очередь, становление многочисленных и многообразных рабочих организаций в центре и на местах способствовало укреплению структуры Советов. Известны случаи, например, когда владимирские, екатеринбургские, саратовские, московские, не говоря уже о столичных, профсоюзы своими конкретными акциями поддерживали Советы. Тот факт, что многие руководители

профдвижения оказались во главе Советов, также свидетельствует о тесной связи этих организаций.

Не менее надежные отношения складываются у Советов с фабзавкомками. И это не случайно, а закономерно. В первые недели революции, когда еще не было разделения между различными организациями самоуправления рабочих, фабзавкомки и Советы совпадали не только по своему составу, но и по своим функциям. На втором этапе перерастания рабочего самоуправления в новый тип государственности Советы по-прежнему формировались фабзавкомками или при участии фабзавкомков. Фабзавкомки же осуществляли чрезвычайно важную в условиях революции функцию – именно они осуществляли рабочий контроль над производством. Контролируя их, Советы получали мощный экономический базис .

Так начинает складываться достаточно стройная *система* пролетарских органов, которая все больше и больше *подстраховывает* и *заменяет* собой разрушающийся каркас прежней общественной организации. Рабочий контроль и вырастающая на нем система пролетарских органов ведет к серьезному изменению экономических отношений, присущих капитализму. Формально собственность все еще принадлежала старым дельцам, но фактически, через фабзавкомки в сфере производства, через профсоюзы в сфере распределения, через рабочую кооперацию в сфере обмена, рабочее самоуправление все решительнее готовило почву для коллективных форм собственности. А это, в свою очередь, делало неизбежным изменение политической надстройки. **Советы и были именно этой новой надстройкой.** Складывающаяся структура, система органов рабочей, солдатской, крестьянской и т.д. – если говорить в целом, то народной – самоорганизации примерно отражена на схеме № 1.

Формирование данной структуры демократических гражданских институтов означало только одно – в России социальная революция **становилась неизбежной**, у нее появляется **материальная основа**.

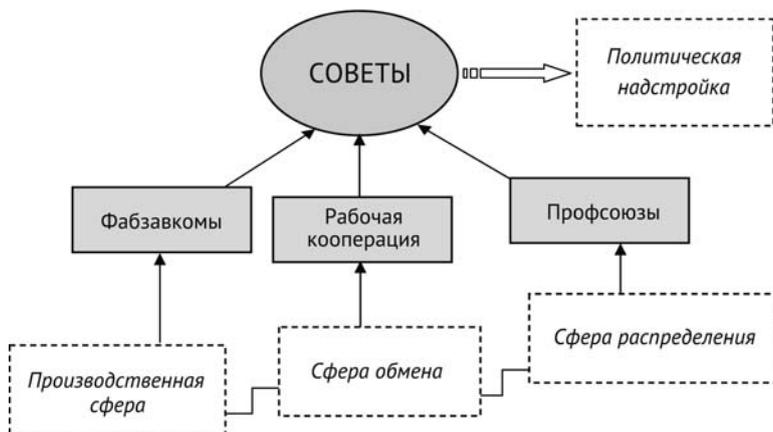

Схема 1. Развитие системы рабочего самоуправления в 1917 г.

Проследив эволюцию Советов, можно немало добавить к известным хрестоматийным определениям природы советовластия и его основных отличительных черт как особой, наиболее демократической формы государственного устройства. Прежде всего следует отметить, что Советы явились порождением *исторической российской традиции*. На этом основании некоторые идеологи так называемых «бархатных революций» в Восточной Европе делали выводы о чуждости Советов условиям их стран. Этот вывод нам кажется неверным. Однако это не так. Советы не просто возникли в России, на основе российской общины. Они возникли как развитие заложенных в общине принципов общественной организации: коллективизма, социальной справедливости, трудовой демократии, понимаемых как базисных для существования как всего общества, так и отдельных его членов. Но те же принципы, только проявлявшиеся иначе, можно найти в характере и других народов. То, что в России существовало как элемент традиционного общества, в других странах, к примеру европейских, в начале XX века могло развиваться на основе крупного индустриального производства и политических институтов, объединяющих пролетариев в единый духовно-экономический коллектив. Поэтому не только в России

Советы могли найти благоприятную почву для своего существования, что на определенном этапе и можно было наблюдать в действительности.

Другим важным обстоятельством, прежде явно недостаточно изученным историками и обществоведами, является тот факт, что первоначально Советы представляли собой органы не политической, тем более государственной власти. Они были типичными органами самоуправления и экономической самостоятельности отдельных трудовых коллективов и социальных групп. Следовательно, Советы были носителями не только государственных тенденций развития. Из этого следует закономерный вывод, что при советовласти в деятельности Советов могут и должны усиливаться самоуправленческие начала. Советы были способны стать звеном, скрепляющим гражданское общество и государство, даже функционально не противопоставляя одно другому. В этом состоит одна из наиболее прогрессивных черт советовласти: как на Востоке (в форме деспотии), так и на Западе (в форме финансовой демократии) государство противостоит гражданскому обществу. Государство существует само по себе, а общество – само по себе. Советы же объединяют государство с гражданским обществом. Следовательно, ни государство, ни гражданское общество не имеют антагонистических друг другу интересов, и развитие личности проходит в более свободной ситуации гражданского мира.

Поэтому-то когда Ленин писал о Республике Советов как о полугосударстве, отмирающем государстве, он вовсе не придумывал что-то нереальное, а основывался на увиденном им феномене становления советовласти в революционной России. После Ленина о Республике Советов как о полугосударстве и отмирающем государстве писали многие советские обществоведы. Но они не видели главного – сила Советов крылась не только в них самих, но и в **системе тех общественных организаций, на которые они опирались**. Иначе говоря, **пролетарское государство являлось не собственно Республикой Советов, а республикой, опирающейся на всю систе-**

му организаций, о которых мы писали выше: профсоюзов, фабзавкомов и т. п.

И это **третий, наиболее важный вывод** из исторического опыта Советов 1917 г.

Красная гвардия – вооруженная самооборона революции

В системе пролетарских организаций 1917 г. были такие, которым не приходилось участвовать в повседневной политической борьбе, как Советам, или отстаивать права рабочих, как профсоюзам. Но без них рабочее движение той поры было бы легко уязвимым и, вполне вероятно, нежизнеспособным. Речь идет о вооруженных рабочих отрядах, прежде всего – о Красной гвардии.

Красная гвардия не была ни первой, ни единственной формой вооружения рабочих. Ей предшествовали другие формы: рабочая милиция, заводская рабочая милиция, рабочие отряды по охране фабрично-заводских учреждений, партийные вооруженные группы и т.д. Некоторые из них существовали еще до февраля 1917. Так, в Екатеринославе в дореволюционный период действовала местная боевая дружина. Ее задачей было охранять массовки и собрания на квартирах, а также «пугать шпииков». Милиция же появляется в период свержения самодержавия. Тогда же рабочие получают доступ к оружию. К примеру, в столице, что видно из приказа командующего в те дни Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова, из арсенала было разобрано до 40 тыс. винтовок и 30 тыс. револьверов. Начинает вооружаться рабочая милиция и других городов. Так, в Орехово-Зуеве «для смычки с рабочими» была организована встреча с командным составом расположенной неподалеку воинской части. «Угостили их, напоили, как следует, – вспоминал рабочий М. И. Петроков, – кроме того, дали им сукна хорошего и, таким образом, завладели их винтовками в количестве 300 штук и до 61 тысячи боевых патронов. В ту же ночь все это было привезено к нам».

Красную гвардию часто отождествляют с этой рабочей милицией первых дней Февральской революции. Получалась стройная

схема: дореволюционные подпольные дружины становятся ядром рабочей милиции, рабочая милиция перерастает в Красную гвардию, а та, в свою очередь, – в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. В жизни все было сложнее, противоречивее и поучительнее. Рабочая милиция и Красная гвардия были разными направлениями рабочего движения 1917 г. И хотя рабочая милиция появилась раньше, до июльских событий, а кое-где и потом, эти две формы рабочей самоорганизации существовали параллельно.

Абсолютизировать существовавшие здесь различия, конечно, не приходится. Примером чему могут служить события в Канавине, заречной части Нижнего Новгорода. Почти на всех 16 заводах Канавина, на которых работало в общей сложности около 30 тыс. человек, была создана рабочая милиция, оплачиваемая владельцами заводов. Милиция в Канавине создавала решительный перевес в пользу пролетарских организаций и являлась фактическим органом власти. В. И. Ленин так писал об этом: *«Пример нижегородских рабочих должен стать образцом для всей России»*³⁹.

Однако в большинстве случаев рабочая милиция решала более локальные задачи. Как правило, отряды рабочей милиции создавались фабзавкоммами и занимались охраной предприятия или порядком в ближайших городских районах. Милиция в ряде случаев обеспечивала справедливое распределение хлеба, бесперебойную работу фабрик и заводов, охрану складов. Фактически без отрядов по охране предприятия рабочие организации были не способны оградить их от незаконного вывоза сырья и краж. **«Милиция** являлась нашим глазом, – писал один из рабочих лидеров периода революции И. Г. Батышев, – она помогала завкоммам **держат** **под контролем** всю жизнь предприятия». Таким образом, рабочая милиция, наряду с фабзавкоммами, выполняла функции органов самоуправления, а не власти.

В силу этого рабочая милиция была неудобным, но вполне подконтрольным буржуазному правительству детищем Февраля. Создана она была постановлением № 5 Исполкома Петросовета,

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 31. – М., 1969. – С. 289.

принятым в ночь на 28 февраля 1917 г. примерно к 4 часам утра. В это время окончательная победа революции была не очевидна, что, видимо, и побудило вооружить рабочих. «Рабочим на фабриках и заводах организовать милицию – по 100 человек на 1000 рабочих». Позже, когда непосредственная угроза новому режиму уже не грозила, Исполком запретил выдавать рабочим оружие, а 7 марта было принято историческое решение, в котором рабочей милиции предписывалось: «Войти всей организацией в состав городской милиции».

Гражданская, или, как еще она называлась, народная милиция, была очень пестрой по составу. Но предполагалось, что ее опорой будут средние, непролетарские слои городского населения. Вскоре, 17 апреля 1917 г. (как раз накануне апрельского кризиса Временного правительства) кабинет своим постановлением **официально закрепил создание гражданской милиции**. Это постановление стало плодом работы созданной 26 марта так называемой Комиссии по милиции и муниципальной полиции. О реакционности позиций, занятых ею, свидетельствуют и те дебаты, которые развернулись по поводу, как же назвать создаваемый орган – милиция или полиция? Название «милиция» было принято с минимальным перевесом (6 голосов – за, 4 – против). Согласно постановлению, милиция подчинялась не Советам, а городским управам и Главному управлению МВД. Функциями милиция отныне становилось «соблюдение тишины и порядка». В результате в городах рабочая милиция как самостоятельная организация по охране порядка почти повсеместно исчезла, закрепившись только на фабриках и заводах.

Следствием постановления кабинета от 17 апреля было то, что рабочая милиция стала первой пролетарской организацией, подвергшейся в 1917 г. террору со стороны властей. Петроградская гордума согласилась оплачивать рабочих-дружинников, только если они сформируют свою организацию и станут милиционерами на общих основаниях. Начальник же городской милиции отдал приказ «задерживать и обезоруживать всех», у кого вместо повязки городской милиции, будет повязка милиции рабочей. Однако в Петрограде рабочая

милиция продолжала существовать, хотя формально ее и слили с гражданской. Но число членов рабочей милиции упало с 10–19 тыс. в марте до 2–3 тыс. в июне. Ослабление рабочей милиции шло на фоне усиления Красной гвардии. Радикализм рабочих рос и требовалась новая организация, чтобы он не был растрочен впустую.

Но не гонения властей и даже не рост радикализма рабочих стал основной причиной создания и последующего усиления Красной гвардии. Как мы видели, рабочая милиция решала задачи на местном уровне. Очень важные задачи. Охрана предприятий, порядка, обучение рабочих навыкам владения оружием. В условиях, когда владельцы предприятий умышленно распродавали сырье и топливо, чтобы по причине его отсутствия закрыть завод, – это было важно. В условиях роста преступности, особенно после того, как по указу от 18 марта 1917 г. министра юстиции А. Ф. Керенского были амнистированы все бандиты, грабители и убийцы, арестованные до Февральской революции, – это было не менее важно. Но при всей важности этих вопросов очевидно, что рабочая милиция была орудием самообороны. Когда пришло время наступательных действий в борьбе за власть, потребовалась организация совсем другого типа, с другой, если угодно, психологической ориентацией. Ею и стала Красная гвардия.

Как самостоятельная ветвь рабочего движения Красная гвардия начала формироваться по инициативе большевиков в конце марта – начале апреля в крупнейших городах страны. Собранием рабочих дружин 17 апреля в Петрограде была образована комиссия по формированию Красной гвардии. Но первое время в столице ее создание шло сложно. Настроенные умеренно меньшевики и эсеры вначале сумели отстоять свою позицию, что «Красная гвардия в том виде, в каком она проектируется, является прямой угрозой единству революционных сил». В результате проходившее 28 апреля общегородское собрание, созванное для формирования Красной гвардии от решения вопроса ушло. После этого на долгое время центр формирования Красной гвардии в столице переместился в районы. В частности, Выборгский районный Совет, в котором к тому време-

ни влияние большевиков было сильным, 28 апреля постановил преобразовать существовавшие в районе отряды рабочей и заводской милиции в отряды Красной гвардии. В Москве к созданию Красной гвардии приступили раньше, и уже 14 апреля МК РСДРП (б) принял положение, в котором говорилось о создании Красной гвардии. В конце апреля проекты устава Рабочей гвардии были опубликованы в центральных газетах – «Известиях» и «Правде».

Всего в первые месяцы революции, марте – апреле, Красная гвардия возникла в 17 городах. В мае – июне география центров Красной гвардии расширилась еще на 24 пункта, а в августе – октябре Красная гвардия действовала более чем в 100 городах и рабочих поселках. Массовый рост Красной гвардии приходится на дни подавления мятежа генерала Корнилова и на период Октябрьской революции.

Первоначально отряды Красной гвардии организовывались, как и фабрично-заводские комитеты, по производственному принципу – на предприятиях. Хотя в ряде городов существовали городские или районные отряды Красной гвардии. Чаще всего они подчинялись Советам, реже – комитетам партии большевиков или других, еще более радикальных левых партий, например, в Ижевске Красная гвардия прочно контролировалась эсерами-максималистами.

После первых неудачных шагов резко шагнула вперед организация Красной гвардии в Петрограде. После VI съезда РСДРП (б), 2 августа на собрании отрядов Красной гвардии была избрана инициативная пятерка. Она станет ядром будущей Главной комендатуры и Главного штаба Красной гвардии. В самый канун вооруженного восстания в Петрограде, 22 октября 1917 г., откроется Петроградская общегородская конференция Красной гвардии. Уже 23 октября конференция примет устав Красной гвардии. Будут избраны Главная и районные комендатуры Красной гвардии, которые станут действовать под руководством Военно-революционного комитета Петроградского Совета. После октябрьской конференции в столице установится стройная боевая организация рабочих. Первичной ячейкой Красной гвардии станет «десяток» (13–15 чел), четыре

десятка составляли взвод (53 чел.), четыре взвода – дружину (160 чел.), три дружины объединялись в батальоны (480–600 чел.). Батальоны иногда могли быть объединены в полки. Всего численность красногвардейцев в столице приблизится к 50 тыс. чел., а по России – к 250 тыс.

Тут мы подходим к самому важному вопросу: какова же была роль Красной гвардии в революции? Сказать, что она была ударной силой революции – значит повторить ничего не дающий с точки зрения научного анализа штамп. Безусловно, роль Красной гвардии была велика. Но в чем она выражалась *конкретно*?

Для ответа на этот вопрос нам придется коротко обрисовать более широкую проблему, а именно проблему вооруженной силы в Революции 1917 г. *Революция не всегда означает даже ограниченное применение оружия.* Но в специфических условиях Русской революции 1917 г. роль вооруженной силы была огромна. Это объясняется двумя основными факторами (и массой второстепенных). Во-первых, как в период царизма, так и Временного правительства, государство строило свою политику с опорой на силу оружия. Во-вторых, на внутреннюю ситуацию в стране повлияло ее участие в мировой войне. Человек с ружьем естественно выдвигался на первые роли в революции. В силу этого Красная гвардия, как организация, объединяющая вооруженных людей, не могла не влиять на расстановку противоборствующих сил.

Роль Красной гвардии в событиях Русской революции 1917 г. не была постоянной. Она менялась по мере изменения баланса между основными центрами вооруженной силы в тогдашней России. Этот баланс также не был постоянным. К февралю обозначилось три центра вооруженной силы: 1) фронтовые части, 2) тыловые гарнизоны, 3) полиция и жандармерия. После Февраля полиция и жандармерия перестали быть реальным источником вооруженной силы, а противоречия в интересах тыловых и фронтовых частей на время сгладились. Существовавшие в этот момент рабочая и общегражданская милиция какой-либо реальной силой не располагали.

Ситуация меняется к лету 1917. В лагере реакции и в революционном лагере начинают активно формировать свои ударные части. Отрядам Красной гвардии противостояли многочисленные союзы георгиевских кавалеров, ударные части, батальоны смерти, казаки, георгиевские кавалеры, офицерские дружины. Образуется как бы три центра вооруженной силы: Красная гвардия, гвардия белая (или, вернее, то, что ей предшествовало), армия. Роль какого центра вооруженной силы была решающей?

В феврале дело решил только переход на сторону революции армии. В июльские дни, когда в Петрограде произошел расстрел демонстрации, правительство легко подавило беспорядки, введя в столицу несколько частей с фронта. В Москве в октябре – ноябре 1917 г. бурный рост рядов рабочей гвардии не дал решающего перевеса силам революции. Только после того, как в Москву пришла помощь из Петрограда (в том числе части балтийских моряков), наступил решающий поворот. В самом Петрограде, где Красная гвардия была самой многочисленной, обученной и дисциплинированной, без поддержки Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота восстанию не удалось бы добиться решающего перевеса. Троцкий вообще полагал, что восстание в Петрограде началось тогда, когда ВРК не позволил выводить из города революционные части, а солдаты гарнизона встали на сторону ВРК. Другой видный деятель той эпохи, А. А. Богданов, называл Октябрь рабоче-солдатской революцией.

Вместе с тем возможность армии влиять на расстановку политических сил по мере ее общего разложения снижалась. Следовательно, рос вес других вооруженных образований, не в последнюю очередь Красной гвардии. Но причины высоких оценок Красной гвардии современниками кроются в и другом.

Во-первых, в условиях краха русской государственности и армии Красная гвардия сыграла роль ядра, передового отряда революционных сил в момент непосредственной борьбы за власть в Октябре 1917 г. Во-вторых, чрезвычайно важной представляется роль Красной гвардии в период послереволюционного строительства.

С разрушением институтов буржуазной власти ей на смену шла система рабочих организаций. Позже царские чиновники и чиновники Временного правительства вернутся в свои конторы, составив там существенную прослойку. Позже офицеры царской армии станут одним из важнейших компонентов командного состава РККА. Но это будет потом. В переломные дни и недели после революции ключевая роль в управлении новым государством ляжет на органы рабочей самоорганизации: Советы, профсоюзы, рабочая кооперация, фабзавкомы, *красногвардейские отряды*.

Таким образом, наибольшее значение Красная гвардия приобретает в период перехода власти и в первые несколько недель после Октября. То есть она являлась не просто вооруженной, а ударной силой, нацеленной не на оборону, а на наступление. Не будь Красной гвардии, в решающий момент армия могла бы не поддержать дальнейшее развитие революции или остаться безучастной и выполнить приказы начальства. Красная гвардия становилась как бы тем психологическим фоном, на котором такое развитие событий было существенно менее вероятным. Все это и позволяет говорить, что никакие другие формы самоорганизации рабочих, кроме Красной гвардии, не смогли бы обеспечить решающего перевеса в их пользу. Без создания Красной гвардии забастовочное движение, рабочий контроль, политическая роль Советов оказались бы пустым звуком. Но, и это надо отметить, сила самой Красной гвардии, была не только в оружии, но и в том, что она была частью системы пролетарских организаций и действовала в их общих интересах.

«Хозяин Земли русской»: от лозунга к реальности

В последние годы в российском обществе вновь вырос интерес к одной из самых драматических страниц Революции 1917 г., связанной с роспуском Учредительного собрания. Интерес этот носит не только научный характер. В обращении к историческому прошлому сегодня виден и вполне конкретный политический интерес. Учредительное собрание выдается за демократическую альтернативу Октябрьской революции, а то и всему 70-летнему опыту со-

циалистического развития СССР. Конъюнктура никогда не была помощницей в постижении правды истории. Вот и сейчас, превращение Учредительного собрания в икону вредит не только откровенным искажением истины, но еще и тем, что при таком подходе многие важные вопросы о судьбах Учредительного собрания и всей революции в целом остаются как бы в тени. Вместе с тем события вокруг Учредительного собрания, действительно, оказались поворотными. В чем же их подлинное значение? И был ли путь, предлагавшийся лидерами Учредительного собрания, реальной альтернативой Октябрю?

Легче всего ответить на второй вопрос. В истории нет сослагательного наклонения. И если какое-то событие произошло так, а не иначе, значит *реальных* альтернатив ему не существовало. Но история творится людьми. А люди наделены сознанием и волей. Своей разумной деятельностью они, так или иначе, влияют на историю. Поэтому до какого-то момента то или иное событие может состояться, а может и не состояться. Или состояться совсем не так. Не все просто в этом смысле и с Учредительным собранием. Идея его созыва возникла не на пустом месте. Очень многие люди действовали в том направлении, чтобы оно принесло благо России.

Со времен Великой французской революции лозунг Учредительного собрания стал одним из основных для всех сил мировой демократии. Приняли его и русские демократы. Уже в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. требование созыва Учредительного собрания стало орудием революционной борьбы с царизмом. Тогда же рождается система российской многопартийности. Многие прогрессивные партии посчитали гражданским долгом внести требование Учредительного собрания в свои манифесты и программы. В этом смысле понятно, что победа в феврале–марте 1917 г. восставшего народа вновь вернула к жизни идею Учредительного собрания. С этого момента Учредительное собрание стало лозунгом всей Русской революции 1917 г., которая в еще большей мере, чем французская, может быть названа Великой.

Не изменилось поначалу отношение к Учредительному собранию и с победой большевиков. Историк Октябрьской революции при определении ее характера как социалистической невольно наталкивается на феномен исторической аберрации. Он видит Красный Октябрь через призму последовавших событий, которые, действительно, расставили все точки над «i» и определили ее характер как революции социалистической. Но если судить об Октябрьской революции по лексике тех документов, которые возвещали о ее победе, то о ее социалистическом характере говорило очень немногое.

И действительно, изучая документы раннего периода Октябрьской революции, невольно поражаешься, как редко и скромно употребляются в них слова «социализм» и «социалистический». Само понятие «революция», «революция рабочих и крестьян» было достаточным определением цели и тех ценностей, за которые шла борьба. Само понятие «революция» несло положительную нагрузку и обозначало все хорошее и светлое, что содержала в себе наступившая эпоха. В этом смысле Октябрь мог восприниматься как продолжение февральско-мартовской революции с ее общедемократическим характером. А раз так, то и звучавшие на протяжении всего 1917 года призывы созыва Учредительного собрания должны были быть доведены до логического конца. Учредительное собрание должно было быть не просто создано, а стать завершающим достижением революции, ее закономерным увенчанием.

Но программные требования и самые справедливые лозунги имеют способность обесцениваться и превращаться в свою противоположность. Произошло это и с лозунгом об Учредительном собрании. Из символа революционных надежд оно превратилось в синоним реакции. Это перерождение случилось не в одночасье. Причин тому было несколько. Но главная из них заключается в том, что сперва кадеты, а потом и правые социалисты, отсрочив решение всех насущных задач революции до Учредительного собрания, оттягивали его начало. Они полагали, что пройдет время, народ успокоится, и все пойдет так, как того хотели революционеры во фраках. Но народ «почему-то» не умиротворялся. Наоборот. Он все левел

и левел. И даже такие максималисты, как большевики, не всегда поспевали за этим стихийным полевением масс и несколько раз рисковали отстать от набравшего скорость локомотива революции.

Затягивание решения об Учредительном собрании ставило на повестку дня вопрос, – а не проще ли обойтись без него, если не решается ни вопрос о мире, ни вопрос о земле, ни вопрос о хлебе? Надо признать, что политики боялись так заострять проблему. По крайней мере, открыто. Но ход истории набирал обороты. И вот уже в 2 часа ночи 26 октября 1917 г. Временное правительство арестовывается восставшим народом, а в 5 часов того же дня II Всероссийский съезд Советов провозглашает установление в России советской власти.

Однако взять власть оказалось проще, чем удержать ее. В Москве подняла голову «демократическая контрреволюция», возглавляемая эсерами. Эсер Керенский во главе с карательным корпусом двинулся на Петроград. В самом Петрограде эсеры, меньшевики и другие ушедшие со II съезда Советов партии, а также руководители ВЦИК первого состава, члены Петроградской городской думы создали Комитет спасения родины и революции. Этот комитет попытался поднять мятеж юнкеров и силой оружия переписать историю. После ареста членов Временного правительства, их заместители образовали «малое», «подпольное» «Временное правительство» и пытались перехватить инициативу и продолжать руководить страной. Словом, обстановка была непростой со всех сторон.

Не все благополучно было и в стане сторонников революции. В нем начались разногласия. Некоторые профсоюзы, например Викжель⁴⁰, фабзавкомы и даже некоторые члены ЦК РСДРП (б) выставили требование создать революционное правительство из представителей всех социалистических партий. И это было вполне возможно, если бы не позиция меньшевиков и эсеров. Их непримиримость была просто удивительна. Не располагая совершенно никаким влиянием в революционном городе и армии, они требовали от большевиков полного отказа от программы Октября.

⁴⁰ Всероссийский исполком союза железнодорожников (август 1917 — январь 1918), центральный орган профсоюзов работников железнодорожного транспорта.

В результате этого кризиса вопрос о коалиции был решен, но без тех партий, которые пытались вести диалог с позиций ультиматумов. В новое коалиционное социалистическое правительство вошли большевики, эсеры, а также представитель от профсоюза железнодорожников видный деятель революционного движения в Сибири, участник вооруженного восстания на железных дорогах в 1905 г. рабочий А. Е. Рогов. Создание коалиции социалистических партий позволило расширить социальную базу нового строя и тем самым закрепить результаты Октябрьского вооруженного восстания.

Выйдя из кризиса и явно набрав очки, большевики тем не менее всех своих проблем не решили. Во-первых, не были ликвидированы все параллельные органы власти, типа подпольного Временного правительства. Во-вторых, по-прежнему трудно предсказуемой оставалась позиция провинции. Сбрасывать со счетов этот фактор не приходилось. Ни в какой другой революции роль провинции не была столь высока, как в Русской революции 1917 г. По сути, Русскую революцию можно назвать революцией самоуправления. Поддержит ли провинция или нет перемены в столице – от этого зависело многое. Понимали это и сами большевики, которые в июле 1917 г. отказались брать власть из-за боязни проигрыша именно здесь, в глубинке. Наконец, не был решен вопрос о характере революции.

О чем идет речь? Ведь в своей знаменитой речи на заседании Петросвета Ленин говорил вполне определенно: социалистическая революция, о которой так долго твердили большевики, совершилась? Однако это была декларация. Институционно вопрос о характере власти, а следовательно, и о характере породившей ее революции оставался открытым. Проблема отразилась даже в названии Совнаркома: он считался *Временным* революционным правительством. Полномочен он был лишь до момента созыва Учредительного собрания.

Выводы же между тем напрашиваются сами собой. По существу, выбирать приходилось из двух вариантов государственности: буржуазной или советской. И у системы всевластия Советов, и у бур-

жуазного парламентаризма были свои сторонники. Лишь только у Каменева и Зиновьева сохранялись надежды объединить две эти формы государственного устройства. В их заявлении, сделанном в самый канун Октября, говорилось: «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Реальность, однако, была такова, что подобные компромиссы, на которых пытались настаивать Каменев и Зиновьев, были не реальны.

В условиях войны и разрухи подобная разнородность государственного устройства означала ни больше, ни меньше как прогрессирующий паралич власти. За ним последовал бы распад государства и потеря национальной независимости. По сути, повторялась ситуация классического двоевластия весны–лета 1917 г., когда так же решался вопрос о том, какой тип государственных учреждений будет обладать всей полнотой власти. Два лозунга: «Вся власть Советам!» и «Вся власть Учредительному собранию!» – определяли суть нового, *второго двоевластия*.

День выборов 12 ноября, предполагаемый день созыва 28 ноября, сами выборы в Учредительное собрание стали эпизодами открытой политической борьбы. Уже до Октября стороны пытались буквально по-военному мобилизовать своих сторонников. Газета иваново-вознесенских большевиков по этому поводу писала: «Ни один голос рабочего не должен пропасть». Не отставали от большевиков и их оппоненты. Так, не позднее 12 ноября появляется обращение Правления Совета Всероссийских кооперативных съездов «Ко всем кооперативным союзам, объединениям и комитетам». В нем голословно утверждалось, что «восстание большевиков сделало по техническим условиям невозможным производство выборов во многих местах». Большевики обвинялись в грубых нарушениях свободы выборов и в возможных с их стороны фальсификациях их результатов.

На деле все оказалось несколько иначе. По сохранившимся аналитическим обзорам предвыборной кампании 1917 г. основные нарушения следовали со стороны избирательных комиссий,

образованных, как правило, еще при Временном правительстве. Комиссии эти, пользуясь неосведомленностью масс, неоднократно «прибегали к целому ряду злоупотреблений и подлогов». К примеру, нередко были «случаи, когда распределялись бюллетени преимущественно антисоветских партий. В ряде уездов списки выдавались кадетам или тем, кто обещал голосовать за кадетов. В Курской, например, губернии списки выдавались только грамотным, неграмотные же получали кадетские списки. Избирательные бюллетени большевиков выдавались в ограниченном количестве. Были случаи подлогов и уничтожения последних».

Не включались в избирательные списки отдельные группы населения и избирательные участки. Массовым стало исключение из голосования целых заводов и деревень, как, например, в Уфимской губернии. В Тамбовской губернии (Моршанский уезд) запрещалась агитация большевиков. Агитатор от большевиков в Сиверской волости Псковской губернии Ф. С. Тимошенко сообщал, что «земельные собственники вели агитацию путем подкупов». По словам Тимошенко, они просто-напросто закупили у женщин бюллетени по 2 и 3 копейки. Понятно, что делалось это не из сострадания к голодающему народу. Нередки были случаи физических расправ над теми, кто осмеливался голосовать за список большевиков.

В любом демократическом государстве проходившие в таких условиях выборы вряд ли были бы признаны правительством. Тем не менее большевики не аннулировали итоги голосования. Однако окончательно расклад сил на Учредительном собрании сложился не в пользу большевиков и левых эсеров. В общем-то ничего сенсационного выборы эти не дали. Правые партии в ходе них показали свое банкротство. Левеее на протяжении всего 1917 г. русское общество высказалось за социализм: к избирательным урнам пришло около 45 млн. человек, или около 50% от занесенных в списки, 60,5% голосов было подано за умеренных социалистов и еще около 24% – за радикалов, кадеты получили всего 17 мест.

Тем не менее социализм социализму рознь. Большевики это понимали, поэтому их, получивших всего 175 мест из 715, такой исход не устраивал. Уже тогда в ленинском окружении возобладали настроения на углубление революции и придание ей социалистического характера. Если бы Учредительное собрание не поддерживало эти настроения, уступать было нельзя. В противном случае это означало бы откат революции назад с перспективной правого реванша и кровавых расправ. Собственно говоря, так и получилось на тех территориях, где власть временно оказалась в руках лидеров Учредительного собрания. Ддмирал А. В. Колчак просто расстрелял его депутатов и установил военную диктатуру.

По мере приближения Учредительного собрания обстановка в столице накалялась. Попытка оппозиции самочинно начать работу Учредительного собрания 28 ноября, мощные демонстрации, прошедшие в этот день, – все свидетельствовало о нараставшем кризисе новой революционной власти. Во главе движения тайно или явно стояли кадеты. Поэтому Совет народных комиссаров вынужден был пойти на беспрецедентные меры и принять «Декрет об аресте вождей Гражданской войны против революции». Согласно ему целая партия, партия кадетов, провозглашалась партией «врагов народа». Из-за неявки кворума начало Учредительного собрания переносилось на 5 января 1918 г., но и к этому времени ситуация не упростилась. Наоборот, она стала еще более неопределенной и драматичной.

Предпринятые властями ко дню начала работы Учредительного собрания беспрецедентные меры показывали, что они отдавали себе отчет в серьезности момента. 23 декабря в Петрограде вводится военное положение. Город разбивается на участки, за порядком в которых следили видные большевистские комиссары. 3 января жители столицы были предупреждены, что всякие беспорядки «будут энергично остановлены военной силой». Были закрыты некоторые газеты и отсрочены некоторые мероприятия. Срочно были мобилизованы отряды Красной гвардии. В боевую готовность были приведены несколько ударных частей Петроградского гарнизона.

На подмогу вызвался и полк латышских стрелков. Усиливалась охрана государственных учреждений и патрулирование улиц. Для руководства всем этим создавался Чрезвычайный военный штаб. Правительство вынуждено было на время уступить власть чрезвычайному органу, и власть в городе перешла к Штабу.

Однако стержень мер, направленных на предупреждение возможных осложнений, лежал в другой плоскости. Большевики, при полной поддержке левых эсеров, подготовили Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Этот документ 3 января был одобрен ВЦИК и получил конституционный статус. Параллельно с этим было объявлено о созыве Всероссийских съездов Советов: большевистского рабоче-солдатского и левозсеровского крестьянского.

Можно предположить, что именно эти меры, а не военные приготовления оказались решающими для судьбы Учредительного собрания. После ожесточенной дискуссии, эсеров-меньшевистской частью Учредительного собрания Декларация 237 голосами против 138 была отвергнута. Отказавшись ее утвердить, правые фракции попали в ловушку. Большевики и левые эсеры обвинили умеренных социалистов в контрреволюции.

Под бурные аплодисменты галерки была зачитана написанная Лениным декларация: «Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание». Через некоторое время его оставили и левые эсеры. После этого в 4 часа утра начальник охраны Таврического дворца анархист А. Г. Железняков попросил собравшихся разойтись, поскольку «караул устал». Разошедшиеся по требованию «уставшей охраны» делегаты, на следующий день собраться не смогли: на дверях их встретил замок. После депутаты Учредительного собрания пытались собраться в Киеве. Но их опередили части Красной Гвардии, освободившие столицу Украины от войск Рады.

Бесславная кончина «Хозяина Земли русской», или иначе (снижено) «Учредиловки», тем не менее отнюдь еще не означала окончание правительственного кризиса. Теперь борьба переносилась

внутри открывавшихся съездов Советов. Меньшевики и правые эсеры вели подготовку к этому заранее. Они рассчитывали сплотить на них мощные фракции и по возможности повернуть работу съездов в нужное им русло. Поговаривали и о принятии вооруженных мер. Какое-то время обсуждалась возможность проведения «параллельных» съездам Советов мероприятий. И только разговорами дело не ограничилось.

Однако все эти усилия оказались тщетны. Уже после нескольких часов работы III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, а потом и III Всероссийского крестьянского съезда Советов стало ясно, что тактика большевиков и левых эсеров возобладавала. 10 января оба съезда объединили свою работу. Был избран единый ВЦИК Советов. Существенно изменился статус Совнаркома: отныне его статус «временного» ушел в прошлое. Наряду с этим власть Совнаркома перестает ограничиваться столицами и промышленными центрами. Совнарком окончательно становится реальным правительством.

Январские события означали *решение вопроса о характере революции*. Некоторые современники говорили о них как о второй, «подлинной», социалистической революции. Ключевой конфликт «второго двоевластия», наконец, был преодолен. В центре борьба между двумя формами демократии окончилась победой Советов. Вскоре буржуазные органы власти начнут вытесняться и на местах. Именно этот процесс был определен Лениным как «триумфальное шествие Советской власти».

Как справедливо писал английский историк Э. Карр, это было еще одним подтверждением отсутствия в России прочной базы или народной поддержки для институтов буржуазной демократии. Разгром «Учредилки» не вызвал сильного протеста или ярко выраженного сожаления низов. Отдельные выступления в его защиту быстро угасали даже без дополнительного давления верхов. Что же касается III Всероссийского съезда Советов, то он оказался естественным преемником Учредительного собрания. Делегаты, чувствуя важность происходящего, выразили это очень символично.

Во имя «исторического воспоминания о пройденном пути» вслед за «Интернационалом» ими была исполнена также и «Марсельеза»: «Интернационал победил Марсельезу, как *революция пролетарская оставляет позади революцию буржуазную*». Подчеркнуто символично выбиралось и место проведения III съезда Советов. Им стал не Смольный, а Таврический дворец, где еще совсем недавно заседало Учредительное собрание...

Учредительное собрание потерпело поражение. Но потерпел поражение не только конкретный орган власти, переставший отражать интересы момента. Вместе с Учредительным собранием умерла сама идея либерально-западнического парламентаризма. Судьба Учредительного собрания наглядно продемонстрировала его нежизненность на русской почве в тот момент отечественной истории. Место заимствованных из чужого опыта органов представительной власти на длительный срок (как минимум до середины 1930-х, а возможно, до начала 1990-х гг.) заняли рожденные русскими традициями трудовой самоорганизации *Советы*. И в этом можно видеть один из основных итогов революции 1917 г., которая ранее была названа *революцией самоуправления*.

Вопросы и задания:

1. Какие институты общественной самоорганизации и самоуправления Вам известны в дореволюционной истории России?
2. Можно или нельзя Россию 1917 г. считать самой демократической страной в мире на том этапе исторического развития, который в годы Первой мировой войны переживало человечество?
3. Как Вы полагаете, почему общегражданские демократические институты в условиях Революции 1917 г. уступили органам классовой демократии?
4. В чем Вам видятся важнейшие причины большевизации Советов и других демократических гражданских институтов в завершающие месяцы перед Красным Октябрем 1917 г.?

5. Почему различные политические силы в 1917 г. стремились не только взять под контроль армию, но и создать собственные вооруженные силы?
6. Почему роспуск Учредительного собрания не вызвал массовых протестов ни в одной из социальных групп революционной России, в том числе в тех, представители которых на выборах активно голосовали за эсеров и меньшевиков?
7. Как Вы полагаете, почему белое правительство адмирала А. В. Колчака не только не возродило Учредительное собрание, но и, в отличие от большевиков, поспешило расстрелять большинство его депутатов, оказавшихся на подконтрольных ему территориях?

Юрьев А. И.

Формирование первого Советского правительства

Во многом ход развития дальнейших событий в России после Октябрьской революции 1917 г. определялся тем, как будет сформировано первое Советское правительство, насколько оно будет выражать интересы широких слоев населения страны.

Вопрос о формировании первого Советского правительства рассматривался еще до взятия Зимнего дворца и победы Октябрьской революции, на II съезде Советов, вечером 25 октября, где меньшевики и эсеры выступили с предложением избрать делегацию для переговоров со всеми социалистическими партиями об организации единой демократической власти. От имени большевистской фракции полное согласие с этим заявил Луначарский, а председательствующий на съезде Каменев поставил этот вопрос на голосование. Предложение меньшевиков и эсеров было принято единогласно.

Таким образом, складывалась возможность для создания единого многопартийного демократического правительства.

К сожалению, использовать этот возникший исторический шанс не удалось. В ходе завязавшихся прений ряд делегатов съезда высказал в адрес большевиков резкие обвинения в захвате власти, которые не остались без ответа. После чего правые эсеры и меньшевики демонстративно покинули зал заседания, огласив декларацию об осуждении «военного заговора» большевиков, невозможности совместной работы с ними, неправомочности II съезда Советов и необходимости переговоров с Временным правительством для образования власти, опирающейся «на все слои демократии» [16, с. 18].

Воспользовавшись этим, большевики 26 октября сформировали однопартийное правительство, хотя не все из членов ЦК были согласны с таким решением. В постановлении об образовании рабочего и крестьянского правительства было, в частности, сказано: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров» [9, с. 28].

Безусловно, что это решение вызвало резкое неприятие со стороны эсеров, меньшевиков и других партий. Интересно, что Плеханов, который 28 октября обратился через газету «Единство» с открытым письмом к петроградским рабочим, говорил о печальных последствиях этого факта для страны, «если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, – того хуже, – одной партией» [18, с. 105–106]. При этом он считал, что «власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка» [18, с. 106].

29 октября с заявлением во ВЦИКе по вопросу о власти выступили представители Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (Викжеля), в составе которого преобладающую роль играли эсеры вместе с меньшевиками, причем эсеры пользовались в этой организации как в центре, так и на местах наиболее сильным влиянием. Викжель являлся весьма важным, имеющим

большое значение для страны органом, в непосредственном подчинении которого находился весь железнодорожный транспорт, большой отряд рабочих-железнодорожников.

В заявлении Викжеля, отражавшем точку зрения эсеров и меньшевиков, в частности, говорилось: «В стране нет власти, и идет ожесточенная борьба за власть. Каждая из борющихся сторон стремится создать эту власть силою оружия. Идет братоубийственная война. В то время, как внешний враг угрожает свободе народа, демократия решает свои внутренние споры кровью и железом. Временное правительство, возглавляемое Керенским, оказалось не в силах удержать в своих руках власть. Образовавшийся в Петрограде Совет народных комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать новое правительство, которое пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного Собрания. Таковую власть можно создать только путем разумного соглашения всей демократии, но никоим образом силою оружия» [17, с. 33–34].

При этом подчеркивалось, что единственным средством достижения мира внутри страны Викжель признает однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно, и формирование «правомочного органа всей демократии» – так называемого «Народного Совета». ЦИК железнодорожного союза заявил всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам о своем непреклонном решении и категорическом требовании немедленно остановить Гражданскую войну и сплотиться для образования однородного Революционно-социалистического правительства. Викжель заявил, что в противном случае к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах и проведения забастовки. В этот же день при Викжеле началось совещание представителей партий

правых эсеров и меньшевиков по вопросу о власти. Как уже отмечалось, их позиция была четко выражена в заявлении Викжеля.

В ходе обсуждения в ЦК партии большевиков отношения к созданию коалиционного Советского правительства наметились две линии. Первая, выступавшая за блок большевиков с другими социалистическими партиями, в первую очередь, с левыми эсерами, которую активно отстаивали Рыков, Ногин, Каменев, Зиновьев, а также некоторые другие. И вторая, стоявшая на позициях деятельности чисто большевистского правительства.

На заседании III областной конференции РСДРП (б) Центрального промышленного района, проходившей несколько позже, 7–9 декабря 1917 г., Рыков, давая объяснения своей позиции по отношению к созданию советского правительства, отмечал, что для страны необходимо создание блока рабочих и крестьян для организации нового общества. А так как рабочий класс составляет незначительную часть населения, то и партия большевиков представляет интересы только незначительной части населения России. Поэтому нельзя идти на обострение с другими партиями, необходимо соглашение с ними, необходима организация власти из всех партий, входящих в Советы. При этом Рыков подчеркивал, что, поскольку диктатура рабочих не соответствует составу населения России, «следует организовать власть, которая не только силой оружия, но и морально была бы сильна» [1, л. 50]. А так как Россия – это в основном крестьянская страна, то надо «искать союзников среди крестьянства и чтоб этот блок рос и ширился... Надо чтобы было схождение всех партий» [1, л. 4].

Выступивший на заседании этой же конференции Ногин также обосновывал необходимость включения в правительство представителей Викжеля, профсоюзов и других организаций, подчеркивая, что при большинстве большевиков в данном органе власти это могло бы способствовать мирному развитию революции. Иначе, как отмечал он, при данном соотношении сил в стране чисто большевистское правительство «не сможет держаться без исключительного применения террора» [1, л. 43].

29 октября заявление Викжеля обсуждалось на заседании ЦК партии большевиков, Ленин на нем отсутствовал. Единогласно было принято решение о том, что «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможное изменение его состава». Вторым пунктом было также принято предложение: «Правительство создается ЦИК и перед ним ответственно» [17, с. 35].

На основе данной платформы ЦК были начаты переговоры с Викжелем, которые продолжались всю ночь и почти целый день 30 октября. Каменев, выступая от имени ЦИК Советов, выдвинул три «условия соглашения»: «Соглашение возможно и необходимо:

- 1) на почве определенной программы, возвещенной съездом Советов;
- 2) на основе ответственности перед СРС и Кр.Д;
- 3) в пределах всех партий, входящих в коалицию Советов, т.е. от большевиков до народных социалистов включительно. Правительство должно быть создано ВЦИК и перед ним ответственно. Всякие изменения в составе правительства также должны решаться ВЦИК, являющимся органом, контролирующим правительство и замещающим все посты» [17, с. 35].

Эсеры при обсуждении вопроса о власти предложили: «Правительство должно быть однородным, социалистическим, персонально избранным комиссией, которую выделит настоящее собрание». Выступивший с ответом на это предложение Каменев фактически признал возможным вместо ВЦИК создание предложенного эсерами и меньшевиками «Народного Совета». Безусловно – это было нарушением постановления ЦК партии большевиков от 29 октября.

1 ноября вопрос о переговорах представителей партий при Викжеле обсуждался на расширенном заседании ЦК РСДРП (б). Большинство, во главе с Лениным, по существу заняло позицию, которую наиболее четко выразил, судя по протоколу заседания, Троцкий. Выступая первым после доклада Каменева о переговорах на совещании партий, Троцкий сказал, что «из доклада ясно только, как партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг. Незачем было

устраивать восстание, если мы не получим большинства...» [17, с. 37]. При этом Троцкий однозначно считал, что Советы взять власть по-настоящему могут не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полу-пролетарских слоев [20, с. 253]. Ленин на этом заседании выступал трижды. Раскол большинства и меньшинства по вопросу о правительстве вступил в свою завершающую стадию.

2 ноября на заседании ЦК РСДРП (б) десятью голосами против пяти была принята резолюция, написанная Лениным, где, в частности, говорилось о том, что оппозиция саботирует «начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», и заявлено: «Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству» [11, с. 44–45]. В то же время, в резолюции Центральный Комитет подтвердил, «что, не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти» [11, с. 45]. При этом было однозначно сказано, что «абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России» [11, с. 45–46].

В этот же день, вечером, состоялось заседание ВЦИК, на котором левые эсеры выступили с декларацией, обвинявшей большевиков в диктаторской политике, и предложили пересмотреть вопрос о платформе соглашения всех социалистических партий. Во время заседания большевистской фракции ВЦИК были приняты поправ-

ки к резолюции ЦК РСДРП (б), которые содержали уступки эсерам и меньшевикам. Эта резолюция, предусматривающая продолжение переговоров всех партий о власти, была принята ВЦИК. Ленин на следующий день писал, что «вчера на заседании ЦИК большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства)», характеризуя это как политику, явно направленную против основной линии большевистской партии [13, с. 48].

3 ноября на очередном заседании совещания партий при Викжеле, меньшевик Мартов и другие потребовали от Совнаркома прекращения арестов, отмены декрета о закрытии «буржуазных» газет. Большевистская делегация ни на какие уступки не согласилась, и никакого решения о власти принято не было. В этот же день, на заседании Совета народных комиссаров, Ленин выступил против всяких соглашений с Викжелем [12, с. 50]. На следующее заседание согласительной комиссии при Викжеле большевики не пришли.

Опять же 3 ноября Ленин пишет ультиматум большинства ЦК РСДРП (б) меньшинству, приглашает к себе в кабинет каждого члена ЦК поодиночке, знакомит с текстом и предлагает подписать. В этом заявлении он говорил о том, что политика партии большевиков для данного момента определена в резолюции, предложенной товарищем Лениным и принятой ЦК 2 ноября. Резолюция объявляла изменой делу пролетариата всякую попытку навязать большевикам уклонение от власти и это является основной линией политики РСДРП (б), вытекающей из ее борьбы против соглашательства, которая составляет сейчас революционную сущность большевизма. Эта линия является безусловно обязательной для всех членов партии и в первую очередь для меньшинства ЦК. От меньшинства был потребован категорический ответ в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство проводить ту политику, которая была сформулирована в принятой ЦК резолюции. Если ответ будет неопределенным, то ЦК обратится к партийным организациям

и чрезвычайному партийному съезду с предложениями: либо партия должна поручить сформировать новую власть оппозиции вместе с ее союзниками, либо партия одобрит единственно возможную революционную линию и тогда предложит представителям оппозиции «перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации» [13, с. 47–49].

4 ноября Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин объявили о своем выходе из ЦК РСДРП (б). В этот же день на заседании Совнаркома группа его членов, в которую входили Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Шляпников и некоторые другие, заявили о своем выходе из состава Совета народных комиссаров.

В заявлении от имени этой группы, с которым выступил народный комиссар торговли и промышленности, председатель Московского Совета Ногин, было заявлено: «Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранения чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦК звание народных комиссаров» [17, с. 44].

Через несколько дней ЦК РСДРП (б) принял решение, в связи с несоответствием между линией ЦК и большинства фракции ЦИК, отстранить от председательства в ЦИК Каменева. Фракция левых эсеров высказала свое сожаление по этому поводу.

А 7 ноября в газете «Правда» было опубликовано написанное Лениным специальное обращение от ЦК РСДРП (б) «Ко всем членам

партии и ко всем трудящимся классам России». В нем Ленин еще раз подчеркивал: «Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством» [14, с. 72]. При этом он снова говорит о том, что большевики были согласны и остаются согласны разделить власть с меньшинством Советов, при их лояльном и честном обязательстве подчиняться большинству и проводить программу, одобренную всем Вторым Всероссийским съездом Советов [14, с. 76].

Сегодня вопрос о том, насколько серьезно относились большевики, и особенно Ленин, к возможности создания однородного социалистического правительства и переговорам в связи с этим на совещании партий при Викжеле, является весьма интересным, в определенной мере дающим ответ на последующие действия и поступки руководства большевиков, реакцию на них их политических оппонентов.

Резолюция ЦК РСДРП (б) 29 октября, принятая, как уже отмечалось, единогласно, дает возможность сделать вполне определенный вывод о том, что среди членов Центрального Комитета были сильны настроения в пользу соглашения с другими социалистическими партиями, в первую очередь с левыми эсерами. Вместе с тем, видимо, можно говорить и о том, что часть большевиков, и в первую очередь Ленин, образовав чисто большевистское правительство, не считали возможным допускать в его состав представителей других социалистических партий. Однако в связи с весьма неясной ситуацией развития революционных событий, в первую очередь в Москве, руководство ЦК было вынуждено пойти на участие в совещании партий при Викжеле.

Но уже 1 ноября, когда ход боев в Москве давал возможность предполагать благоприятное для большевиков развитие дальнейших событий, Ленин, выступая в этот день на заседании ЦК РСДРП (б), говорил: «Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву. Викжель в Совет не входит, и его туда впускать нельзя; Советы – органы добровольные, а Викжель

не имеет опоры в массах» [10, с. 43]. Протокольная запись одного из выступлений, а Ленин на этом заседании выступал трижды, показывает его отношение к участию в совещании партий при Викжеле: «Тов. Ленин считает, что переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, это было бы уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными. Нужно прийти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [10, с. 43].

Выступая в этот же день на заседании Петроградского комитета партии по вопросу о соглашении, Ленин сказал следующее: «А соглашение? – Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика». И закончил речь лозунгом: «Без соглашений – за однородное большевистское правительство!» [19, с. 29].

2 ноября, когда исход боев в Москве однозначно говорил о победе большевиков, ЦК РСДРП (б), по инициативе Ленина, была принята резолюция по вопросу об оппозиции внутри ЦК. И, наконец, 3 ноября Лениным был написан ультиматум большинства ЦК РСДРП (б) меньшинству, на заседании Совнаркома он выступил против всяких соглашений с Викжелем, делегация большевиков в последний раз присутствовала на заседании совещания партий при Всероссийском исполнительном комитете железнодорожников. Как уже говорилось, прервав переговоры, большевики больше на его заседаниях не появились.

Таким образом, большевики явились инициаторами прекращения переговоров. Рыков отмечал, что именно «ЦК вынес постановление прервать переговоры» [1, л. 50].

Поэтому весьма проблематична точка зрения историка Г. И. Злоказова о том, что «неудача переговоров объясняется скорее неспособностью и нежеланием обеих сторон найти точки соприкосновения и расширить базис власти» [8, с. 132]. Безусловно, умеренные социалисты несут свою определенную долю ответственности, но для Ленина и его сторонников однозначно ни о каком много-

партийном правительстве речи быть не могло и делиться властью они ни с кем не хотели.

Во многих научных работах и публикациях говорится о том, что левые эсеры, которым было предложено участвовать в первом рабоче-крестьянском правительстве – Совете народных комиссаров, отказались послать своих представителей и заняли выжидательную позицию. Но при этом акцент, в первую очередь, делается именно на отказе левых эсеров от вхождения в правительство, а не на причинах, побудивших их к этому: в данный период левые эсеры однозначно поддерживали требования создания «однородного социалистического правительства» из представителей «всей демократии», включая правых эсеров и меньшевиков, о чем, безусловно, знало руководство большевистской партии накануне формирования первого Советского правительства. В резолюции ЦК 2 ноября Ленин писал о том, что за несколько часов до образования Совета народных комиссаров ЦК партии большевиков «пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров и формально предложил им участие в правительстве». Однако они отказались, поэтому их отказ «возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых эсеров» [11, с. 45].

В текстах, написанных Лениным, тем более в резолюциях ЦК, никогда не было лишних или ненужных слов, каждое из них несло свой особый смысл. Поэтому ленинское словосочетание, что ЦК «формально предложил» левым эсерам принять участие в правительстве, заставляет задуматься о том, ждал ли Ленин от них утвердительного ответа, насколько серьезно он был готов к их вхождению в правительство и хотел ли он этого.

Ногин, выступая на заседании III областной конференции РСДРП (б) Центрального промышленного района в начале декабря 1917 г., обрисовал ситуацию, которая предшествовала формированию первого Советского правительства. По его словам, в ночь на 25 октября на заседании ЦК партии большевиков, когда обсуждался вопрос о власти, ЦК большинством голосов против одного высказался за участие в правительстве левых эсеров. Категорически

против этого выступил Ленин. Все последующие попытки к соглашению также отвергались Лениным, который заявил, что если будет составлено правительство с левыми эсерами, то он будет бороться с этим правительством так же, как боролся с правительством Керенского. И поставил вопрос таким образом: или линия, которую проводит он, или линия, которую проводят сторонники соглашения [1, л. 43, 95]. ЦК партии встал на сторону Ленина, ибо, как утверждал Ногин, в Центральном Комитете решения большинства не проводились, «если не соглашался Ленин» [1, л. 43].

Отношение части ЦК партии к левым эсерам очень четко высказал Бухарин, выступая на заседании расширенного пленума Московского областного бюро РСДРП (б) с представителями местных организаций 9–10 ноября 1917 г.: «Левых с.-р. можно было бы пустить (в правительство. – А. Ю.), но они держат за хвост правых с.-р. и меньшев. – тащат их за собой» [2, л. 61]. При этом он считал, что все попытки к соглашению с правыми эсерами и меньшевиками – это «пустой разговор».

На конференции было отмечено, что соглашательское течение в партии охватывает небольшую группу, оно имеется только в верхах, в ЦК и крупных организациях, а на местах его нет [1, л. 52]. Однако это было далеко не так.

Например, большевики города Шуи Владимирской губернии 11 ноября направили в ЦК партии, Московское областное бюро, партийные комитеты большевиков Владимира, Костромы и Кинешмы телеграмму, в которой писали, что находят стремление руководящих кругов партии удержать чисто партийное правительство гибельным для дела революции и рабочего класса. Шуйские большевики подчеркивали, что только социалистическое правительство советских партий, ответственное перед Советами, может привести к созданию власти, авторитетной для всей демократии, и требовали принять энергичные меры для достижения соглашения, советскими партиями [3, л. 68].

В городе Рыбинске Ярославской губернии Совет рабочих и солдатских депутатов, где большое влияние имели большеви-

ки, также принял резолюцию об «однородном социалистическом министерстве», за которую вместе голосовали и эсеры и большевики [4, л. 51].

За правительство, состоящее из социалистических партий голосовали большевики вместе с эсерами и в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Нижнего Новгорода. При этом, правда, было отмечено, что большевики должны быть в большинстве. Органом власти на месте здесь был утвержден Военно-революционный комитет, созданный по инициативе большевиков, но ответственный перед Исполнительным комитетом Совета, пополненного представителями от социалистической части городской думы, профсоюзов и других [2, л. 48].

В городе Кинешме Костромской губернии эсеры, большевики и члены объединенной социал-демократической организации местным органом власти объявили уездный Народный Совет, в состав которого вошли представители различных организаций: по два от Совета солдатских депутатов, Совета рабочих депутатов, Совета крестьянских депутатов, а также от уездного земства, и по одному от городской управы, железнодорожного союза, профсоюзов текстильщиков и почтово-телеграфных служащих. Все эти представители были ответственны перед пославшими их организациями [5, л. 105]. Партийный состав Народного Совета также был разнообразен: в него входило пять эсеров, пять большевиков, меньшевики, народные социалисты. Этот орган власти работал под контролем местного Совета [2, л. 49]. Своей ближайшей задачей Народный Совет ставил восстановление нормальной жизни уезда и «внесение успокоения во встревоженные последними событиями слои населения». Все это, по мнению местных партийных организаций, давало возможность «без исключительных положений при полной широкой свободе предвыборной агитации довести уезд до Всенародного Учредительного Собрания». При этом и эсеры, и большевики, и представители других партий говорили о единстве, соглашении в эти «тревожные дни» [5, л. 105].

Подобные факты встречались и в других местах.

Безусловно, что позиция низовых организаций большевиков во многом определялась позицией вышестоящих органов. Но и здесь не было однозначной точки зрения. Так, Московский окружной комитет РСДРП (б) на состоявшемся 8 ноября заседании, заслушав доклады Бубнова и Рыкова и не придя к единой точке зрения, принял решение просить ЦК немедленно созвать партийный съезд или конференцию «для определения общего и обязательного для всех членов партии принципиального отношения к вопросу об организации власти» [6, л. 31].

На заседании Московского областного бюро РСДРП (б) 5 ноября, после оживленных прений, обнаружились две точки зрения. Первая – отстаивала чисто большевистское правительство, вторая – «однородное интернационалистическое министерство», со включением в него левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Однако при голосовании ни одна из этих двух точек зрения не собрала даже относительного большинства. В конце концов было принято удовлетворившее всех решение, что правительство должно состоять из советских партий, в котором большевистская партия имеет «обеспеченное большинство». При этом подчеркивалось, что в Центральный исполнительный комитет Советов не включаются ни городское самоуправление, ни Викжель, ни почтово-телеграфный союз, ни профессиональные союзы. Состав местной власти должен быть аналогичным [7, л. 35].

Выход из состава ЦК и СНК значительной группы весьма влиятельных, известных в партии большевиков вызвал в стране и самой партии большой резонанс, придав вопросу о составе правительства гласный характер.

Ногин, говоря о причинах выхода, отмечал, в частности, что в партии нет демократии, и обвинил Ленина «в личном режиме». Поэтому влиять на изменение политики в отношении состава правительства, по его словам, можно было только передав обсуждение этого вопроса всей партии [1, л. 95].

По-видимому, определенный настрой части большевиков в пользу соглашения с левыми эсерами как в центре, так и на местах, а особенно, скорее всего, некоторые предварительные итоги выборов в Учредительное собрание заставили руководство большевистской партии возобновить более предметно переговоры с левыми эсерами.

Еще 4 ноября, сразу после ухода группы большевиков из СНК, на заседании пленума ВЦИК Ленин предложил резолюцию, по которой кандидатура левого эсера Коллегаева выдвигалась на пост наркома земледелия. Но левые эсеры участия в голосовании не приняли, заявив, что они могли бы принять это предложение только при образовании однородной социалистической власти, причем при этом, должна быть прекращена политика репрессий и аннулирован декрет о печати, провозглашавший закрытие буржуазных газет.

15 ноября Совнарком снова предложил левым эсерам взять пост наркома земледелия. В результате переговоров 17 ноября левые эсеры согласились принять пост наркома земледелия, а 19 ноября Чрезвычайный Всероссийский съезд крестьянских депутатов утвердил на эту должность левого эсера Коллегаева. Как отмечал Рыков, вхождение левых эсеров в министерство земледелия – это «только первый шаг». Вхождением левых эсеров, по его мнению, создавалась почва, на которой «власть поддерживало большинство населения страны» [1, л. 4].

Окончательно соглашение о вхождении левых эсеров в Советское правительство было достигнуто в ночь с 9 на 10 декабря, в результате переговоров, по которым в его состав вошли семь представителей этой партии.

В то же время следует, видимо, говорить о том, что большевики не видели в левых эсерах своих надежных союзников.

Отношение к левым эсерам не изменилось и после вхождения их в состав Совета народных комиссаров. Так, например, член президиума Московского областного бюро РСДРП (б) Стуков, выступая на III областной конференции большевиков Центрального

промышленного района, однозначно заявил, что левые эсеры – это «гири у нас на ногах; они саботируют работу СНК» [1, л. 98]. Характерно, что никто из присутствовавших и выступавших на конференции не оспаривал этой точки зрения. И только Рыков назвал эти высказывания Стукова клеветой на левых эсеров, подчеркнув, что левые эсеры идут за большевиками и «надо честно относиться к своим союзникам» [1, л. 102].

Поэтому точка зрения некоторых историков, например, Л. Овруцкого и А. Разгона о том, что большевики демонстрировали «искреннюю готовность» к сотрудничеству по отношению к левым эсерам [15, с. 68], весьма проблематична. Для большевиков включение левых эсеров в правительство было скорее тактическим ходом, чем искренней готовностью к такому шагу.

Безусловно, вопрос о формировании первого Советского правительства носил принципиальный характер: от его решения во многом зависело дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие страны. Однако непродуманность действий эсеров и меньшевиков и, прежде всего, уход со Второго Всероссийского съезда Советов, по сути дела разбивший единый фронт демократических сил и давший большевикам свободу действий – с одной стороны; с другой стороны – нежелание большевиков делиться властью, идти на соглашения, на компромиссы, чисто классовый подход в ущерб общенациональным интересам, непримиримость к иной, отличной точке зрения – все это не дало возможности сформировать демократическое правительство всех социалистических партий и определило ход развития дальнейших событий в России.

Нарком юстиции первого Советского правительства большевик Ломов, выступая на III областной конференции РСДРП(б) Центрального промышленного района в декабре 1917 г., говорил: «Мечты меньшевиков и правых с.-р. о том, что революция может быть направлена в какое-то мирное русло, идея содружества противоположных классов, потерпела окончательный крах... прочное правительство может существовать только при условии полного погрома одного класса другим». И делал вывод: «Революция может

укрепиться только при уничтожении и подчинении своих противников» [1, л. 116].

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 6.
2. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15.
3. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 46.
4. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 63.
5. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 48.
6. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 26.
7. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 21.
8. *Злоказов Г. И.* Переговоры об «однородном социалистическом правительстве» после Октябрьской революции // Отечественная история. – 1996. – №5.
9. *Ленин В. И.* Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Полн. собр. соч. – Т. 35.
10. *Ленин В. И.* Выступление на заседании ЦК РСДРП(б) 1(14) ноября 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 35.
11. *Ленин В. И.* Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2(15) ноября 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 35.
12. *Ленин В. И.* Выступление на заседании СНК 3(16) ноября 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 35.
13. *Ленин В. И.* Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству // Полн. собр. соч. – Т. 35.
14. *Ленин В. И.* От Центрального Комитета Российской социал-демократической партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Полн. собр. соч. – Т. 35.
15. *Овруцкий Л., Разгон А.* Пасынки революции // Родина. – 1990. – № 5.
16. Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / Научн. ред. А. П. Ненароков – М.: Политиздат, 1991.
17. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель // Сост. В. А. Иванов. – М.: Политиздат, 1989.
18. *Плеханов Г. В.* Открытое письмо к петроградским рабочим // Вопросы истории. – 1989. – № 12.
19. *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. – М.: Наука, 1990.
20. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990.

Вопросы и задания.

1. Почему вопрос о формировании первого Советского правительства имел важное значение, и как он решался на II Всероссийском съезде Советов?
2. Охарактеризуйте точку зрения умеренных социалистов, в первую очередь эсеров и меньшевиков, на формирование Советского правительства.
3. В чем суть кризиса первого Советского правительства в начале ноября 1917 г. и какова была позиция большевиков-сторонников коалиционного правительства?
4. Каковы были взгляды большевиков на включение в состав правительства левых эсеров, и почему Ленин и его сторонники все-таки пошли на создание двухпартийного правительства?
5. Изучите работы В. И. Ленина (см. список источников и литературы) и сделайте сообщение о его позиции в отношении формирования первого Советского правительства.
6. На основании прочитанного материала составьте таблицу, характеризующую ход формирования первого Советского правительства (дата – событие, начиная с 25 октября и до 9–10 декабря 1917 г.).
7. Как, на ваш взгляд, следовало бы сформировать первое Советское правительство, как коалиционное или однопартийное? Обоснуйте свою точку зрения.

Раздел 3. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: «БЕЛЫЕ» И «КРАСНЫЕ»

Цветков В. Ж.

Военно-политические особенности Белого движения в России, его сопоставление с советской властью в специфических условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.

Главной целью российского Белого движения было создание условий и предпосылок для образования завершенной, достаточно устойчивой всероссийской государственной системы. Основным из характеризующих ее направлений было соблюдение правопреемственности, неразрывности в статусе и деятельности структур управления и в законодательной базе. Правопреемственность исходила не только от программных установок Временного правительства (деятельность которого лидеры Белого движения оценивали, в основном, отрицательно), но и, в значительной степени, от «дофевральской» и «дооктябрьской» России. Правопреемственность прослеживается в принятии белыми правительствами актов государственного управления, основанных на Своде законов Российской Империи, хотя и корректируемых применительно к изменившимся после февраля 1917 г. условиям, но не отвергаемых. Наиболее заметно это проявилось в формировании системы исполнительной власти, ориентированной на период «думской монархии», и судебной власти, опиравшейся на традиции судебных уставов 1864 г.

Преемственность выражалась в стремлении сохранить и персональную основу органов власти. Многие из тех, кто занимал определенные должности и в дофевральской администрации, и в период Временного правительства, в той или иной форме (пусть и на других должностях и в ином статусе) продолжали работать в структурах белых правительств, участвовали в деятельности политических

организаций, поддерживавших Белое движение (С. Д. Сазонов, В. Н. Коковцев, А. В. Кривошеин, П. Л. Барк, М. В. Бернацкий, А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, Г. Е. Львов, Е. К. Климович и др.). Полностью сохранялся существовавший до Октября 1917 г. аппарат международного представительства – посольств и консульств, хотя и с ограниченной «полнотой признания». Белые правительства признавали все заключенные международные соглашения, финансовые обязательства как Российской империи, так и Временного правительства. Неизменным провозглашался статус Русской Православной церкви, утвержденный Поместным Собором 1917–1918 гг. И практически неизменными (на «дофевральском» уровне) оставались нормы гражданского, уголовного, административного, семейного права.

Отсутствовала вместе с тем определенность в вопросе формы правления и формы государственного устройства будущей России, в чем проявился принцип «непредрешения». Но необходимо учитывать, что акты отречения от престола Николая II и непринятия престола Михаилом Романовым еще не означали установления в России легитимного республиканского строя. Процесс формирования и эволюции идеологии Белого дела показывает, что в проектах будущего политического строя имела место тенденция к введению в России конституционной монархии или хотя бы возврата к «думской монархии» периода 1905–1917 гг. Несомненно слабыми были позиции как сторонников возврата к «неограниченному самодержавию», так и «республиканцев».

После февраля 1917 г. и в течение Гражданской войны в России сложилась исключительная в своем роде ситуация, когда статус все-российской государственной власти оспаривался тремя непримиримыми системами: советской властью, «демократической контрреволюцией» и Белым движением, что в значительной степени усугубляло трагизм гражданского противостояния и раскола общества.

Тот факт, что принцип правопреимственности, исходящий из актов Николая II и Михаила Романова, искажался по произволу политических «деятелей» 1917 г. (например, известный акт Керенского о введении в России «республиканского строя» с 1 сентября 1917 г.),

не означал, однако, невозможности возврата к традиционным основам российской государственности, о чем заявляли многие идеологи и политики Белого движения (Н. И. Астров, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, И. А. Ильин, Н. Н. Львов и др.). Позиция отрицания в политике Белого движения правомочности Учредительного собрания созыва 1917 г. и всех принятых им решений (аграрных тезисов, резолюции о государственном устройстве и т.д.) отражала не столько стремление к восстановлению «старого строя», сколько признание невозможности считать «Всероссийской Конституантой» структуру, выборы в которую (как полагали идеологи Белого движения) прошли уже после «Октябрьского переворота», с нарушениями избирательного права (единый список партии эсеров, запрет кадетской партии, «произвол» в отношении комиссии «Всевыборы» и др.), при игнорировании Собрания большевиками и левыми эсерами, составлявшими более трети состава его членов.

Восстановление прерванной политико-правовой традиции посредством созыва нового Национального Учредительного собрания, призванного утвердить новые Основные законы, стало центральным пунктом всех программ белых правительств. До этого события лидеры Белого движения могли считаться лишь «временными правителями», главная цель которых – обеспечение созыва новой Конституанты и обеспечение «гражданского мира» посредством «подавления большевизма». Этот тезис стал основополагающим в военно-политическом курсе Белого движения. При этом следует отметить важную особенность программ белых правительств: созванное новое Национальное Учредительное собрание должно было получить уже подготовленный в качестве основы «пакет» законопроектов, устанавливающих принципы политического, экономического устройства (в частности, в аграрной сфере). Независимо от того, каким стал бы окончательный выбор Конституанты в отношении формы правления, единоличный правитель и коллегиальная директория опирались бы на реально подготовленную правовую базу (это относилось к проектам областной автономии (федерации), принципам работы местной

администрации, земско-городского, сельского самоуправлений, к судебной системе, правоохранительным органам, армии, положению Православной церкви).

Для достижения провозглашенных целей требовалось наличие эффективно действующей системы организации армии и тыла. Эволюция военно-политического курса и государственного строительства в Белом движении показывала приоритетное значение принципа единоначалия в общей структуре власти. Данный принцип, хотя и не вызывал существенных возражений со стороны политиков и общественных деятелей «белого лагеря», нередко оспаривался с позиций оценки его эффективности в тех или иных конкретных ситуациях на фронте и в тылу. Критика направлялась, как правило, на конкретных носителей власти, их «неумение» привлечь доверие населения, «недемократичность» их действий и т.п.

В свою очередь, представители «белой власти», военные руководители предъявляли достаточно убедительные аргументы против излишнего вмешательства «демократической общественности» в систему управления (ссылаясь, в частности, на негативный «опыт 1917 г.»). За годы Гражданской войны сформировалось несколько «вариантов» управления, каждый из которых в различной степени проявил свои достоинства и недостатки.

Одним из наиболее эффективных, с точки зрения достижения успехов на фронте и определенной поддержки в тылу белых армий, представлялся вариант, который можно было бы назвать «диктатурой сверху». При нем военный единоличный правитель – диктатор – устанавливал основы законодательства, определял общее направление политического курса, подбирал кадровый состав для реализации намеченных целей. Примерами подобной формы правления служат «диктатуры»: верховного правителя адмирала А. В. Колчака, правителя Российской Восточной окраины генерал-майора Г. М. Семёнова, Временного Приамурского правительства братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых, главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина, правителя Юга России генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля.

При данной политической модели исполнительно-распорядительная власть имела главенствующее значение, но в то же время стремилась к созданию – во временной перспективе – тех или иных представительных структур (или санкционировала их создание, как, например, в Приморье «эпохи братьев Меркуловых»). Делалось это в значительной степени под воздействием внешних факторов – положения на фронтах, роста повстанческого движения в тылу, требований «демократизации режима», предъявляемых со стороны иностранных государств. Но деятельность представительства «общественности», как правило, носила консультативный, рекомендательный характер.

Власть стремилась к сотрудничеству с «общественностью», «диалогу с населением», преимущественно по экономическим, финансовым вопросам, что было важно для стабильности тыла, укрепления внутреннего рынка, преодоления «товарного голода», снабжения продовольствием армии и городов и т.д. Примерами подобных представительных структур можно назвать Государственное экономическое совещание в Сибири в 1918–1919 гг., Финансово-экономическое совещание, созванное Врангелем в Крыму в сентябре 1920 г., первоначальный вариант Краевого Народного совещания в Чите в 1920 г. Следует также отметить, что диктаторские функции может осуществлять не только «единоличная» власть. История 1917–1922 гг. показывает примеры создания так называемой «коллегиальной диктатуры», наиболее характерными примерами которой, являются: Временное правительство в 1917 г., Комитет Членов учредительного собрания, Верховное управление Северной области, Западно-Сибирский комиссариат в 1918 г., Крымское краевое правительство в 1918–1919 гг., Временное Приамурское правительство в 1921–1922 гг.

Другим вариантом организации власти являлась «диктатура снизу», при которой установление единоличного управления происходило благодаря санкции уже существовавших представительных структур. Подобного рода примеры: Уфимская директория, получившая власть с санкции Уфимского Государственного

совещания; Южно-русское правительство, утвержденное Верховным кругом Дона, Кубани и Терека; власть правителя Приамурского края генерала Дитерихса, получившего власть от Приамурского земского собора; власть казачьих атаманов, избиравшихся на представительных собраниях (Рады, Круги) казачьих войск. В этих случаях представительная власть приобретала уже учредительно-санкционирующий характер. При организации данной формы власти в политическом курсе использовался тезис об «избрании» диктатуры населением и придания ей, в силу этого, необходимой «легитимности».

Наконец, третьим вариантом организации власти можно считать некий «синтез», сочетание форм двух вышеназванных типов «диктатур», при котором верховная власть принадлежала единоличному правителю (как правило, военному), но его полномочия ограничивались представительными органами или достаточно сильным, полномочным правительством. Примеры подобного рода: правительство Северо-Западной области и «диктатор» генерал Юденич; Земско-городское совещание и «диктатор» генерал-лейтенант Е. К. Миллер на белом Севере в начале 1920 г.; Российское правительство, созываемое Государственное земское совещание и верховный правитель Колчак в Сибири в конце 1919 г.; Краевое Народное собрание и главком атаман Семенов в Забайкалье летом – осенью 1920 г. Однако подобные варианты возникали в условиях ухудшения положения на фронтах, роста повстанчества в тылу и, по сути, носили временный, переходный характер и не отличались достаточной стабильностью, равно как и продолжительностью существования.

Примечательно, что вышеперечисленные способы создания и легитимации власти вполне вписывались в политико-правовые проекты, разрабатываемые еще в 1918 г. По точному замечанию Астрова, существовала «дилемма»: «Диктатор или директория. Власть, возникающая из действующей реальной силы, или власть, образуемая путем сговора». Довольно четко эта идея была провозглашена также на Ялтинском (в марте 1919 г.) совещании членов ЦК

кадетской партии. При варианте «диктатора», признанного «центром», «собрание сил... определяется «действиями из центра», а гражданский порядок на местах и строительство местной жизни осуществляются органами местного самоуправления... Краевые государственные образования, стремящиеся к объединению России, сохраняются временно в качестве гражданской власти, впредь до образования Единой России».

При этом, правда, считалось, что центральная власть «диктатора» обязана опираться на принципы правопорядка и элементы легитимного представительства. Следовало, чтобы «центры Всероссийского объединения (армии) объявили во всеобщее сведение те общие нормы, которые определяют порядок закономерного действия власти, привлекали в состав высших органов управления лиц, пользующихся общественным доверием, обнародовали бы декларации о задачах деятельности в переходный период, впредь до определения Народным собранием постоянной государственной власти, и создали в возможно короткий срок твердый гражданский порядок в воссоединяемых областях» [3, с. 88, 138–139].

Существенным является также анализ специфики представительных структур, форм взаимодействия с «общественностью» при вышеназванных вариантах организации власти. Для первого – характерным признаком является опора на общественно-политические организации, на политических деятелей правых или правоцентристских убеждений. При этом подобные организации могли не иметь партийного характера, а представлять собой своеобразные «протопартии», объединяющие в своих рядах как членов «дореволюционных» партий, так и беспартийных политиков.

Примерами подобного рода служат Всероссийский Национальный центр, Совет Государственного объединения России. Избирательная система, применявшаяся для создания представительных структур, строилась в данном случае как основанная на различных цензах и куриях. Выборы могли не носить всеобщего характера или могли заменяться делегированием представителей

от отдельных, уже избранных структур (как это предполагалось, например, при проведении земской реформы в Крыму в 1920 г.).

Для второго варианта характерным становилась более высокая степень «демократизации». Предпочтение отдавалось использованию в избирательных системах принципов всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, что позволяло повысить степень легитимности власти (как это было, например, в Белом Приморье при проведении выборов в Приамурское Народное собрание летом 1921 г.).

Что касается специфики разрешения «национального вопроса» в политических программах белых правительств, то здесь приоритетным принципом становилось признание важности согласования своих позиций в отношениях с возникшими после февраля – октября 1917 г. «государственными образованиями». Формально деятели Белого движения не игнорировали ни одного, даже самого незначительного, с точки зрения «всероссийских интересов», «образования». С ними велись переговоры, заключались соглашения, делались попытки создания военно-политических коалиций (что было особенно характерно для последнего периода Белого движения – 1920–1922 гг.).

Наиболее приемлемыми формами будущего государственного устройства России признавались автономия (в политических программах 1918–1919 гг.) или федерация (в политических программах 1920–1922 гг.). Возврат к унитарному варианту исключался. Причем разница в понимании этих терминов политиками и правоведами Белого дела была относительной. Наиболее сложные проблемы возникали в случае необходимости «признания» новообразования. И если для Польши и, в конечном счете, Финляндии декларировалась «независимость», то в отношении остальных «государственных образований» предстоял долгий путь переговоров, компромиссов, соглашений и договоренностей по вопросам «разделения полномочий» между центром и регионами (в случае «федерализации») или установления границ, «раздела государственного долга» (в случае признания «независимости»).

«Траектория» эволюции в политическом курсе Белого движения представляется, в конечном итоге, следующей: от директории с обширными полномочиями («коллегиальной диктатуры») в 1917–1918 гг., через признание необходимости единоличной диктатуры, использующей определенную представительную поддержку (1919–1920 гг.), к «соборно избранной» и «соборно утвержденной» монархии с полномочиями, близкими к варианту «президентской власти» (1922 г.); в форме государственного устройства – от восстановления «единой и неделимой» России в прежних границах (за исключением Польши и Финляндии) до признания возможности некоего союза новых государственных образований. Решение внутренних проблем, восстановление сильного, авторитетного всероссийского центра гарантировало бы и международное признание России как важнейшего фактора мировой политики в послевоенной системе межгосударственных отношений.

Конечно, не исключая политико-правовые особенности Белого движения, следует учитывать, что именно военные неудачи на фронтах составили главную причину его поражения во время Гражданской войны. Поиск и апробация новых государственных моделей, реконструкция старых структур власти не спасали от нехватки резервов (Гражданская война вообще отличалась их острой нехваткой, фактическим отсутствием у обеих воюющих сторон), пушек, снарядов, патронов. А провозглашение политического единства в лице верховного правителя Российского государства адмирала А. В. Колчака не гарантировало от несогласованности и несвоевременности военных усилий на фронтах.

И все же, помимо военных факторов, уместно перечислить и социально-политические причины поражения противников большевизма. Как уже отмечалось, Белое движение, объединявшее в своих рядах представителей различных политических движений и социальных структур, не могло избежать внутренних противоречий. Существенными были конфликты между военными и гражданскими властями на занятых белыми территориях.

В условиях подвижности фронтов, борьбы с повстанческим движением в тылу военные вполне обоснованно и закономерно стремились к осуществлению функций гражданского руководства, игнорируя структуры местного самоуправления, разрешая политические и экономические проблемы в приказном порядке (действия генерала Я. А. Слащова в Крыму в феврале – марте 1920 г., генерала А. П. Родзянко на Северо-Западном фронте весной 1919 г., введение военного положения на линии Транссибирской железной дороги в 1919–1920 гг. и др.). Отсутствие политического опыта, незнание или игнорирование специфики гражданского управления нередко приводили к серьезным ошибкам, к падению авторитета белых правителей (кризис власти адмирала Колчака в ноябре – декабре 1919 г., генерала Деникина в январе – марте 1920 г.).

Противоречия военной и гражданской власти отражали противоречия между представителями различных политических направлений, входивших в Белое движение. Правые (СГОР, монархисты) поддерживали принцип неограниченной диктатуры, тогда как левые («Союз Возрождения России», сибирские областники) выступали за «широкое представительство общественности» при военных правителях. Немаловажное значение имели разногласия между правыми и левыми по земельной политике (по условиям отчуждения помещичьей земли), по рабочему вопросу (возможности участия профсоюзов в управлении предприятиями), в вопросах местного самоуправления (по характеру представительства общественно-политических организаций).

Существенной причиной, повлиявшей на неустойчивость белого тыла в политическом отношении, следует признать отсутствие сколько-нибудь прочной системы представительной власти. Именно отсутствие контакта «власти» и «общества», или недостаточно полное его выражение, вызывало критику, недоверие к белым военным и политикам.

Принцип «неделимой России» вызывал конфликты не только между Белым движением и государственными новообразованиями на территории бывшей Российской Империи (Украиной,

республиками Кавказа), но и внутри самого Белого движения. Серьезные трения возникали между казачьими политиками, стремившимися к максимальной автономии (вплоть до государственного суверенитета) и белыми правительствами (конфликт атамана Семенова и адмирала Колчака, конфликт между генералом Деникиным и Кубанской радой).

Возникали противоречия и по поводу внешнеполитической «ориентации». Так, в 1918 г. многие политические деятели Белого движения (П. Н. Милюков и Киевская группа кадетов, Московский Правый центр) высказывались о необходимости взаимодействия с Германией для «ликвидации советской власти». В 1919 г. «прогерманская ориентация» отличала Совет гражданского управления Западной Добровольческой армии полковника Бермондта-Авалова. Большинство же в Белом движении выступало за сотрудничество со странами Антанты как союзниками России по Первой мировой войне.

Разумеется, не способствовали прочности Белого движения конфликты между отдельными представителями политических структур (лидерами СГОР и Национального центра – А. В. Кривошеиным и Н. И. Астровым), внутри военного командования (между адмиралом Колчаком и генералом Гайдой, генералом Деникиным и генералом Врангелем, генералом Родзянко и генералом Юденичем и др.).

Вышеперечисленные противоречия и конфликты, хотя и не носили непримиримого характера и не привели к расколу Белого движения, тем не менее нарушали его единство и сыграли важную роль (наряду с военными неудачами) в его поражении в Гражданской войне.

Значительные проблемы у белой власти возникали из-за слабости управления на контролируемых территориях. Например, на Украине, до момента занятия ее войсками ВСЮР, сменилось на протяжении 1917–1919 гг. четыре политических режима (власть Временного правительства, Центральной рады, гетмана П. Скоропадского, Украинская Советская республика), каждый из которых стремился к установлению собственного аппарата

управления. Это затрудняло оперативное проведение мобилизаций в белую армию, борьбу с повстанческим движением, реализацию принимаемых законов, разъяснение населению политического курса Белого движения и в целом лишало его необходимой социальной опоры.

Нельзя согласиться с тем, что противостоящий Белому движению партийно-советский режим был лишен вышеуказанных противоречий в той или иной форме. Имеет смысл, очевидно, остановиться и на некоторых критических оценках Белого движения.

В частности, за последние годы в исторической литературе и особенно в исторической публицистике, очевидно стремление обозначить те или иные «причины поражения Белого дела». Но если разобраться то суть почти в каждой из них является в той или иной степени, спорной.

Один из таких сущностных тезисов основан на том, что «у белых отсутствовала политическая программа», она носила «аморфный, неопределенный характер». Да, программы в буквальном понимании: как набора «политических и экономических пунктов» у белых не было. Однако подобная форма изложения программных установок принципиально была для «белого лагеря» гораздо менее приемлема, чем для их политических противников, как известно, оставивших в истории множество более или менее кратких декретов, обращений, политических прокламаций и т.д.

Теоретические разработки Белого движения (практически во всех областях внутренней и внешней политики) были весьма обширные. Этим занимались многочисленные комиссии, составленные из профессиональных экспертов-юристов, экономистов, политических и общественных деятелей. В случае реализации разработанные ими проекты должны были стать фундаментальной основой для будущей российской государственности, ее экономической системы, национальной идеологии.

Вот как, например, оценивал Деникин законопроект аграрной реформы, выработанный комиссией профессора А. Д. Билимовича: «...при всех его спорных сторонах, он (законопроект. – В. Ц.) пред-

ставлял попытку проведения грандиозной социальной реформы и, если бы был осуществлен до войны и революции в порядке эволюционном, законным актом монарха, стал бы началом новой эры, без сомнения, предотвратил бы революцию, обеспечил бы победу и мир и избавил бы страну от небывалого разорения». Очевидно, нужно было и идти на определенные уступки «ожиданиям» крестьянства, поскольку, как продолжал Деникин, «маятник народных вожделений качнулся далеко в сторону, и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события» [9, с. 224].

Однако популяризации работы этих комиссий было недостаточно. Пропаганды, отличающейся доступным, понятным для массы населения «языком», явно не хватало. Наиболее распространенным «образчиком» пропаганды был плакат-портрет, изображающий копию с фотографии того или иного военного командира (от адмирала Колчака до генерала Мамáнтова). Распространенными были и плакаты антибольшевистского содержания, показывающие, например, «зверства чрезвычайек». Это была пропаганда с заведомо негативной оценкой противника, но практически ничего не предлагавшая в качестве альтернативы. Средств же, демонстрирующих содержание (хотя бы краткое) политических и экономических программ Белого дела, было также недостаточно. Не хватало и брошюр, подробно разъясняющих те или иные программные вопросы. Крайне негативно на идеологической работе сказывалось отсутствие лиц, кто был бы заинтересован в ее эффективности. Профессиональные качества многих сотрудников отдела пропаганды были весьма низки.

Еще одна черта, отмечаемая в качестве ведущей в числе причин поражения Белого дела, – слабость местных властей. Но и в этом факторе все относительно, поскольку в Сибири, например, политический режим в большинстве регионов сменился лишь дважды (советская власть и власть антибольшевиков и белых). История Гражданской войны содержит немало примеров, когда состав аппарата, технический персонал структуры местного самоуправления просто передавался от земств к Советам и обратно, при «смене власти» в ходе военных действий, и местные структуры возобновляли

работу всего лишь «сменив флаг» на фронте. Каждая новая власть, как правило, относилась к предыдущей по принципу «тотального отрицания» всех тех законов и подзаконных актов, которые ею же были изданы ранее. О какой-либо преемственности права, в условиях жесткого противостояния Гражданской войны, говорить не приходилось.

Повлияли ли на успехи Белого движения проходившие на его территориях бунты, крестьянские восстания, партизанское движение? Очевидно, да. Но ведь и у «красных» их было не меньше: следует помнить и многочисленные, хотя и не очень масштабные, крестьянские восстания в центре России осенью 1918 г., и гораздо более крупные повстанческие движения позже – в Тамбовской губернии, на Украине, в Поволжье и в Западной Сибири. Но при этом важнее отметить, что «красные повстанцы», анархистские отряды наносили удар по белым тылам именно в наиболее важный, с военной точки зрения, момент. Во время «похода на Москву» ВСЮР рейд по тылам повстанческой армии Н. И. Махно и антиденикинское движение горцев в Чечне и Дагестане отвлекли на борьбу с ними часть сил с фронта. Аналогичная ситуация возникла и в тылу Восточного фронта Колчака во время весеннего наступления 1919 г. и осенью 1919 г. А антибольшевистское повстанчество проявилось тогда, когда военное положение советской власти по отношению к Белому движению было уже превосходящим (1921 год).

Одна из наиболее острых, но объективно необходимых для изучения тем истории Белого движения – «белый террор», его определение, формы и масштабы. Очевидно, что отрицать организованную репрессивную деятельность белых правительств, равно как и наличие внесудебных расправ над противником, невозможно. Обе эти стороны, характерные для Белого движения, подрывали, по существующему мнению, доверие населения к противникам большевиков. Однако, если рассмотреть такое отношение с «другой стороны», нельзя не отметить, что советская власть регулярно и не в меньших (а по другим оценкам – и в гораздо больших) масштабах проводила целенаправленную политику «красного террора». Таким обра-

зом, террор, по существу, как бы оправдывал свое предназначение, создавая атмосферу страха, недоверия, подозрительности, повлиывающую, к сожалению, на долгие десятилетия на особенности общественно-политической жизни в СССР. Да и в русской эмиграции настроения «непримиримой ненависти к большевизму» имели место и исключали поиск компромисса там, где это было возможно.

Очевидно, что как красный, так и белый террор не являлись сами по себе причиной побед или поражений советской власти или Белого движения. Совершенно очевидно, что воспринимать оба эти явления следует как жестокого, кровавого, но неизбежного «спутника» той формы общественного противостояния, какой становится Гражданская война. Как отмечал Ленин, выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков, и т. п.) против советской власти, то есть за Деникина? Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден. Вопрос стоит так и только так...» [11].

Конечно, к числу причин поражения Белого движения относятся военные факторы. При этом один из главных – численное превосходство РККА над белыми войсками. Отрицать это не приходится, ибо численное соотношение, хотя и приблизительное, было – 5 миллионов в составе вооруженных сил «красных» и не более 1 миллиона (в общей сложности) в составе белых сил. Но известно, что численность не определяет безусловно высокой боеспособности. История военного искусства показывает, что решающее значение имеет «сила духа», воля к победе и вера в ее достижение. Не меньшее значение имеет и профессионализм военных. Как можно отметить по многочисленным воспоминаниям и оценкам, советские военачальники в качестве факторов боеспособности белых сил ставили на первое место именно его. Кроме того, успех операций во многом зависел от возможности и умения сосредоточить подавляющее

превосходство сил и средств в решающий момент на стратегически важном участке фронта. Это подтвердили, в частности, «весеннее наступление» Восточного фронта адмирала Колчака и осенний «поход на Петроград» Северо-Западной армии в 1919 году.

В числе военных факторов, которые существенно повлияли на поражение белых, очевидно, не следует отмечать наличие или отсутствие военного профессионализма у командования РККА и белых армий. Гражданская война показала, что степень успешности боевых операций зависит отнюдь не только от уровня военного (академического) образования красных или белых военачальников. Обращает на себя внимание тот факт, что генералами в белых войсках становились в возрасте от 20 до 30 лет те, кто не успел получить углубленного военного образования (наиболее известные – начальники Корниловской ударной и Дроздовской стрелковой дивизий генералы Н. В. Скоблин и А. В. Туркул).

Но у красных фактор недостаточной военной подготовки был ничуть не меньший, а гораздо больший. Помимо отсутствия специального военного образования, в рядах РККА имели место и «печальные факты» так называемой «партизанщины», «спецедействия», когда молодые красные командиры не считались с указаниями «военспецов», предлагавших те или иные варианты проведения боевых операций (на это, например, неоднократно обращал внимание председатель Реввоенства Республики Л. Д. Троцкий).

Переходя к теме «военных специалистов на службе Республики Советов», необходимо отметить следующее. Брать за основу эффективности или неэффективности РККА и белых армий критерий простых количественных показателей (у кого «служило больше», например, выпускников и специалистов Академии Генерального штаба) – не вполне корректно. Во-первых, нельзя не учитывать разный уровень подготовки, различия в опыте у генштабистов. Надо проводить действительно комплексный анализ их военных биографий, учитывая все важные показатели (от возраста – до знания иностранного языка и вероисповедания). Подобного рода исследования проводятся в современной историографии, достаточно отме-

тить, например, исследования московского историка А. В. Ганина. Во-вторых, специфика Гражданской войны оказалась настолько непредсказуемой и своеобразной, что «мерить» ее критериями войны с «внешним врагом» оказалось невозможно [7].

Сам Ленин не питал особых иллюзий в отношении «помощи» со стороны «военспецов». «Громадный заговор, который прорвался в Красной Горке и имел своей целью сдачу Петрограда, с особенной настоятельностью поставил вновь вопрос о военспецах и о борьбе с контрреволюцией в тылу. Нет сомнения, что обострение продовольственного и военного положения с неизбежностью вызывает и будет вызывать в ближайшем будущем усиление активности контрреволюционеров (в питерском заговоре участвовал «Союз возрождения», и конституционные демократы («кадеты»), и меньшевики, и правые эсеры; отдельно участвовали, но все же участвовали, и левые эсеры). Также несомненно, что военспецы дадут в ближайшее время повышенный процент изменников, подобно кулакам, буржуазным интеллигентам, меньшевикам, эсерам.

Но было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики. Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на Востоке. Люди опытные и стоящие во главе нашего военного ведомства справедливо указывают на то, что там, где строже всего проведена партийная политика насчет военспецов и насчет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров, – там меньше всего, в общем и целом, является охотников изменять среди военспецов, там меньше всего возможности для таких охотников осуществить свое намерение, там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед. Партизанщина, ее следы, ее остатки,

ее пережитки причинили и нашей армии и украинской (армии Советской Украины. – В. Ц.) неизмеримо больше бедствий, распада, поражений, катастроф, потери людей и потери военного имущества, чем все измены военспецов...»

Учитывая эти факты, следовало обеспечить условия, при которых «рабочие, а затем крестьяне, коммунисты же в особенности, могли серьезно учиться военному делу». «Это делается в ряде заведений, учреждений, курсов, но это делается еще далеко, далеко недостаточно. Личная инициатива, личная энергия тут многое должны еще сделать. В особенности должны коммунисты усердно обучаться пулеметному, артиллерийскому, броневому делу и т.п., ибо здесь наша отсталость более чувствительна, здесь превосходство противника с большим числом офицеров значительно, здесь возможно причинение крупного вреда ненадежным военспецом, здесь роль коммуниста в высшей степени велика» [11].

Умение пользоваться опытом тех, кто не является сторонником советской власти, и высокая степень доверия к тем, кто идейно поддерживает большевиков, – вот главная линия в отношении к военспецам. В Циркулярном письме ЦК РКП(б) об укреплении РККА об этом говорилось четко: «Из числа офицеров за полтора года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России. Сотни и сотни этих офицеров погибли в первых рядах, сражаясь бок о бок с нами против белогвардейцев. Сотни и сотни таких офицеров остаются в рядах нашей Красной Армии и служат ей верой и правдой. Само собой понятно, что эта часть офицерства заслуживает величайшего уважения со стороны рабочих и что для нее мы должны создать такие условия существования, при которых они имели бы полную возможность применить свои способности в деле строительства пролетарской армии.

Но нельзя забывать и о том, что большинство так называемых военных специалистов принадлежит к другому, враждебному нам классу, что буржуазия стран Согласия систематически подкупает

и разворачивает этих военных специалистов. В момент, когда на том или другом фронте неудачами наше положение поколеблется, иногда начинаются эпидемии измен со стороны военных специалистов. События на Красной Горке, в Кронштадте и на Петроградском фронте вообще показали, как широко развита измена известных кругов военных специалистов. Закрывать на это глаза было бы величайшим преступлением. Чем большую власть мы в интересах дисциплины отдаем командирам воинских частей, тем больше обязаны мы в оба следить за их политической лояльностью. Надо по всей России создать положение, при котором всем военным специалистам было бы ясно: те из них, которые честно служат рабоче-крестьянской России, – тем честь и место, но кто идет к нам с камнем за пазухой, кто пытается использовать свое пребывание в армии для организации контрреволюционных ячеек, – тем беспощадный красный террор».

Поэтому основной задачей становились (как, впрочем, и в других областях управления и государственного строительства) воспитание и надлежащая подготовка собственных военных кадров, военных специалистов пролетарского происхождения и партийной «закалки»: «...Нужно пробудить в самых широких партийных кругах интерес и любовь к военному делу... Командиры полков и батальонов в большом количестве мест уже выдвигаются в коммунисты... В течение нескольких месяцев мы должны добиться того, чтобы все командиры батальонов, полков, а по возможности и бригад, и дивизий, были из числа надежных сторонников рабоче-крестьянской России...». И, разумеется, особое значение приобретала роль «наших военных комиссаров», которые «обязаны в связи с переживаемым моментом усилить надзор и контроль над военными специалистами».

Степень «патриотических» настроений, которые приводили бы военных специалистов на службу в РККА, отнюдь не переоценивалась. В начале 1918 г. «политическая обстановка была такова, что позволяла надеяться на большую лояльность старых военных специалистов. В борьбе против немцев многими из этих

специалистов руководили чувства патриотизма. Теперь наступит другая эпоха. Гражданская война принимает самые обостренные формы, приближается в буквальном смысле слова решающий момент. Теперь больше чем когда бы то ни было мы должны иметь на командных постах людей, на которых рабочий класс и наша партия в критическую минуту могут положиться» [14, с. 189–190].

Отличительная черта Гражданской войны в том, что она ведется со значительной долей импровизации, и далеко не всегда с учетом общих «правил» стратегии и тактики. Большое значение приобретает здесь не столько учет ресурсов (людских, экономических, военно-технических), сколько учет психологических особенностей, настроений местного населения и многочисленных общественно-политических факторов.

Уместно ли включить в перечень причин поражения белых армий значение «иностранный военной интервенции», которая подорвала доверие к белой власти со стороны местных «патриотически настроенных слоев населения»? Ведь, к сожалению, интервенция, помощь со стороны иностранных государств далеко не всегда воспринималась местным населением негативно. Многие были убеждены, что «придут иностранцы – наведут порядок». К тому же белая пропаганда достаточно четко отмечала, что помощь стран Антанты представляет собой «помощь союзников» еще по периоду Первой мировой войны, в отличие от большевиков – «агентов Германии».

Еще один, на этот раз уже политико-правовой, фактор поражения белых – отсутствие монархического лозунга, который, якобы, единственный из всех провозглашаемых противниками большевиков лозунгов мог вызвать к себе сочувствие со стороны подавляющего большинства российского общества. Но нужно учитывать, что об отречении государя знало все население, и мало кто сомневался в его собственной воле (сомнения вызывала правомерность актов). Восстановить династию Романовых или создать новую династическую традицию представлялось возможным только через Земский собор. Создать же его можно было только после «победы над большевизмом» и с территориальным представителем

ством всех областей бывшей Российской империи. До этого момента монархический (равно как и любой другой вопрос о форме правления) не мог считаться полностью разрешенным...

Тезис, представляющий собой определенную трансформацию «марксистско-ленинского» суждения об изначальной, в ходе мировой революции, обреченности Белого дела из-за его «буржуазной сущности», – весьма ограничен и содержит, как правило, весьма одностороннее толкование.

Также односторонне понимается и противоположный тезис о «Божественном промысле» в отношении Белого движения. Якобы «Бог не хотел победы» противников большевизма. Продолжением данного тезиса стало абсурдное положение о том, что «свыше» была дана победа именно большевикам, следовательно, «большевики угодны Богу».

Наличие или отсутствие эффективных вождей, харизматических лидеров также представляется во многих научно-популярных, публицистических работах в качестве одной из причин поражения белых. Однако и этот критерий небесспорен. Отсутствие единственного лидера не отличало белых от красных, поскольку и у последних можно было выделить «многолидерство»: Троцкий, Ленин, Зиновьев, в определенные моменты – Сталин, Калинин. Наиболее харизматичными (с легитимистским основанием) из числа противников большевиков могли бы считаться великий князь Михаил Александрович и великий князь Николай Николаевич. Но и на этот счет не было единства мнений (достаточно отметить различное отношение к этим представителям дома Романовых со стороны, в частности, барона Р. Ф. Унгерна и генерала М. К. Дитерихса). А отсутствие полной и достоверной информации о судьбе и Михаила Романова, да и всей царской семьи, делало невозможным уверенное «закрепление» престола за конкретным претендентом.

Следует также учитывать, что формирование и первоначальную эволюцию Белого дела правомерно рассматривать в условиях, прежде всего, российских территорий. С 1921 г. политические центры Белого движения переместились в Зарубежье, где произошло

их дальнейшее переформирование и политическое размежевание («Русский Национальный комитет», «Совещание послов», «Русский Совет», «Парламентский комитет», «Русский Общевоинский союз» и т.д.). Белое движение в самой России подошло к концу...

И все же, есть еще одна причина, на которую до настоящего времени не обращают достаточное внимание, но именно ее можно было бы считать тем решающим фактором, который привел к поражению Белого движения в период Гражданской войны. Можно определить ее так: явная недооценка противостоящего белым советского режима. Помимо этого – переоценка степени недовольства данным режимом у части населения Центральной России и переоценка белыми степени военно-политического «активизма» с ее стороны (в том числе – готовности к безусловной поддержке белых армий и «борьбе с большевизмом» вооруженным путем).

Таким образом, представляется, что причины поражения (особенно в период «решающих боев» лета – осени 1919 г.), все-таки не стратегического характера (изначальная «обреченность антинародного Белого дела» и прочие конъюнктурные, далекие от исторической объективности оценки), а сугубо тактического порядка.

Недооценка белыми своих возможностей приводила, в конечном счете, к недостаточной подготовленности к вооруженной борьбе с частями Красной армии.

Показательным примером подобного рода тактических ошибок может служить весеннее наступление Восточного фронта адмирала Колчака в 1919 г. Наступление «враздробь», то есть одновременно по расходящимся направлениям (Сибирская армия в направлении на Вятку и Вологду для соединения с частями Северного фронта генерала Миллера, Западная армия – в Центральное Поволжье, а Южная, Оренбургская и Уральская армии – на Нижнюю Волгу с перспективой последующего соединения с ВСЮР генерала Деникина) вызывало позднее вполне справедливую, обоснованную критику. Действительно, нельзя было «бить растопыренными пальцами», а следовало добиться концентрированных ударов по противнику. В результате, по справедливой оценке критиков, наступление

окончилось поражением. Силы белых армий иссякли, а сосредоточенные контрудары превосходящих сил РККА (под Бугурусланом, Белебеем, Уфой) не только остановили продвижение «колчаковцев» к Волге, но и привели к их быстрому отступлению за Урал, в Сибирь.

Но подобная «авантюжность» белого командования стала преобладать позднее, весной же 1919 г. еще сохранялась надежда на «чудо», на возможность белых армий сильными фронтальными ударами рассеять и опрокинуть не «отличающиеся высокими боевыми качествами» противостоящие им части РККА. Кроме того, были расчеты на начало массовой сдачи в плен красноармейцев, на восстания в тылу (по мере приближения фронта к Волге). Надеяться, что численное превосходство над красными будет подавляющим – не приходилось, и по политическим причинам (необходимость признания Российского правительства союзниками, скорейшее прекращение «междоусобной брани», установление «государственного порядка» и т.д.).

С этим связано также и почти полное отсутствие резервов (за исключением корпуса генерала Каппеля, правда, очень скоро введенного в бой во время Уфимской операции), что не позволило «развить наметившийся успех» первых месяцев наступления и «заткнуть бреши», «разрывы», образовавшиеся в результате ожесточенных боев с красными войсками в апреле – мае 1919 г. В то же время в РККА даже в самые напряженные периоды боевых действий удавалось заниматься подготовкой резервов (например, создание так называемой «Резервной армии» в районе Казани в 1919 г.).

Кстати, мнение о целесообразности одновременных ударов на широкой протяженности фронта также было относительным. Эффективность фронтального наступления (противник не успевает подводить резервы и маневрировать в условиях постоянных ударов по всей его оборонительной линии) казалось бы подтверждал и опыт Первой мировой войны, в частности – успех прорыва на Юго-Западном фронте, осуществленный генералом Брусиловым весной – летом 1916 г. А осенью 1919 г., в условиях так называемого «Второго похода» Антанты, обозначались перспективы

стратегического взаимодействия между Северо-Западным, Северным фронтами, ВСЮР и Восточным фронтом, что, в принципе позволяло наносить сосредоточенные одновременные удары по разным участкам «кольца», в котором оказались советские республики. Теоретически это позволяло добиться (как будет показано далее) объединенного военного давления на РККА с целью недопущения перебросок частей с одного участка фронта на другой (на практике оказалось иначе).

Уверения в «слабости советской власти» содержались в донесениях белой разведки. Так, например, социальные и политические выгоды наступления белой армии через Малороссию к Центру России выражены в разведывательных сводках Штаба Главкома ВСЮР: «В Центральной России атмосфера всеобщего недоверия и ненависти к советской власти начинает охватывать самые широкие массы населения..., большевизм в России уже изжит путем долгого и тяжелого опыта, и «красные» дни его близятся к закату». В другом обзоре отмечалось, что «в самой Великороссии изжит большевизм, и народ, как скрытый вулкан под коркой, кипит негодованием и ненавистью, но, видя пока свою беспомощность, не восстает и лишь местными восстаниями прорывает сверху кору большевизма... В течение этой же зимы (1918/1919 гг.) против большевиков в России выросли армии генерала Деникина и адмирала Колчака, одновременно борется против красных армия Юденича, действующая под теми же лозунгами, что и первые две, белорусские и польские, защищающие свои очаги, и украинская армия, преследующие свою собственную задачу – самостийность Украины. Видя общемировую опасность большевизма, на помощь антибольшевистским армиям пришли и союзники... Смелые и талантливые действия антибольшевистских армий, воодушевленных истинным патриотизмом, лучшая государственная организация и выдержка дадут несомненную победу врагам большевиков». Стремление к обладанию районом со значительными людскими и материальными ресурсами предопределило направление главных ударов ВСЮР на Малороссию, с Дона на север и северо-запад, а не на соединение с отступавшими за Урал войска-

ми верховного правителя адмирала А. В. Колчака или с оренбургскими и уральскими казаками [19, с. 55].

Аналогичные оценки давались и разведкой Донской армии. «Вопрос о личном составе частично может быть решен, а именно: людей за большие деньги и под угрозой террора достать можно (имелось в виду увеличение численности РККА. – *В. Ц.*), но трудно рассчитывать, чтобы нашлось достаточное количество идейных работников», – писал начальник разведотдела полковник Добрынин [16, с. 40].

Не отличались взвешенностью суждений и иностранные представители в штабах белых армий. «Им казалось, что стоит только начать, а там военные действия разовьются, вспыхнет народное движение» [1]. А ЦК кадетской партии видел процесс свержения советской власти «исключительно в форме восстания против власти со стороны самого народа, которому должны были приходиться на помощь лишь те или другие отряды добровольцев. Необходимы были, конечно, базы; ими должны были служить окраины» [15, с. 27].

Да и что можно было ждать от политиков, если «военные авторитеты» всячески стремились подчеркнуть «близость победы», обосновывая ее с позиций реальной стратегии и тактики. Вот, например, как оценивал военные перспективы белых армий начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант А. И. Андогский. Осенью 1919 г. в первом номере колчаковского официоза, журнале «Единая Россия», был опубликован его «военный обзор» (перепечатан позднее в других газетах), излагавший стратегию «железного кольца». Интересно привести данный текст целиком.

«Все здоровые силы, восставшие против большевиков, образовали ныне громадный замкнутый кольцеобразный общий стратегический фронт протяжением около 6500 верст, внутри которого задыхается советское правительство, судорожно перебрасывая свою Красную армию с одного участка фронта на другой в тщетных попытках не дать этому железному кольцу стягиваться около себя. Но неутомимый рок ведет советскую власть к неизбежному концу – медленно, но неуклонно и настойчиво стягивая это железное кольцо.

В настоящее время восставшие против большевиков силы расположены следующим образом:

1. Войска, подчиненные Верховному Правителю адмиралу А. В. Колчаку, – занимают фронт в 5100 верст., т.е. 5/6 всего протяжения общего кольцеобразного стратегического фронта борьбы с большевиками.

В свою очередь эти войска образуют четыре фронта, объединенных в руках особых военачальников, подчинившихся власти Верховного Правителя, а именно:

- а) Восточный фронт, занятый Сибирскими войсками, Оренбургскими и Уральскими казаками. Фронт этот, протяжением около 2200 верст, пролегает ныне от верховьев Печоры, через Оренбург, севернее и западнее Уральска, через Новоузенск и выходит к Волге севернее Астрахани. Операциями этих войск руководит Верховный Правитель;
- б) Северный фронт, от Петрозаводска через Повенец, к верховьям р. Печоры, протяжением около 1200 верст, заняты войсками генерала Миллера;
- в) Северо-Западный фронт, от Петрограда через Лугу и станцию Дно, затем южнее Пскова, загибающийся на запад до соединения с латышской армией, – протяжением около 500 верст, занят русско-эстонской армией (примечательное определение в официальном обзоре. – В. Ц.) генерала Юденича;
- г) Южный фронт, от Волги севернее Астрахани до района северо-западнее Камышина, Балашова, севернее Белгорода – между Харьковым, Полтавой, Екатеринославом, до берега Азовского моря западнее Бердянска – протяжением около 1200 верст, занят войсками Добровольческой и Донской армий, кубанскими и терскими казаками и горскими народами, под общим руководством генерала А. И. Деникина. В самое последнее время очищен от большевиков Крымский полуостров и поступают сведения о занятии войсками генерала Деникина Тамбова, Пензы и Ртищева.

2. Войска наших союзников (Англии, Франции, Америки, Румынии), а равно Финляндии, Латвии, Литвы и Польши и войска украинские – занимают остальной фронт протяжением до 1400 верст, т.е. 1/6 общего стратегического фронта, заполняя промежуток между нашими Северным и Северо-Западными фронтами (Финляндия) и весь участок к югу от армии генерала Юденича, через Двинск, Молодечно, восточнее Барановичей, через Мозырь, севернее и западнее Житомира, восточнее Проскурова и Каменец-Подольска и далее по р. Днестру до Черного моря. Внутри Украины, т.е. между Днестром и Днепром вспыхнули стихийные народные восстания, поддержанные многочисленной вооруженной силой, перешедшей из рядов Красной армии на сторону противников советской власти. Восстания охватили Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую губернии, смыкая таким образом железное кольцо вокруг большевиков и соединяя фланги войск генерала Деникина с войсками украинцев и румын.

Неумолимо и беспощадно неизбежный рок стягивает это кольцо. Проклинаемая населением, Красная, советская армия мечется внутри этого кольца. Но сил ее уже не хватает. Собрав все силы, она делает отчаянные усилия на одном из участков кольца и временно сдерживает его продвижение внутрь, к Москве. В это же время на других участках большевики терпят страшные поражения. Бросаются красные войска исправлять положение в другом месте – недавние успехи их вновь ликвидируются на оставленном участке. А кольцо после этого вновь сжимается, угрожая задушить советскую власть в своих железных объятиях и приближая час ее конечной гибели.

Наиболее грозный удар ведет сейчас против Советской России генерал Деникин, выручающий войска Восточного фронта так же, как три месяца тому назад войска Восточного фронта выручили генерала Деникина. Войска генерала настолько глубоко вклинились в территорию Советской России, что угрожают подступом к Москве. Разбитые 13-я, 8-я, 9-я, 10-я и 11-я советские армии

в беспорядке бегут, не в силах оказать какое-либо сопротивление. Большевики спешно снимают целые дивизии с фронта и перебрасывают в Центральную Россию, пытаясь остановить натиск генерала Деникина.

Только принимая во внимание положение на всем фронте борьбы, можно делать правильные выводы о ходе ее. Временные местные успехи большевиков бледнеют перед теми грандиозными успехами, которые ныне достигли на всем стратегическом фронте мощные силы, объединенные в решительной борьбе против советской власти...» [10].

Отсюда следовало и неумение выставлять военно-политические приоритеты. Даже при общей, стратегически выверенной политической цели Белого дела к проблеме приоритета единоличной власти, необходимой для эффективной «борьбы с большевизмом», пришли только к ноябрю 1918 г. При неизменности существа аграрной политики («ставка на крестьянина-собственника», ограничение помещичьего землевладения, широкая помощь деревне инвентарем, доступными кредитами и мануфактурой и др.) ее реализация откладывалась, затягивалась.

Наконец, решение проблемы о политико-правовом статусе тех или иных политических режимов Белого движения в России тесно связано с определением понятий «социальная база» и «социальный состав» Белого движения. При обращении к данной проблематике необходимо учитывать следующее.

Понятия «социальная база» и «социальный состав» отнюдь не идентичны. В советской историографии делался акцент на том, что «социальную базу» советской власти составляет пролетариат и беднейшее крестьянство, при колеблющемся середняке. Соответственно, социальная база противников советской власти – это представители свергнутых эксплуататорских классов, среди которых основную массу составляет городская и сельская буржуазия (кулачество).

Боевым авангардом свергнутых эксплуататорских классов выступает контрреволюционно настроенное офицерство, отравлен-

ное событиями империалистической войны, а колеблющееся положение занимает то же среднее крестьянство или казачество. Для позиции середняков была характерна, в зависимости от ряда экономических и политических условий (например, недовольство продразверсткой и стремление к свободе хлебной торговли или же страх перед восстановлением помещичьей земельной собственности), поддержка то белых, то красных. Социальный статус казачества изначально контрреволюционен, однако при ликвидации данного статуса («расказачивание») открывается широкая перспектива к его слиянию с «народными массами».

Советская историография Гражданской войны исходила также из тезиса о несоответствии «социального состава» и «социальной базы» красной и белой армий. Признавалось, что и в красной, и в белой армии могли в разное время служить представители рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Тем не менее подобное разделение страдает значительной долей схематизма и условности. Не стоит лишний раз отмечать, что в основе этого разделения лежит односторонне понятый тезис о неизменно «классовом устройстве» любого общества и государства и неизбежности «классовой борьбы», высшей формой которой является Гражданская война. Если исходить из неоспоримой правильности марксистско-ленинской методологии, это, действительно, так. Но является ли данная методология бесспорной?

Анализируя политическую структуру и цели Белого движения в период Гражданской войны как альтернативу советской власти, мы видим, что и прочность и притягательность созданной большевистским режимом модели оказались сильнее, что и способствовало победе «красных» в Гражданской войне.

Поэтому, рассматривая причины поражения Белого движения и победы советской власти, следует учитывать специфику политико-правовой системы Советской России, сложившейся в 1917–1920 гг. Необходимо при этом иметь в виду, что военно-политическое положение советской власти отнюдь не было стабильно прочным, оно зависело от множества факторов и быстро менявшейся обстановки.

В отличие от своих противников, лидеров Белого движения, явно недооценивавших (как отмечалось выше) степень организованности и сплоченности большевистской партии и РККА, Ленин неоднократно подчеркивал опасность и силу Белого движения, особенно при поддержке, оказываемой белым со стороны стран Антанты.

Особенно часто подобные опасения высказывались Лениным во второй половине 1919 г., в период, когда положение советской власти действительно было критическим. Так, в Политическом докладе ЦК 2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) он отмечал: «...Прежде всего, Антанта, победив Германию, при своем плане удушить Советскую республику в России, естественное дело, опиралась на свои собственные войска. И, разумеется, если бы Антанта хотя бы небольшую долю своих гигантских армий, которые освободились после поражения Германии, – если бы она хотя бы только одну десятую долю этих войск могла двинуть настоящим образом против Российской Советской республики, то само собой понятно, что нам бы не удержаться. И первый период Гражданской войны в России характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую республику потерпела крушение. Высадка французских войск на Юге России кончилась рядом восстаний французских матросов...».

Ленин считал, что именно этот фактор («Мы отняли у Антанты ее солдат»), связанный с интернациональным значением российской революции, с перспективами ее перерастания в мировую революцию, сыграл решающую роль. «Когда мы с самого начала говорили, что ставим ставку на всемирную революцию, над этим смеялись и сотни раз объявляли и сейчас объявляют это несбыточным. Но мы за два года получили точный материал для проверки. Мы знаем, что если говорить об этой ставке в смысле надежды на быстрое непосредственное восстание в Европе, то этого не было. Но что эта ставка оказалась в основе своей глубоко верной и что она вырвала с самого начала почву для вооруженного вмешательства Антанты, – после двух лет и, особенно, после поражения Колчака, после ухода английских войск из Архангельска и со всего Северного фронта, – это бесспорнейший

исторический факт. Было достаточно самого небольшого количества из имевшихся у Антанты армий, чтобы нас задавить. Но мы смогли победить врага, потому что в самый трудный момент сочувствие рабочих всего мира показало себя...» [14, с. 217–230].

Примечательна также оценка Белого движения и белых армий лидером партии большевиков. В. И. Ленин, давая характеристику Белого движения и его программных положений, отнюдь не сводил все к его односторонне понимаемой классовой, буржуазной природе. Оценивая степень единства контрреволюционных, антибольшевистских сил, Председатель Совнаркома утверждал, что белым помогает не только Антанта, но и «предатели» из так называемого «социалистического лагеря» – «меньшевики и эсеры». И хотя степень поддержки антибольшевистскими структурами (в частности, меньшевиками и эсерами) Белого дела была весьма незначительна, Ленин однозначно считал их в одном «лагере». В своем докладе на 2-м съезде коммунистических организаций народов Востока он подчеркивал:

«...Такой неприятель, как Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотней тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империалистов, как, например, японскими войсками, которые готовились к империалистической войне, почти не участвовали в ней и потому мало пострадали, Колчак, который опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому, естественно, бывших дальше чем кто-либо от коммунизма, – казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма.

И до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехословацкие и ряд других войск империалистических наций. Тем не менее, опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который был вначале поддержан социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эсерами, создавшими Комитет учредительного собрания,

и при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казался прочным и непобедимым, на самом деле показал следующее: чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он больше истощался, и в конце концов мы видим полную победу Советской России над Колчаком...» [13].

Колебания «мелкобуржуазной массы» обеспечивали временные успехи Белого движения и причиняли неудачи советской власти. В тезисах ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала, в резолюции «О середняках», Ленин писал: «Революционный пролетариат не может ставить своей задачей – по крайней мере, для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата – привлечь этот слой («мелкобуржуазный». – *В.Ц.*) на свою сторону, а должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.е. сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция, в развитых капиталистических странах, будет за буржуазию. Ибо мирозерцание и настроения собственников здесь преобладают; заинтересованность в спекуляции, в «свободе» торговли и собственности – непосредственная; антогонизм к наемным рабочим – прямой...» [6].

Еще более четко эти тезисы были раскрыты Лениным в его «Письме по поводу победы над Колчаком». Помимо традиционной, в его оценках, «поддержки Антанты», здесь отмечались также «колебания середняков» и, что не менее важно, деятельность белого подполья. «На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале, – писал Ленин, – мы все видели ясно, как малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам. Ибо помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными: всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и понимает, что они только разбиты и попрятались, попритаились, перерядились часто в «советский» «защитный» цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты – в разные «главки» и «центры», в советские слу-

жащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехословакам, завтра Деникину... Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже **дыра**, которую немедленно используют враги трудящихся, – есть **зацепка** для побед Колчака и Деникина. Преступно забывать, что колчаковщина началась с маленькой неосторожности по отношению к чехословакам, с маленького неповиновения отдельных полков...»

Традиционно не обошел вниманием Ленин и так называемых «социалистов», отметив, что политическая программа Белого движения, закономерно вынуждена эволюционировать в сторону «демократии» (хотя и неискренне): «Называя себя социалистами, меньшевики и эсеры на деле (весьма категоричная оценка. – В. Ц.) – **пособники белых**, пособники помещиков и капиталистов. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эсеры, на словах будучи «социалистами» и «демократами», на деле сыграли роль **пособников белогвардейщины**. Неужели мы окажемся так глупы, чтобы поверить им теперь, когда они предлагают нам еще раз позволить им «попробовать», называя это позволение «единым социалистическим (или демократическим) фронтом»? Неужели после колчаковщины останутся еще крестьяне, кроме одиночек, не понимающие, что «единый фронт» с меньшевиками и эсерами есть единение с пособниками Колчака? ... Во-первых, правые меньшевики и эсеры даже и не отреклись от такого союза, а грани с этими «правыми» определенной нет, и не по вине «левых» меньшевиков и эсеров; на словах «осуждая» своих «правых», даже лучшие из меньшевиков и эсеров остаются на деле **бессильными** рядом с ними и вопреки всем их словам. Во-вторых, даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз **колчаковские** идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело.

Эти идеи: народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее

(объективная оценка Лениным программ белых. – В. Ц.). Во всем мире видим мы капиталистические республики, оправдывающие именно этой «демократической» ложью господство капиталистов и войны из-за порабощения колоний. У нас мы видим, как и Колчак, и Деникин, и Юденич, и любой генерал раздают охотно такие «демократические» обещания. Можно ли верить тому человеку, который из-за словесных обещаний помогает заведомому бандиту? Меньшевики и эсеры, все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая лжедемократическими лозунгами их власть, их поход на Россию, их господство, их политику.

Все меньшевики и эсеры предлагают нам «союз» на условиях, чтобы мы делали уступки капиталистам и их вождям, – Колчаку и Деникину, например, «отказались от террора» (когда против нас стоит террор миллиардеров всей Антанты, всего союза богатейших стран, устраивающих заговоры в России), или чтобы мы открыли дорожку свободной торговле хлебом и т. п. Эти «условия» меньшевиков и эсеров означают вот что: мы, меньшевики, эсеры, колеблемся в сторону капиталистов, и мы хотим «единого фронта» с большевиками, против которых идут капиталисты, используя всякую уступку! Нет, господа меньшевики и эсеры, ищите теперь уже не в России людей, способных вам поверить. В России сознательные рабочие и крестьяне поняли, что меньшевики и эсеры суть пособники белогвардейцев, одни – сознательные и злостные, другие – по неразумию и по упорству в старых ошибках, но все – пособники белогвардейцев» [17].

Действительно, показной, внешний демократизм обманчив. Суть политических принципов Белого движения (здесь Ленин весьма точен) – военная диктатура. В работе «Все на борьбу с Деникиным!», написанной в форме директивного «письма» – обращения от имени ЦК РКП(б), Ленин отмечал: «...Надо во главу угла всей агитации и пропаганды поставить осведомление народа об этом. Надо разъяснить, что либо Колчак с Деникиным, либо советская власть, власть (диктатура) рабочих; середины нет; сере-

дины быть не может. Надо особенно использовать свидетельские показания не большевиков: меньшевиков, эсеров, беспартийных, побывавших у Колчака или у Деникина. Пусть знает всякий рабочий и крестьянин, из-за чего идет борьба, что ждет его в случае победы Колчака или Деникина...»

Политическая реальность такова, что «Колчак и Деникин – главные и единственно серьезные враги Советской республики». «Не будь помощи им со стороны Антанты (Англия, Франция, Америка), они бы давно развалились, – уверен Ленин. – Только помощь Антанты делает их силой. Но они вынуждены все же обманывать народ, прикидываться от времени до времени сторонниками «демократии», «Учредительного собрания», «народовластия» и т.п. Меньшевики и эсеры охотно дают себя обмануть».

Подлинная «правда о Колчаке (а Деникин – его двойник) раскрыта вполне» и заключалась она в ужасных «фактах» репрессивной политики, «белого террора», на освещении которого следовало строить пропагандистскую работу: «...Расстрелы десятков тысяч рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине. Даже среди меньшевиков и эсеров, которые сами были предателями рабочих, были на стороне Колчака и Деникина, все больше находится людей, которые вынуждены признать эту правду». «Демагогия» рассуждений о «народовластии», по мнению Ленина, не должна приводить к забвению той правды, что «Колчак и Деникин несут восстановление порядков хуже, чем царские, восстановление рабства рабочих и крестьян, порки, грабежи, надругательства офицеров и дворянчиков».

В этом же «письме» заявлялось и о том, что «наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции». Исходя из этого, Ленин считал необходимым проведение целого комплекса мер, призванных сделать «Советскую республику единым военным лагерем не на словах, а на деле». «Все силы рабочих и крестьян, все

силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит **основная задача момента**», – отмечал Председатель Совнаркома. Показательны связанные с этим оценки, данные в отношении к ВСЮР: «Особенностью деникинской армии является обилие офицерства и казачества. Это тот элемент, который, не имея за собой массовой силы, чрезвычайно способен на быстрые налеты, на авантюры, на отчаянные предприятия, в целях сеяния паники, в целях разрушения ради разрушения». Поэтому, убеждал Ленин, «в борьбе против такого врага необходима военная дисциплина и военная бдительность, доведенные до высших пределов. Прозевать или растеряться – значит потерять все. Каждый ответственный партийный или советский работник должен учесть это. Военная дисциплина в военном и во всяком деле! Военная бдительность и строгость, неуклонность в принятии всех мер предосторожности!»

«Все коммунисты прежде всего и больше всего, все сочувствующие им, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны подтянуться по-военному, переведя максимум своей работы, своих усилий и забот на непосредственные задачи войны, на быстрое отражение нашествия Деникина, сокращая и перестраивая, в подчинение этой задаче, всю свою остальную деятельность... Всю работу всех учреждений приспособить к войне и перестроить по-военному!». Поэтому «коллегияльность», считавшаяся основой работы советского административного аппарата, должна быть сведена к «абсолютно необходимому минимуму», чтобы под ее видом не распространялись бы «безответственность», «организационная суетливость или организационное прожектерство». При этом Ленин считал, что «создание особых «комитетов обороны» или «ревкомов» (революционных или военно-революционных комитетов) допустимо лишь в виде исключения» и «не иначе, как с утверждения подлежащей военной власти или высшей Советской власти».

Следовало наладить централизованный «сбор оружия», немалое количество которого сосредоточено у населения. Следовало уси-

ленно работать по «сокращению невоенной работы». Следовало, что было особенно актуально для сложившегося военно-бюрократического аппарата в РСФСР, провести надлежащие сокращения управленческих звеньев: «...Мы должны приостановить на три, четыре, пять месяцев все не безусловно необходимые учреждения и отделы учреждений, в центре и на местах, или, если нельзя приостановить их вовсе, сократить их на такое (приблизительно) время, сократить в наибольших возможных размерах, т.е. оставить лишь минимум работы, безусловно необходимой...» [11].

Летнее «письмо» – воззвание «Против Деникина» продолжало тезисы Ленина, высказанные им осенью того же 1919 г., когда им неоднократно подчеркивалась насущная необходимость концентрации материальных и людских ресурсов на «главных направлениях» вооруженной борьбы «с контрреволюцией», коль скоро «Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации». Безусловно, огромной силы вера в важность победы в Гражданской войне, строжайшая внутренняя организация и жесточайшая дисциплина, беспощадность как в отношении к «врагам советской власти», так и в отношении к самим себе – эти черты позволяли большевистской партии выстоять и победить в непримиримом противостоянии Гражданской войны.

В статье «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи», написанной в наиболее «критическое» для советской власти время (21 октября 1919 г.), Ленин давал объяснение факту, что «в Москве во время партийной недели записалось в партию 13 600 человек». По мнению Ленина, этот, во многом неожиданный, «успех доказал и наглядно показал столичному населению, а за ним и всей республике и всему миру, что именно в глубинах пролетариата, именно среди настоящих представителей трудящейся массы заключается самый надежный источник силы и крепости советской власти.

Диктатура пролетариата в этом успехе добровольной записи в партию, в момент наибольших трудностей и опасностей, показала себя на деле с той стороны, которую злостно не хотят видеть враги и которую выше всего ценят действительные друзья

освобождения труда от ига капитала, именно со стороны особой силы морального (в лучшем смысле слова) влияния пролетариата (владеющего государственной властью) на массы, со стороны способностей этого влияния».

«Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще... У нас всего этого больше, чем у белых, больше, чем у «всемирно-могущественного» англо-французского империализма, этого колосса на глиняных ногах. У нас этого больше, ибо мы можем черпать и долго еще будем черпать все более и более глубоко из среды рабочих и трудящихся крестьян, из среды тех классов, которые капитализмом были угнетены и которые составляют везде подавляющее большинство населения. Мы можем черпать из этого обширнейшего резервуара, ибо он дает нам самых искренних, самых закаленных тяготами жизни, самых близких к рабочим и крестьянам вождей их в деле строительства социализма...» [12].

Аналогичные тезисы высказывались и в докладе на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвященном двухлетней годовщине Октябрьской революции (7 ноября 1919 г.): «...Вы знаете, что это был страшно тяжелый момент и в смысле материальном, и в смысле внешнеполитического и военного успеха противника. И вы знаете, каким невиданным, неожиданным и невероятным успехом кончилась эта партийная неделя в одной Москве, где мы получили свыше 14 тысяч человек новых членов партии...» [18].

А победы на фронте, естественно, изменили и отношение к Деникину со стороны его «покровителей», «англо-французских империалистов», уже размышляющих о возможностях «сотрудничества» с советской властью. В речи на митинге, посвященном годовщине Декабрьского восстания 1905 г. в Пресненском районе (19 декабря 1919 г.), Ленин, отмечая несомненные военные успехи РККА, считал неизбежными перемены и во внешней политике: «...Мы видим, товарищи, что все те неслыханные тяжелые бед-

ствия, которые рабочий класс перенес ради победы, мы знаем, что теперь, когда окончательно разгромлены войска Колчака, когда недавно восстания в Сибири, по всей видимости, лишили возможности остатки колчаковской армии перебросить к Деникину, когда под Новониколаевском были захвачены громадные военные силы, – видимо, никакой колчаковской армии нет. В настоящее время на юге, где Деникин имел возможность хвастать успехами, мы видим там все более и более усиливающееся наступление нашей Красной Армии. Вы знаете, что Киев, Полтава и Харьков взяты, и наше продвижение к Донецкому бассейну, источнику угля, происходит с громадной быстротой... Мы видим, как за границей, где капиталисты до сих пор оказывали миллионами рублей и всяческими военными припасами помощь сначала Колчаку, а потом Юденичу и Деникину, мы видим, как они заколебались... перелом в международной политике надвигается... громадные внутренние силы рабочего движения каждой страны действительно привели к тому, на что мы всегда надеялись... мы не только спасаем Советскую Россию, но и привлекаем к себе с каждой неделей борьбы сочувствие и поддержку миллионов и миллионов рабочих других стран...» [5, с. 268–269].

Заслуживают внимание и те тезисы и оценки, которые были даны Лениным многим проблемам в его докладе на VIII съезде РКП(б) (18 марта 1919 г.). Примечательна, например, оценка возможностей «переговорного процесса» с белыми, отношение к перспективам созываемой по инициативе В. Вильсона конференции на Принцевых островах. Ленин напоминал делегатам важность компромиссов, оправданных, в частности, борьбой за пропаганду интернационального характера внешней политики: «...Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера. Но, с другой стороны, мы теперь больше знаем и о том, как подымается в Западной Европе революционная пролетарская волна... Когда нашему ЦК пришлось обсуждать вопрос об участии в конференции на Принцевых островах вместе с белыми, – что, в сущности,

сводилось к аннексии всего, что белыми занято, – этот вопрос о перемирии не вызывал ни одного негодующего голоса в среде пролетариата, и также отнеслась к этому и партия...».

Не меньшее значение в докладе имели свидетельства об эффективной работе советской власти, советской системы управления. «Нет ни одной страны в мире, которая сделала бы хоть десятую долю того, что сделала за истекшие месяцы Советская республика для рабочих и беднейших крестьян в смысле привлечения их к управлению государством... Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав... Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом, что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, Конституцией вовсе не предписываются... Буржуазию до Октябрьской революции и после нее никто из Советов не изгонял. Буржуазия сама ушла из Советов...» [14, с. 118–121, 148–149, 152].

Действительно, в Советской России был создан не только жесткий административно-бюрократический аппарат, без которого власть большевистской партии не могла бы существовать в условиях Гражданской войны. Ведь большинство населения (что показали выборы в Учредительное собрание) относилось к ее политике нейтрально или враждебно. «Левая альтернатива», за которую, по сути, проголосовали политически активные граждане России, была отнюдь не большевистской. Эсеры и меньшевики, как известно, в значительной степени были не готовы к принятию ленинской альтернативы и участвовали в антибольшевистском движении (хотя и не объединенные в организованные партийно-политические структуры и далеко не так последовательно, как считал Ленин) вплоть до 1923 г.. А уже с конца 1919 г. лозунг «левая политика правыми руками», по существу, имел характер реальной альтернативы большевистской политике отнюдь не только в земельном вопросе.

Говоря о специфике партийно-политического противостояния «красных» и «белых», следует признать, что большевики умело использовали систему советов, советской власти. Советская вертикаль, при всей ее очевидной ограниченности в 1918–1920 гг., все же стала той самой представительной, выборной структурой, которой так и не удалось создать белым властям.

В РСФСР, несмотря на жесткие условия Гражданской войны, функционировала Советская вертикаль представительной власти на разных уровнях. Советы в те годы можно оценивать как реальную общественную поддержку партийной власти большевиков (подобная же форма поддержки предполагалась и со стороны профсоюзных организаций). Это была исторически новая «вертикаль власти», отвергнувшая принципы правопреемственности от «дореволюционного» политико-правового строя, легализовавшаяся с первых же дней марта 1917 г., развившаяся и законодательно закрепленная в первых Конституциях Советских республик в 1918–1919 гг.

Не менее новаторской стала и практика законотворческой работы, при которой полномочия Советов обеспечивали им формальную «полноту власти», то есть высшие полномочия законодательной, исполнительной и даже судебной властей. Думается, что углубленное изучение политико-правовой эволюции советской власти в годы Гражданской войны еще станет предметом новых исследований в отечественной историографии, с учетом новых направлений анализа, открытием новых источников.

Вертикаль Советов, по оценке Ленина, составляла достаточно прочную основу большевистской диктатуры. Конечно, при всех недостатках представительства (отсутствие участия «цензовых элементов», открытое голосование, преимущественное представительство рабочих и беднейшего крестьянства вместо «всенародного» характера представительства в «буржуазной парламентской системе», явные преимущества при голосовании партии большевиков и др.) советская власть все же обеспечивала определенную общественную поддержку проводимой политике. В то же время именно стабильного представительного фундамента было лишено Белое

движение, несмотря на разработку многочисленных проектов парламентских структур власти.

Следуя ленинским тезисам о классовой борьбе за советскую власть, Н. И. Бухарин, «любимец партии», в своей работе «Теория пролетарской диктатуры» (1919 г.) дал такую оценку российской Гражданской войне:

«Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира – это есть Гражданская война. Гражданская же война вскрывает истинную физиономию общества, расколотого на классы. Как раз в огне Гражданской войны сгорает общенациональный фетиш, а классы размещаются с оружием в руках по различным сторонам революционной баррикады. Поэтому не удивительно, что в процессе революционной борьбы пролетариата неизбежно возникает распад всех тех форм, всех учреждений и институтов, которые носят видимость «общенационального». Это есть опять-таки совершенно неотвратимый, исторически абсолютно неизбежный процесс, хотя его или не хотят отдельные люди, отдельные группы или даже некоторые промежуточные классы, ибо Гражданская война имеет свою внутреннюю логику, и, раз она дана, тем самым дан и процесс распада старых форм, где буржуазия господствовала под псевдонимом всего общества».

В этом отношении идеологические позиции Белого дела, ориентированного именно на «национальные ценности», представляются Бухарину абсолютно безжизненными и бесперспективными. «...Какую область ни взять, всюду и везде мы видим одно и то же: общенациональные, «общедемократические» институты немыслимы, при данном соотношении сил они невозможны». Сугубо социально-классовый подход, ставка на гражданское противостояние, а не на поиск общегосударственных, общенациональных «точек соприкосновения» – все это было типичным для большевиков периода революции и Гражданской войны. Эти постулаты касались любой государственной структуры – армии, построенной по классовому признаку, высших органов власти, местного самоуправления.

«Возьмем одну из главных составных частей всякой государственной власти – армию. Для всякого неутописта ясно, что общенациональная армия теперь немыслима. Пролетариат не может пускать в свою армию буржуазию, и Советская республика организует Рабоче-крестьянскую Красную армию. Но и для буржуазии все более опасно становится пускать в свою армию принудительно набранных рабочих и крестьян; поэтому она вынуждена организовать белую гвардию. Там же, где пробуют сорганизовать «общенациональный» военный аппарат, с буржуазными контрреволюционерами во главе (ср., напр., «народную армию» чехословацко-белогвардейских сил), этот аппарат неизбежно разлагается и погибает, ибо конструкция его, по теперешним временам, внутренне противоречива.

То же самое происходит по всей линии, вплоть до экономики: на фабрике становится невозможным «межклассовое» сожительство буржуа и пролетария; общие «домовые комитеты» распадаются и заменяются домовыми комитетами бедноты; деревенские общие советы разрушаются, и на их место ставятся комитеты деревенской бедноты; в муниципалитетах не могут ужиться рядом те, кто на улицах стоит друг против друга с оружием в руках, и муниципалитеты заменяются отделами рабочих классовых советов; Учредительное собрание по той же причине существовать не может; старые парламенты взрываются вместе со всякой «общенациональной» конституцией...»

Вместе с тем Бухарин совершенно справедливо охарактеризовал особенности формирования политико-правовой системы Белого движения, заключающиеся, в частности, в изменениях избирательного законодательства: «Наши враги, яростные сторонники «Дум» и «Учредилки», только на словах стоят за общедемократические формулы. Ведь вместо Учредилки есть один только правый, т. е. классовый, сектор, а во всех Думах и пр. Сибири и «Чехословакии» торжественно заявлялось, что там есть всеобщее избирательное право, но нет места представителям антигосударственных партий (наиболее характерный пример – законодательство о выборах в Приамурское Народное собрание. – В. Ц.), т. е. большевикам,

а следовательно, рабочему классу... Победа пролетариата, полная и окончательная, его мировая победа, восстановит в конце концов единство общества на новых началах, на началах деклассирования всего общества. Тогда осуществится полный безгосударственный коммунизм. Но до этого периода предстоит пройти через жестокую борьбу, которая не мирится ни с какими иными формами, кроме диктатуры: если побеждает рабочий класс, тогда будет диктатура рабочих; если побеждает буржуазия, это будет диктатура буржуазии и ее генералов...»

Показательна и оценка Бухариным особенностей формирования структур представительной власти в Советской России. «Совсем иное видим мы в Советской республике. Советы – непосредственная классовая организация. Это – не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это – сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, все рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих – важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры – Высшем совете народного хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата труда; фабрично-заводские комитеты – нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты – один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы – точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат – Центральный Исполнительный Комитет или Совет народных комиссаров...

Тов. Ленин писал, что задача пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы приучить даже каждую кухарку к управлению го-

сударством. И это был вовсе не парадокс. Через организации пролетариев города и деревенской бедноты, – организации, которые все глубже и глубже захватывают самую толщу народных масс, – эти массы, боявшиеся когда-то и думать о своей власти, начинают работать как органы этой власти. Никакое государство никогда и нигде не было таким близким к массам. Советская республика есть, в сущности, громадная организация самих масс.

Мы подчеркиваем здесь и другую сторону дела, а именно то, что это – организация не только рабочая по преимуществу, но и работающая. В «демократических республиках» высшим органом является «парламент», в переводе на русский язык – «говорильня». Власть делится на законодательную и исполнительную. Путем посылки депутатов от рабочих в парламент (раз в 4 года) создается опять-таки фикция, что рабочие принимают участие в государственной работе. Но на самом деле этого не делают даже депутаты, ибо они говорят. Все же дела вершит специальная бюрократическая каста...

Таким образом, советская форма государства есть самоуправление масс, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. От центральных коллегий власти тянутся организационные нити к местным организациям по самым разнообразным направлениям, от них – к самим массам в их непосредственной конкретности. Эта связь, эти организационные нити никогда не обрываются. Они – «нормальное явление» советской жизни. Это – то основное, что отличает Советскую республику от всех решительно форм государственного бытия».

Ничуть не смущала Бухарина критика противников советской власти, оценивавших выборы в Советы как «недемократические»: «Связь между политикой и экономикой, между «управлением над людьми» и «управлением над вещами»... и в том, что даже выборы в Советы производятся не по чисто искусственным территориальным округам, а по данным производственным единицам: фабрикам, заводам, рудникам, селам, на местах работы и борьбы. Таким образом, достигается постоянная живая

связь между коллегией представителей, «рабочих депутатов», и теми, кто их посылает, т. е. самой массой, сплоченной общими трудовыми усилиями, сконцентрированной самой техникой крупного производства.

Самодеятельность масс – вот основной принцип всего строительства Советской власти. И достаточно посмотреть, какую роль сыграли рабочие Петербурга, Москвы и других городов в деле организации Красной Армии, с величайшим энтузиазмом дав на фронт тысячи товарищей, организаторов, агитаторов, бойцов, которые переделали и поставили армию на ноги; или взглянуть на рабочих, которые выросли на несколько голов, воспитались на деловой работе в разного рода советских экономических учреждениях, чтобы понять, какой колоссальный шаг вперед сделала Россия со времени Октябрьской победы.

Советам принадлежит будущее – этого не могут отрицать даже их враги... Советы – это совершенная, открытая русской революцией форма пролетарской диктатуры. И поскольку это так – а это безусловно так, – постольку мы стоим на пороге превращения старых разбойничьих государств буржуазии в организации пролетарской диктатуры. Третий Интернационал, о котором так много говорили и писали, придет. Это будет Интернациональная Советская Социалистическая Республика...» [4, с. 14–15, 20–21, 22–23].

Примечательный пример преобразования статуса и полномочий, традиционных норм и принципов управления дала работа по подготовке к принятию первой советской Конституции. В апреле 1918 г. начала работу специальная Комиссия для выработки проекта Конституции РСФСР. Ее председателем был Я. М. Свердлов, занимавший должность Председателя ВЦИКа Советов, секретарем – В. А. Аванесов. В состав Комиссии входили представители и других партий: от левых эсеров – А. А. Шрейдер, от эсеров-максималистов – Д. А. Магеровский. Принимали участие в ее работе М. Н. Покровский, И. В. Сталин, представители наркоматов по национальным делам, внутренним дел, юстиции, финансов: М. Я. Лацис, М. А. Рейснер, Д. П. Боголепов и др.

Выступая на Пленуме ВЦИКа 1 апреля 1918 г., Я. М. Свердлов, в частности, отмечал: «Мы перенесли в новый период, в фазу строительства, и нам приходится наталкиваться на целый ряд вопросов в силу того, что точно зафиксированных положений (о взаимоотношениях) между целым рядом существующих органов у нас не существует в жизни, что и наталкивает нас к выработке более подробной Конституции Советской республики... Все мы великолепно сознаем, – говорил Свердлов, – что только благодаря самой тесной связи с широкими массами рабочих и крестьян нам удастся проводить все те мероприятия, которые мы намечаем. Только постольку, поскольку нам удастся выделить из массы достаточное количество активных сознательных работников, могущих практически проводить в жизнь все намеченные мероприятия, поскольку мы имеем кадры таких товарищей, – мы можем сказать, что дело обеспечено... При разработке Конституции необходимо построить Советскую власть таким образом, чтобы она не только давала возможность работы, но чтобы привлекала значительно более широкие круги трудового народа к непосредственному управлению страной».

В процессе работы Комиссии ВЦИКа выявлялись позиции, достаточно характерные для многих правоведов и политиков того времени, причем отнюдь не большевистского свойства. Весьма популярными были идеи «областничества». Это касается и проекта М. А. Рейснера, предлагавшего построить государство как федерацию «различных профессиональных организаций трудящихся, политических классовых и т.д.», объединяющихся позднее в коммуны и, далее, – в областные республики. Сторонником «областной точки зрения» объявлял себя бывший председатель Моссовета, историк М. Н. Покровский, считавший необходимым при строительстве «областных Советов» исходить из приоритета «низовых» интересов перед «централистскими» тенденциями. Свердлов же и Ленин, выступавшие с общих позиций, были противниками таких «правовых определений» и считали нужным следовать уже сложившейся практике «советского управления», вместо того чтобы «резать конституционными ножницами живую ткань советского роста».

Как отмечали исследователи, «Свердлов добивался, чтобы Конституция как можно более точно, реально отражала прежде всего факт существования диктатуры пролетариата в ее конкретной форме – в форме Советского государства». И, таким образом, Конституция 1918 г. явилась совершенно новым правовым актом, не следовавшим сложившимся нормам международной конституционной теории. Новациями стали: включение в текст высшего закона «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (этот акт отказалось признать Учредительное собрание в январе 1918 г.), отказ от куриальной системы голосования в пользу приоритета «классового характера» избирательной системы (преимущества рабочих избирателей перед крестьянами, лишение избирательных прав бывших представителей «эксплуататорских классов»), гарантии на свободу выражения мнений, обязанности «вносить свой труд в труд республики» и «защищать социалистическую революцию с оружием в руках» [8, с. 290–295].

Объективная оценка событий революции и Гражданской войны в России, безусловно, требует глубокого, систематического изучения истории советской власти, ее политико-правовых особенностей, ее государственного строительства. При этом не должны быть забыты достижения советской исторической науки, работы, в частности, советских историков 1950–1980-х гг. Конечно, это вовсе не исключает важности изучения проблем советской истории в свете новых исторических источников и научных, исследовательских методик. И абсолютно неправомерными и вредными являются суждения о том, что изучение политики «красных» не требует серьезного внимания в силу якобы «преступности большевицкого режима» и т.п.

Не только большевистские лидеры оценивали роль представительной власти в будущей системе управления Российского государства с точки зрения важности «народного волеизъявления». Не менее показательна, например, оценка генералом Дитерихсом (уже в эмиграции) перспектив образования структур управления, наилучшим образом сочетающих в себе общепринятые государственно-правовые нормы с национальными российскими, отнюдь

не классовыми, политическими, духовными, моральными традициями. Бывший правитель белого Приморья считал, что «основы Веры Христовой определяют и сами принципы благодатной и истинной формы государственного правления в идеологии русского народа: единство власти во главе Церкви, единство власти во главе правления и коллегиальность власти во главе управления: Патриарх, Царь и Земский Собор – три начала русского, национально-религиозного, самодержавного монархизма. Эти три начала государственной формы и сущности правления проходят через всю историю политического бытия русского народа, вплоть до первой половины царствования Алексея Михайловича включительно. Временами, под влиянием различных династических и «земских» грехов, благодатность и истинность этих трех начал уклонялась по своему существу и духу от чистоты основной идеи, установленной верно, и тогда назревали на Руси политические беды. Но иногда чистота их выражения чрезвычайно приближалась к идеализму, что вызывало исключительно мощное и прогрессивное творчество Государства на почве развития своего благополучия и мирового значения.

Не могу вдаваться здесь в подробности практического осуществления исповедуемого мной понятия национально-религиозной идеологии народа, к которому принадлежу я сам. Подчеркну лишь еще раз, что Помазанник Божий является Самодержавным Правителем, сословный Земский Собор – представительным при нем органом Самодержавного Народа и по функциям – органом управляющим, то есть исполнительным, а Патриарх – строгим, но справедливым Самодержавным творцом, претворяющим и ведущим любовью и духом Христовой веры волю Помазанника Божьего и Самодержавного народа в путях и духе законов Нового Завета Христа..» [2].

В любом случае, считалось важным создание представительного органа, в котором можно было бы соблюсти баланс различных интересов и стремлений. Но опыт революционных лет и периода Гражданской войны доказывал, что данный представительный орган мог действовать эффективно только под контролем сильной исполнительной власти.

Произошедшие 100 лет назад события Революции и Гражданской войны имели, бесспорно, «величайшее», «всемирно-историческое значение» (используя терминологию советской историографии). Это – переломный этап в истории XX столетия. И, изучая историю Советской России, равно как и историю Белого движения, нужно, очевидно, исходить из того, что обе непримиримые друг другу силы, по сути, являлись частями расколотого целого – единой прежде России. И между ними можно найти гораздо больше точек соприкосновения, чем это представляется на первый взгляд. Трагедия братоубийства, расколовшая российское общество, носила в себе и определенное конструктивное начало.

Талантливые, самоотверженные люди, патриоты были с обеих сторон. Революция и Гражданская война, как события чрезвычайные, привели к стремительному ускорению всех политических, военных, правовых, идеологических процессов и перемен. Ведь именно в такое время, в условиях жесткого противоборства, ради победы над врагом активно мобилизуются все военные, социальные, политические структуры и силы. В «огне Гражданской войны» не только погибает прошлое, но и рождается новая жизнь, происходит активный поиск новых, альтернативных решений. Зададимся вопросом: была бы возможна, например, в мирное время земельная реформа генерала Врангеля, ориентированная на создание многочисленного слоя сельскохозяйственных производителей путем радикального перераспределения земли от помещиков – крестьянам? Вряд ли. Ведь в начале века только начиналось осуществление реформ П. А. Столыпина, прерванное событиями Первой мировой войны. А как известно, столыпинские преобразования «не покушались» на отчуждение частновладельческой земли, предусматривая ее медленный, но неуклонный и последовательный переход от помещиков-лендлордов крестьянам-производителям.

Безусловно, постепенные, последовательные реформы, проводимые в мирное, стабильное время, сто крат предпочтительнее революционных преобразований. Но если все же остановить развитие революционных процессов не удалось, означает ли это, что те

преобразования, вектор которых выражала упомянутая выше до-военная реформа Столыпина (опора на крестьянина-собственника, будущее волостное земское самоуправление, кооперативное движение и т.д.), должны были остановиться, замереть? Или все-таки более реальным становилось их осуществление, пусть даже и в радикальной, «революционной» форме.

Так же, например, как и стремление в предреволюционной России создать наиболее оптимальную структуру представительной власти, способную эффективно и вполне демократично осуществлять властные полномочия, могло бы привести в мирное, не революционное время к созданию такого варианта власти как советы, советская вертикаль?

Очевидно, что многие иницилируемые «красными» и «белыми» экономические, политические, идеологические преобразования стали реальностью в течение десятилетий мирного развития, тогда как в условиях Гражданской войны они стали проводиться в течение нескольких лет...

Источники и литература.

1. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 22.
2. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 298. Л. 1–22.
3. *Астров Н. И.* Воспоминания. Неопубликованная рукопись // Библиотека Дома имени А. И. Солженицына. Ф. 7.
4. *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. – М., 1988.
5. В. И. Ленин о Москве. – М., 1975.
6. Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 6. 7 августа 1920 г.
7. *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. – М., 2009.
8. *Городецкий Е., Шаранов Ю.* Свердлов. – М., 1971. – (Серия ЖЗЛ).
9. *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. – Т. IV: Вооруженные Силы Юга России. – Берлин, 1925.
10. Друг Армии и Народа : Издание Осведомительного Отделения Штаба Западной Армии. № 30. 1919. 24 июля.
11. Известия ЦК РКП(б). № 4. 1919. 9 июля.
12. Известия ЦК РКП(б). № 7. 1919. 22 октября.

13. Известия ЦК РКП(б). № 9. 1919. 20 декабря.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 2.: 1917–1922 гг. – М., 1983.
15. *Кроль Л. А.* За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. – Владивосток, 1921.
16. Материалы об организации и силах Красной советской армии, по данным к периоду ноябрь – декабрь 1918 года. Составил начальник разведывательного отделения штаба Всевеликого Войска Донского Генерального штаба полковник Добрынин. – Новочеркасск, 1918.
17. Правда. № 190. 1919. 28 августа.
18. Правда. № 251. 1919. 9 ноября.
19. Советская Россия. Составлено по разведывательным данным полковником Ряснянским. 1919.

Вопросы и задания:

1. В чем можно найти сходство политических позиций «белых» и «красных» в период Гражданской войны в России?
2. В чем основные причины поражения Белого движения?
3. В чем специфика формирования представительных структур местного самоуправления в условиях Гражданской войны?

Раздел 4. ФОТОЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Попов В. П.

Новая книга о Революции 1917 г.: к 100-летию юбилею¹

Что мы знаем о Революции 1917 г.? Как правило, не очень много. Во-первых, то, что согласно советской исторической науке революций было две. Первая – Февральская, называвшаяся «буржуазно-демократической», которая, по мнению большевиков и всей советской историографии, не была способна решить задачи, стоявшие перед страной. Вторая – Октябрьская, или «социалистическая», ставшая переломным событием всемирной истории, открыла человечеству путь к социализму. Если речь идет об обычных людях, не обремененных особым рвением к учебе в школе, то краткий перечень известных фактов о Революции 1917 г. ограничивается отречением императора Николая II от власти, выстрелом «Авроры» и штурмом Зимнего дворца, первыми декретами советской власти о земле и мире, разгоном Учредительного собрания большевиками. Если задать вопрос посложнее – была ли Революция 1917 г. случайным или закономерным явлением для России? – большинство людей просто пожмут плечами.

Еще труднее с оценками революции, поскольку перед современниками не стоит задача определить революцию как «добро» или «зло» («славить или проклинать революцию»), для нас гораздо важнее понять, что именно было создано в России в результате этой революции. У современных отечественных историков интерес к этой проблеме после исчезновения СССР значительно упал, и только столетний юбилей хотя бы отчасти восполняет данный

¹ Работа опубликована в журнале «Социально-политические науки». 2017. № 2.

пробел. Поэтому так важна для массового читателя новая книга, посвященная российской революции 1917 г., получившей в наши дни официальный статус «Великой». Авторы книги – Р. Г. Гагкуев и А. В. Репников – известные российские историки, специализирующиеся на истории революции и Гражданской войны.

Сегодня, когда прошло четверть века с момента окончательного завершения грандиозного социального эксперимента по «водворению социализма в России» (строки из первой советской Конституции РСФСР 1918 г.), мы вновь пытаемся переосмыслить и осознать феномен 1917 г., столетний юбилей которого отмечает весь мир. И это не случайно: 1917 г. стал поворотным в тысячелетней истории России, после чего жизнь страны потекла по иному, социалистическому, руслу. Веками копившиеся общественные проблемы, сплетавшиеся в сложные узлы и возбуждавшие из-за своей нерешенности неудовлетворенность всех слоев населения, меч революции «разрубил» не так, как мечталось в утопических грезях. Практически все общероссийские и не только социалистические, но и либеральные партии, каждая по-своему, в той или иной мере способствовали падению самодержавия. Показательно, и этот факт отражен в книге, что среди царского окружения лишь два военачальника в марте 1917 г. направили телеграммы в поддержку императора Николая II.

Лидер большевиков В.И. Ленин, зорко следивший в эмиграции за бурным развитием событий на родине, отмечал в своих знаменитых «Письмах из далека», что всесильным «режиссером» революции в феврале 1917 г. стала Первая мировая война. История и самому Ленину отвела роль главного «режиссера» в октябре 1917 г., когда лишь благодаря его настойчивости и решительности ЦК партии большевиков принял резолюцию о вооруженном восстании. Ленинское решение было принято вопреки колебаниям и сомнениям внутри партии, вопреки настроениям большинства населения страны, которое еще питало иллюзии, что долго готовившееся Учредительное собрание, как всесословный представительный орган России, сможет решить все насущные проб-

лемы. Большевики сыграли на опережение, перейдя от слов к делу, и выиграли.

Важнейшие перипетии этого переломного, насыщенного многими событиями 1917 г. отражены в книге Р. Г. Гагкуева и А. В. Репникова. По существу перед нами первая за сто лет фотолетопись Российской революции 1917 г., показывающая события с разных сторон. Авторы проделали колоссальную и кропотливую работу, как по отбору материала, так и по его компоновке. Авторский текст органично «слит» с текстами документов и всем визуальным рядом этой уникальной книги. Отметим эту важную особенность представленного издания: фотографии, картины, карикатуры и иные визуальные источники представлены именно как источники, а не иллюстрации к авторскому тексту. По существу перед нами оригинальный исторический жанр, определяемый самими авторами как «иллюстрированная летопись». Историческая действительность, запечатленная и отраженная в этом виде документов, содержит (помимо фактов и образов) также информацию об исторической обстановке, в которой они создавались, а их эмоциональная, то есть «авторская» окрашенность позволяет читателю лучше определить позиции противоборствующих сторон и сил, оценить события и, что немаловажно, дать им свою собственную интерпретацию. В книге представлены редкие фотографии и еще более редкие карикатуры, практически не известные нынешним читателям, рисунки и картины художников, открытки и плакаты, а также важные документы (манифесты, решения, листовки, приказы, воззвания, письма, декреты и пр.), дневниковые записи и мемуары известных политиков, военных, философов, поэтов. Весь этот уникальный комплекс источников объединяет одно ценнейшее качество – большинство их «родом из 1917 г.».

Таким образом, они запечатлели действительные факты, события, настроения и мысли людей той давно ушедшей от нас эпохи. События 1917 г. изложены в книге в хронологическом порядке по месяцам; внутри каждого месяца выделены важнейшие, с точки зрения авторов, сюжеты. Так январь 1917 г. повествует о положении

на фронте и в тылу накануне потрясений, рассказывает о роли Николая II в разворачивающихся событиях, знаковом для всей страны убийстве Григория Распутина в декабре 1916 г., имя которого стало нарицательным и использовалось всеми оппозиционерами для дискредитации царской власти. Март – апрель 1917 г. посвящен крушению самодержавной России и приходу к власти Временного правительства, июль и август – неудачным попыткам то левых, то правых сил (большевиков и генерала Корнилова) реализовать с помощью силовых методов свою политическую линию, сентябрь, октябрь и ноябрь – окончательному краху демократического пути развития России и установлению большевистской диктатуры.

Такое композиционное построение книги и разнообразный материал позволяют проследить историю страны буквально день за днем, включая поступки, настроения, мнения отдельных исторических личностей и народных масс. Визуальный ряд вкупе с документами создает «эффект присутствия», читатель становится как бы участником разворачивающейся исторической драмы. Авторский подход к раскрытию Российской революции 1917 г., на наш взгляд, заслуживает внимания еще и потому, что показывает Россию как сложный социальный организм, где одновременно сосуществовали разные слои и группы, чьи интересы находились в состоянии конфликта друг с другом еще в мирное время, а в условиях войны и революции они только усилились. Когда мы говорим об огромном социальном расслоении внутри российского общества в начале XX в., то должны учитывать, что этот фактор стал одним из решающих моментов революции только потому, что война безмерно усилила его, а на фоне огромных людских потерь на фронте и резком падении жизненного уровня основных производящих классов страны любая социалистическая агитация безмерно повышала градус революционности народных масс. В книге хорошо показано, что революция породила огромные надежды на лучшую жизнь и по мере того, как эти надежды не сбывались, революционные настроения росли и ширились по отношению к новой правительственной власти.

Огромное внимание в книге уделено проблеме Русской армии и ее роли в революции и это, на наш взгляд, вполне оправдано. На широком историческом фоне показаны и профессиональные военные, которых революция заставила сделаться политиками (генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов), и раскол внутри офицерской среды, предопределивший утрату армией организованного единства, и серая солдатская масса, состоявшая из бывших крестьян, одетых в шинели и ставших одной из главных (если не главной) сил, определивших исход революции 1917 г. Как показали события, эти три разных слоя – генералитет, офицерство и солдаты – ничто не сцепляло кроме дисциплины, и, когда революция «отменила» дисциплину в армии, взаимные социальные претензии вышли наружу и способствовали усилению кровавой вакханалии. При рассмотрении этого сюжета в книге следует, видимо, учитывать то огромное разнообразие мнений, существующих в отечественной историографии по поводу роли генералитета в свержении самодержавия. И сегодня среди части историков популярно мнение, что «давление генералов на императора сыграло важную, если не решающую роль в его отречении».

Р. Г. Гагкуев и А. В. Репников показывают, как резко ускорились в 1917 г. все политические и социальные процессы, а сами изменения стали носить *хаотический* характер. Отсюда быстрая и частая смена лозунгов у тех же большевиков, стремившихся приспособиться к событиям, пересмотреть прежние оценки и найти новую стратегию. Поэтому непредвзятое знакомство с материалом книги опровергает расхожую в исторической науке версию о «запрограммированности Октября». Исторической натяжкой выглядит также стремление отдельных историков возложить на Временное правительство или большевиков «персональную» ответственность за исторические последствия 1917 г. Деятельность всех оппозиционных сил, безусловно, повлияла на падение царского режима, что запустило революционный маховик в стране, но самодержавие пало не по этой причине, а в силу собственной слабости, из-за отсутствия реальной силы, на которую бы могло опереться, как это было во время Революции 1905–1907 гг.

Событийная канва 1917 г., изложенная в книге день за днем, месяц за месяцем, свидетельствует, что реальные возможности для реализации ведущими партиями своих альтернатив были весьма ограничены. По мере нарастания революция повышала спрос на приход к власти «сильной руки», чтобы контролировать и управлять стихией, но и здесь реальные возможности каждой крупной политической партии были различны.

Особое место в книге занимает политическая карикатура. Популярность этого жанра в России в 1917 г. объясняется многими причинами, в первую очередь условиями развития российского общества. Долгие годы в стране при господстве абсолютизма отсутствовали демократические институты и традиции, имелись лишь отдельные элементы гражданского общества. Достаточно сказать, что только в 1903 г. была отменена круговая порука крестьян по уплате налогов, в 1904 г. произошло их освобождение от позорных телесных наказаний, а с 1907 г. полностью отменены выкупные платежи за землю. Не удивительно, что влияние общества на власть было крайне незначительным, а в условиях падения самодержавия и слабости Временного правительства население все больше, все чаще и сильнее впадало в то состояние *«революционного невроза»*², при котором очень быстро законопослушные граждане превращались в толпу. По наблюдениям современников, состояние этой толпы характеризовалось безответственностью, порожденной «иллюзией своего всемогущества», – люди полностью утрачивали чувство меры, взаимно подогревая свои эмоции, когда «между криками толпы «да здравствует» и «смерть ему» не было никакой середины». Материалы книги ярко и зримо показывают процесс скатывания населения к революционному насилию. Таким образом, в политической карикатуре нашли отражения те настроения различных слоев общества, которые до этого находились под спудом, пока революция не позволила им вырваться наружу.

² Так называлась книга французских авторов О. Кабанеса и Л. Насса, посвященная Великой французской революции; через месяц после своего появления во французском оригинале книга была переведена на русский язык и издана в России в разгар Первой русской революции в 1906 г.

Особенно ярко эта черта проявляется в образах революции, запечатленных в книге: выражение лиц основных участников революционных событий (солдат, матросов, вождей и политиков, генералов и офицеров) полны суровой решимости и недюжинных страстей, у многих из них на лицах проступают черты надменности, чванства, а порой и хамства, ярко выраженного осознания своей «исторической» роли. На этом фоне обыватели из гражданских лиц выглядят (в большинстве своем) унылыми и запуганными, они – заложники этих людей и их страстей, они покорно ждут решения своей участи.

Важна и экономическая «подкладка» революционных событий, отраженная в книге. Революция 1917 г. усилила и без того огромную пропасть между податными «низами», составлявшими абсолютное большинство населения, и «верхами», то есть привилегированными сословиями. Если учесть, что в начале XX в. по среднедушевому доходу Россия значительно отставала от всех европейских стран, понятным становится, из какого источника черпали поддержку социалистические партии с их радикальными лозунгами и щедрыми обещаниями народу лучшей жизни. Вот на какой экономической почве и в каких социальных условиях разворачивались события 1917 г. Можно, видимо, согласиться с теми учеными, которые считают, что слаборазвитая в экономическом отношении страна (а именно таковой и была Россия на рубеже XIX–XX вв. в сравнении с ведущими европейскими державами) всегда, рано или поздно, скатывается к революции, и *с этой точки зрения любая революция может быть исторически оправдана*. В книге показаны главные объекты политической карикатуры 1917 г. – различные представители власть имущих и те знаковые события, которые отражали переходы революции от одной фазы развития к другой. Первоначально под огонь политической сатиры и юмора попали Германия и кайзер Вильгельм II, царские министры, полиция, церковь, сам Николай II и его семья. Затем, по мере резкой смены событий, отдельные деятели Временного правительства, в первую очередь А.Ф. Керенский. В июне – июле 1917 г. печатается много карикатур на большевиков,

поскольку в прессе появились сведения о Ленине и его партии, обвиняемых в организации июльского восстания в Петрограде по указанию враждебной Германии (отметим, что большинство современных историков считают данное обвинение «беспочвенным»). Значительное место занимают карикатуры, посвященные положению на фронте летом 1917 г. В книге предстает яркая и образная картина революционных будней без хрестоматийного глянца, свойственного всем предшествующим иллюстративным изданиям, посвященным Революции 1917 г.

Авторы умело сфокусировали основное внимание на деятельности трех главных политических фигур 1917 г. – А. Ф. Керенском, Л. Г. Корнилове и В. И. Ленине. Керенский, бывший одним из 12 человек, входивших в первый состав Временного правительства, в мае-июне 1917 г. находился на пике своей славы, оттеснив на вторые роли остальных министров. Военная и гражданская публика, как видно из фотографий книги, буквально носила его на руках. Каких только пышных титулов ни придумала ему пресса: «гений русской свободы», «спасатель Отечества», «народный вождь». Именно с ним восторженные массы связывали свои лучшие надежды. В книге хорошо передана эволюция этого политика – чем хуже шли дела на фронте и в тылу, тем больше Керенский пытался укрепить свою власть, откровенно перейдя осенью 1917 г. к режиму личной диктатуры. Понимая непрочность своего положения, он пытался лавировать между правыми силами, олицетворением которых в августе стал генерал Корнилов, и левыми, где тон задавали социалисты, в том числе их радикальное крыло в лице большевиков.

Р. Г. Гагкуев и А. В. Репников смогли удачно выделить и показать то историческое противоречие, которое пыталось и не могло разрешить Временное правительство, поскольку одновременному решению подлежали разные по своим целям и методам задачи. Оно хотело: обеспечить населению гражданские права и свободы, провести необходимые реформы, выиграть войну. Как показано в книге, ни одна из них не была решена – наступление летом 1917 г. закончилось катастрофой, реформы, в первую очередь аграрная, буксовали

из-за непримиримых противоречий между «низами» и «верхами», демократизация страны, проводившаяся поспешно и бесконтрольно, на деле оборачивалась разгулом народной стихии. Авторы показывают, как в этих условиях Ленин и Корнилов, каждый по-своему, решили использовать предоставленный историей шанс и реализовать свою альтернативу курсу Керенского. Материал книги наглядно показывает, как после провала летнего наступления Русской армии большевики, опираясь на нежелание солдат Петроградского гарнизона подчиняться приказу Временного правительства об отправке их на фронт, 1 июля организовали массовую демонстрацию под антивоенными лозунгами, которая 3–4 июля переросла в восстание, подавленное верными правительству войсками.

После неудачи левых, когда всем казалось, что с большевиками окончательно покончено, революционный маятник резко качнулся вправо. Назначенный в августе Верховным главнокомандующим генерал Л. Г. Корнилов, стремясь предотвратить возможный приход к власти левых сил, по договоренности с Керенским предпринял меры, включая выдвижение войск с фронта к Петрограду для наведения железного порядка в стране. Корниловщине в книге посвящено немало места, поскольку эта была одна из поворотных точек революции. Историки до сих пор спорят, что явилось действительной причиной резкого разрыва между генералом и министром-председателем Временного правительства. Одни видят источник конфликта в личностных отношениях, желании Керенского самому «стать единоличным диктатором». Другие, оценивая шансы Корнилова на роль лидера страны, призванного вывести ее из тупика, куда она попала благодаря «бессилию властей», отмечают отсутствие у генерала необходимого политического опыта и гибкости, при всех высоких человеческих качествах, его честности и прямоты, популярности среди офицеров. Об этих качествах генерала свидетельствует интересный документ, приведенный в книге, – «Обращение к народу» Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, датированное 28 августа 1917 г. Главная беда Корнилова заключалась в том, что он не видел иной силы, кроме армии,

способной справиться с народной стихией. Однако уже современники указывали на тот факт, что сама армия летом 1917 г. была больна и в этом состоянии не могла успешно «лечить» больное общество. Иными словами, как реальная политическая сила армия «потеряла» себя во время провального летнего наступления, после чего превратилась в неоднородную массу, состоящую из миллионов «человек с ружьем», падких на любую агитацию. Вскоре одни пошли за «белыми», другие за «красными», третьи стали «зелеными».

В книге показано, как Временное правительство, чтобы удержаться у власти, призвало на борьбу с мятежным генералом все революционные силы, включая большевиков, чем способствовало росту их популярности у населения. Одновременно Керенским были зачислены в пособники Корнилова кадеты и «буржуазия». В результате в правительственном лагере раскол усилился еще больше, и Керенский по существу оказался в политической изоляции, а революционный маятник вновь качнулся влево. Провозглашение 1 сентября 1917 г. России республикой, писали современники, никак не изменило положения дел, поскольку в стране по-прежнему отсутствовали республиканские учреждения, народное представительство и конституция. Не случайно авторы книги пишут, что после признания России республикой «острословы горько шутили, что власть объявила: «Российскую режь публику».

Следует, видимо, признать, что *историческая заслуга* Ленина состояла в том, что он предложил разуверившимся во Временном правительстве народным массам иную перспективу революции – не «внутреннюю», так называемую «буржуазно-демократическую», а «социалистическую» – как прообраз и начало будущей общеевропейской и даже мировой революции. России, по замыслу вождя, предстояло не плестись вслед за событиями мировой истории, а возглавить ее (всем, изучавшим отечественную историю в советские времена, памятен знаменитый ленинский лозунг – «Нельзя идти вперед, не идя к социализму!»). В тот момент не имело значения, верил ли сам Ленин в возможность осуществления социалистической революции в отсталой стране, не имевшей ничего социали-

стического, кроме партийных доктрин, слов и воззрений отдельных политических деятелей. Но он хорошо понимал, что в стране, окончательно исчерпавшей либеральную альтернативу к осени 1917 г., вакуум власти должен быть кем-то заполнен. Поэтому он убеждал своих соратников в том, что «нельзя идти вперед, боясь идти к социализму», а в сентябре, видя полное бессилие Предпарламента и его руководителей в лице социал-демократов (меньшевиков и эсеров), заставил большевиков бойкотировать этот совещательный орган и призвал партию к вооруженному захвату власти.

Р. Г. Гагкуев и А. В. Репников завершают рассмотрение событий выборами в Учредительное собрание и роспуском этого органа большевиками. Можно, видимо, согласиться с авторами в том, что Учредительное собрание было «последним шансом на гражданский мир». Судьба этого органа почти зеркально отразила судьбу Предпарламента и тот очевидный исторический факт, что поиски «сильной руки» перевесили в стране поиски мира и согласия – с этого момента Гражданская война в России стала свершившимся фактом.

Кто же победил в Революции 1917 г. – большевики, взявшие власть, или народ, получивший декреты о земле и мире, поверивший в реальность социалистической утопии? Как представляется, и сегодня этот вопрос остается открытым. Для кого-то Революция 1917 г. – это «исторический провал», «трагедия», «иллюзия», а для других – решающий шаг к созданию ранее невиданной в истории социальной системы, отринувшей и феодальные и капиталистические устои России, предложившей миру новый вектор развития. Книга также заставляет читателя задуматься над главным уроком революции: что заставило Россию, ставшую весной 1917 г. на демократический путь развития, отказаться от него спустя восемь месяцев: «красная смута», поселившаяся в умах миллионов граждан, толкавшая их на бунтарство и насилие, или узкоклассовые цели российской элиты, презревшей интересы всего общества, радикализм левых социалистов или слабость Временного правительства, отсутствие социальных механизмов, способных сцепить российское общество

в единое целое, культурная отсталость страны или что-либо еще? Книга Р. Г. Гагкуева и А. В. Репникова не только заставляет читателя задуматься над этим, она дает большой материал, чтобы попытаться самому поискать ответ на этот вопрос. В этом и заключается, на наш взгляд, главное достоинство этой замечательной и новаторской книги. Книга снабжена списком основных источников и литературы по проблеме, что значительно расширяет возможности читателей самостоятельно изучать это эпохальное событие.

Литература:

1. Гагкуев Р. Г., Репников А. В. Великая Революция 1917 г.: иллюстрированная летопись / Руслан Гагкуев, Александр Репников. – М.: Эксмо; Яуза, 2017. – 224 с.: ил. – (1917. К 100-летию Великой революции).

Вопросы и задания:

1. Пользуясь материалами книги, выделите, на ваш взгляд, главное событие каждого месяца 1917 г. Аргументируйте свой выбор.
2. Основываясь на материалах книги, назовите основные причины, способствующие переходу страны от Февраля к Октябрю.
3. Как, по вашему мнению, повлияла пресса на изменения в настроениях российского общества? Можно ли назвать фотографию «объективным источником» по истории Революции 1917 г.? Приведите конкретные примеры, подтверждающие, или опровергающие приведенный тезис.
4. Классифицируйте карикатуры, приведенные в книге, по персоналиям.
5. Проанализируйте полученный результат и сделайте выводы. Сравните полученный результат с результатами, полученными другими студентами.

Придем ли к примирению?

Издание, аналогичных этому альбому³, – по временному охвату и затрагиваемой проблематике, на сегодняшний день, пожалуй, нет. Единственное исключение составляет вышедший в 2010 г. альбом «Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы» подготовленный большим коллективом исследователей и изданный Н. С. Михалковым⁴. В этом издании, научная значимость которого несомненна, был использован хронологический подход, присутствовало большое количество редких фотографий (как правило – хорошего качества), лаконичные тексты и краткие биографические справки. Однако, несмотря на все достоинства, не было проблемного подхода к ключевым вопросам русской революции и Гражданской войны.

Уникальность нового альбома заключается в нескольких факторах.

Во-первых, составителями был использован проблемно-хронологический подход. Читатель видит не просто хронологическое изложение материалов, а попытку осмысления авторским коллективом узловых событий русской смуты начала XX века. Так, например, отдельные разделы посвящены русскому крестьянству, восстаниям в годы Гражданской войны (как красным, так и белым), судьбе казачества и, что, наверное, наиболее важно и показательной, – красному и белому террору. Изначально именно трагедия братоубийства, жестокости и определенной духовно-моральной тупиковости Гражданской войны была положена в основу концепции издания.

Во-вторых, иллюстративный ряд альбома – это не только фотографии (хорошо известные с советского времени или же

³ Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: фотоальбом / Науч. ред. Р. Г. Гагкуев; сост. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков, при участии В. П. Долматова, А. А. Иванова, Н. А. Кузнецова, А. Д. Степанова, Д. И. Стогова, В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта; художественное оформление И. Р. Яворский; дизайн переплета Ю. В. Христич. – М.: ИД «Достоинство», 2016. – 384 с.

⁴ Гражданская война в России: Энциклопедия катастрофы / Сост. и отв. ред. Д. М. Володихин; науч. ред. С. В. Волков. – М.: Сибирский цирюльник, 2010. – 400 с.

публикующиеся впервые). Это еще и образцы документов – воззваний, приказов, листовок, плакатов.

В-третьих, содержание очерков альбома в существенной степени дополняют и текстовые документы. В ряде случаев они имеют самостоятельную ценность, настолько их содержание раскрывает ту или иную тему.

Немаловажен подбор авторского коллектива, работавшего над новым изданием. Почти все авторы альбома – это известные исследователи революции и Гражданской войны. Основными составителями книги выступили доктора исторических наук Р. Г. Гагкуев и В. Ж. Цветков, известные многочисленными добротными публикациями по истории Гражданской войны и Белого движения. Раздел о Февральской революции написан петербургским исследователем доктором исторических наук А. А. Ивановым. Разделы, касающиеся террора на Балтийском и Черноморском флотах, подготовлены историком русского флота, человеком, не понаслышке знающим о морских походах, кандидатом исторических наук Н. А. Кузнецовым. Раздел о русской эмиграции представлен кандидатом исторических наук В. Г. Чичерюкиным-Мейнгардтом, для которого тема русского зарубежья центральная в его научной работе.

Отдельного внимания заслуживает дизайн новой книги. Начиная от обложки и заканчивая макетом основного текста – альбом выполнен крайне сдержанно и тактично, в спокойных тонах. Здесь нет надоевшей в последние годы «крикливости», пошлой «гламурности», которыми отличается заполонившая книжные прилавки псевдоисторическая попса. Сдержанность и траурная строгость крайне важны для освещения такой страшной темы. Многие из иллюстраций альбома шокируют своим натурализмом и жестокостью, но это война! Война без прикрас! Смотрите и думайте, что сделать, чтобы избежать повторения трагедии розни.

Отдельного внимания заслуживает черная обложка альбома, выполненная с привлечением фрагментов работы Павла Николаевича Филонова «Цветы мирового расцвета» (1915 г.).

Новый альбом предназначен для самого широкого круга читателей. Опыт Великой русской революции 1917 г. (а именно так она называется в действующем Историко-культурном стандарте), не должен быть забыт в современной России. И в этом смысле страницы альбома – не только интересное чтение, но и предостережение о том, к чему может привести социальное противостояние в нашем обществе.

В этой связи особый интерес приобретает обращение к свидетельствам непосредственных участников событий и документов того времени. В советской историографии писали в основном о жестокости белых; в период перестройки сосредоточились на красном терроре (в 1990 г. двухсоттысячным тиражом в Москве вышла книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России»). Разумеется, и «белый», и «красный», и «зеленый» террор был, и от этого факта уйти невозможно, да и незачем. Авторы текстов не стремятся раздавать ярлыки «правых» и «виноватых». Кровь проливали все... Непосредственные участники Гражданской прекрасно понимали эту специфику. В. В. Шульгин в документальном фильме «Перед судом истории» возражал своему оппоненту, гневно перечислявшему фамилии генералов и атаманов, боровшихся с Советской властью: «Кровь рождает кровь». Теперь, когда у нас есть возможность прочесть воспоминания белых вождей, в них порой встречаешь страшные свидетельства. А. Г. Шкуро вспоминал, как в одной из станиц «командир комендантской сотни штаба Покровского Николаев и есаул Раздеришин явились в местную тюрьму и, отобрав по списку часть арестованных, виновность которых отнюдь еще не была установлена судебной процедурой, именем генерала Покровского потребовали их выдачи и стали вешать на площади. Я выгнал вешателей из станицы и послал протестующее письмо Покровскому. Вместо ответа он сам приехал ко мне разъяснить “недоразумение”.

– Ты, брат, либерал, как я слышал, – сказал он мне, – и мало вешаешь. Я прислал своих людей помочь тебе в этом деле!..

Однажды, когда мы с ним завтракали, он внезапно открыл дверь во двор, где уже болтались на веревках несколько повешенных.

– Это для улучшения аппетита, – сказал он.

Покровский не скупился на остроты вроде: “природа любит человека”, “вид повешенного оживляет ландшафт” и т. п. Эта его бесчеловечность, особенно применяемая бессудно, была мне отвратительна... Это отнюдь не прошло бесследно и явилось впоследствии одной из причин неудачи Белого движения».

Исследовательница Г. Рыжова в своей статье приводит примеры зверств, творимых махновцами: «Красноармейцев они привязывали к верховой лошади, а потом с гиком гнались за ней, на полном скаку отрубая ему руки, ноги, потом голову, потом окровавленное, покрытое пылью туловище бросали, но оно еще долго шевелилось и дергалось». Вместе с этим были, например, и такие распоряжения: «Приказом командующего армией Батьки Махно приказывается в двухдневный срок с момента объявления сего приказа уничтожить все винокуренные аппараты. Всех пьяных повстанцев задерживать и, обезоружив, отправлять в распоряжение Батько». Или: «Приказываю всем товарищам повстанцам платить за вход в театры». Командиры Махно требовали от повстанцев вести себя, как подобает «гражданину свободной страны», призывая их избегать «грубых выражений и ругательств».

Люди с авантюрной жилкой могли сражаться попеременно в разных лагерях. Например, служивший в царской армии Станислав Булак-Балахович после Октября 1917-го вступил в Красную армию. Потом перешел к белым, участвовал в наступлении на Петроград и после разгрома армии Юденича перебазировался в Эстонию, а затем в Польшу. Авантюрист по природе, он регулярно совершал боевые вылазки на территорию Советской России. Зарубежная печать сообщала: «Отступая из Пинска, армия Балаховича оставила чудовищные следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин». Б. В. Савинков, описывающий специфику подобных рейдов в повести «Конь вороной», откровенен: «“Не убий!..” Когда-то эти слова пронзили меня копьем. Теперь... Теперь они мне кажутся ложью. “Не убий”, но все убивают вокруг. Льется “клюквенный сок”, затопляет даже до узд конских. Человек живет и ды-

шит убийством, бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьет, когда голод измучит его, человек – от усталости, от лени, от скуки. Такова жизнь. Таково первозданное, не нами созданное, не нашей волей уничтожаемое. К чему же тогда покаяние? Для того, чтобы люди, которые никогда не посмеют убить и трепещут перед собственной смертью, празднословили о заповедях завета?.. Какой кощунственный балаган... “Товарищ, эй, не трусь! Пальнем-ка пулей в святую Русь!” Пальнули. И, раненая, бьется Россия. Пальнули не только они, пальнули и мы. Пальнули все, у кого была винтовка в руках. Кто за Россию? Кто против?.. Мы?.. Они?.. И мы и они?..»

Красные отвечали террором. Вот текст двух собственноручных записок В. И. Ленина к заместителю председателя Реввоенсовета Э.М.Склянскому, написанных в конце октября – начале ноября 1920 г.: 1) «...Постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Балаховича перейти где-нибудь границу хоть на 1 версту и повесить там 100–1000 их чиновников и богачей»; 2) «...Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 1 000 000 рублей за повешенного». В период перестройки приведенные фрагменты из записок цитировались многими критиками Ленина. Тех, кто был приучен советской пропагандой к сусальному образу вождя, эти слова, действительно, шокировали и ужасали.

Когда мы говорим о специфике Гражданской войны, нужно помнить и о том, что многие ее участники буквально «не слезали с седла» с 1914 г. Составители альбома показывают и предысторию событий периода весны 1917 г. Листая страницы книги, можно буквально почувствовать, как страна неотвратимо погружалась в катастрофу. Невозможно сказать, когда был сделан первый выстрел Гражданской войны, с какого события, документа, поступка она началась. Ненависть буквально пропитывала общество.

Наконец, нужно помнить и о таком феномене, как добровольчество, истоки которого лежат в настроениях молодых людей,

добровольно вступивших в армию в годы Первой мировой. В 1917 г. такая молодежь занимала значительное место в массе офицерства и учащихся военных учебных заведений. Особый импульс этому явлению придала кампания весны–лета 1917 г. по созданию в российской армии добровольческих формирований, которые сыграли заметную роль в антисоветской борьбе. Молодежь, которую сейчас бы отнесли к подросткам (!), участвовавшая в мировой и Гражданской войне, иначе смотрела на жизнь и смерть. Эдуард Лимонов, описывая в книге «Смрт» югославскую войну 1990-х годов, вспоминает про сербский отряд, в котором «не было взрослых, я не увидел там ни единого мужика старше тридцати... это был особый отряд... отряд малолеток». В начале XX века было так же. Молодые лица на фотографиях... Оружие в руках, вызывающий взгляд в объектив... Будущее принадлежит нам! Молодежь с авантюрной жилкой шла к белым, красным, зеленым. Шла не только по идейным соображениям, но и за подвигами, за славой.

Многих (не обязательно психически неуравновешенных) кровавая «романтика» войны тянула и влекла. П. Н. Краснов устами одного из героев своего романа хорошо выразил эти чувства: «Те, кто не был таким, шел к нам... И с нами шла слава... Слава!.. Какая это была слава!! Помните... дивное, знойное лето 1919-го года. Шли на Москву... Города с налета брали... Женщины, девушки, все в белом... Ажурные зонтики – белые... Белые шапочки гимназисток, точно ландыши лесные, и... цветы... Откуда брали столько цветов?.. И все белое. Подлинно – белое было движение... Вот и теперь, как вспомню эти времена, точно чувствую, обоняю запах чайных роз. Огромный их букет стоит в белом фаянсовом кувшине. Тишина спальни, спущена занавеска и колышется на утреннем ветру. Тело, после похода, точно избито, ноет от усталости; кожа пластами сходит с лица от солнечного загара... Перед этим – неделями ночевали в поле, в степи, на голой жесткой земле, провоняли потом и кровью, и вдруг под тобою мягкая постель... А как нас, прожженных солнцем, залитых потом и кровью, любили женщины! Я думаю, такой любви никогда раньше не было, и не будет... В каждом городе, где

мы останавливались хотя на десять дней, сколько браков заключалось... Девушки, едва со школьной скамьи, венчались с нашей молодежью... Как прекрасны и трогательно нежны были они в подвенечном платье... свежие, чистые, невинные, – а, глядишь, не пройдет и месяца, уже идет эта самая барышня в черном платье вдовы, с длинной креповой вуалью на шляпе, за телегой с дощатым гробом, привезенным верным солдатом, а от гроба тянет сладкой вонью трупа и крови... Какая неповторимая романтика была в этом... Мы ходили в атаки, не ложась, не стреляя и не сгибаясь, неся винтовки на ремень. Мы побеждали одним видом своей непобедимости! Нас боялись, потому что мы не боялись... Э!.. Что, смерть?.. Смерть красит подвиг!.. Не было бы убитых и раненых, и подвига не было бы!.. Смерть боялась нас и отступала перед нами... Мы, юноши, шли с вами, стариками. Мы, юноши, вели за собою, увлекали вас, стариков... Какие геройские подвиги были... Какие герои!.. Убиты?.. Что же? Таков их удел!.. Смерти нет, есть победа».

Романтика и виселицы... подвиг и предательство, вера и богохульство, запредельная жестокость и жертвенность. Все это и еще многое другое вместили в себя несколько лет Гражданской войны в России.

Кто-то в наше время симпатизирует белым, кто-то красным, но, как мне кажется, именно сейчас есть шанс подвести некую условную черту под теми кровавыми событиями, ставшими трагедией России. И в этом определенную роль должен сыграть и данный альбом, который будет полезен, в том числе и на школьных уроках истории России. Сложно придумать более наглядный материал для подачи школьникам по темам революции и Гражданской войны, чем страницы этой книги. Посмотри в лицо Гражданской... и ужаснись ей. Это тот самый дополнительный материал к уроку, который может не только заинтересовать ребят, но и быть полезным в становлении их гражданской и просто человеческой позиции.

Нельзя не сказать и о некоторых недостатках. В альбоме много персоналий и авторам стоило бы подумать о составлении именного указателя, без которого сложно найти ту или иную историческую

личность. Не помешал бы и полный список фотографий в конце книги. Наконец, наиболее важное обстоятельство – авторам стоило бы с большей тщательностью отбирать фотографии к публикации в альбоме. В ряде случаев их качество оставляет желать лучшего (хотя, нужно признать, это недостаток многих подобных изданий).

Вопросы и задания по фотоальбому «Гражданская война в России. 1917–1922 гг.»

1. Как структура фотоальбома отражает основные проблемы истории Гражданской войны в России?
2. Подтвердите тезис о закономерности эскалации террора в условиях Гражданской войны.
3. Каковы особенности психологической мотивации участия в Гражданской войне?
4. Проведите сравнение советских плакатов и плакатов Белого движения. Какие общие и какие особенные черты их можно выделить?
5. Раскройте понятия «интернационалисты» и «интервенты» применительно к событиям Гражданской войны.
6. Укажите особенности коллективных групповых фотографий воинских частей у белых и красных.
7. Отметьте характерные признаки демонстраций и военных парадов на Красной площади в 1918–1919 гг.
8. Укажите особые специфические позиции на фотографиях советских лидеров и лидеров Белого движения.
9. Как отражен красный и белый террор на страницах фотоальбома?
10. Каких фотографий, на ваш взгляд, не хватает и с чем это может быть связано?

Раздел 5. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИКИ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Шаповалов В. Л.

Советское общество в программах современных российских политических партий

Приближающееся столетие революции в России актуализирует вопрос об оценке революционных событий и советского периода истории в целом, достижений и недостатков Советского Союза, отношения к политическим, социальным, экономическим аспектам развития Советского государства. В публичном пространстве разворачивается активная дискуссия о качественных характеристиках развития советского общества, значении советского опыта для практики функционирования современных государств. Российское общество предпринимает попытку осмыслить драматический опыт развития страны в XX веке. Достаточно отчетливо прослеживаются две позиции: официальная, направленная на примирение и согласие враждующих сторон, и противоположная, характерная для представителей ряда, как левых, так и правых (в том числе и либеральных, и консервативных), политических сил, сориентированная на поляризацию общественных настроений, утверждение «одной правды», попытку завершить вековой исторический спор.

В этой связи представляет значительный интерес отношение к советскому обществу различных политических акторов современной России. Целью данного исследования является анализ представлений о советском обществе ведущих политических сил. В качестве объекта исследования выступают программные документы политических партий, принявших участие в выборах в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации 18 сентября 2016 г.

Для большинства из 14 партий, участвовавших в выборах и в мажоритарных избирательных округах, и в федеральном округе по партийным спискам, отношение к советскому прошлому не является сколько-нибудь значимой темой. Об этом свидетельствует отсутствие в программах партий каких-либо оценок советского общества [1; 2; 3; 7; 9; 10; 11; 14].

Как правило, анализ исторического прошлого распространяется, в лучшем случае, на последние 25 лет. Такая оценка прошлого содержится, например, в программном документе партии ПАРНАС «Платформа демократической коалиции»: «Главная проблема сегодняшней России – разрыв между обществом и властью. В последнюю четверть века российское общество в целом двигалось в сторону современности» [1]. Программа партии «РОДИНА» представляет диаметрально противоположную оценку прошлого. Однако и здесь речь идет только о недавнем прошлом: «В последние десятилетия в мире наблюдается тотальный рост напряженности, связанный с углублением социального неравенства, снижением эффективности старых политических механизмов управления, интенсивным развитием форм силовой конкуренции на геополитическом уровне, борьбой за доступ к энергетическим ресурсам» [9]. Показательным является представление о прошлом в программе одного из аутсайдеров последних выборов, партии «Гражданская Сила»: «XXI век стал непростым для нашей страны. Мы только успели преодолеть проблемы и провалы сложных 90-х гг., заложили фундамент для дальнейших позитивных изменений во всех отраслях жизнедеятельности нашего общества и государства, как на первый план вышли глобальные мировые угрозы: терроризм, мировой экономический кризис, развал системы международного права и прежнего мироустройства, которые плавно переросли в новый виток «холодной войны» [7].

Таким образом, «глубина» исторической памяти ограничена жизнью одного поколения, распадом Советского Союза и созданием Российской Федерации. Это свидетельствует о непонимании представителями значительной части российских политических

партий значения истории страны. Такая позиция также свидетельствует о боязни давать оценочные суждения в отношении таких сложных и неоднозначных исторических процессов, как формирование и развитие советского общества. Очевидно, что без анализа прошлого невозможно понять особенности развития современного общества, сформировать внятную картину будущего.

Тем не менее шесть партий все-таки уделяют в своих программах определенное место представлениям о советском обществе. Это КПРФ, ЛДПР, партии «Коммунисты России», «ЯБЛОКО», «Патриоты России» и «Российская партия пенсионеров за справедливость» [4; 5; 6; 8; 12; 13]. При этом в программах большинства партий сформулирована, в целом, позитивная оценка развития СССР [6; 8; 12; 13]. Безусловное отрицательное отношение демонстрируют только две партии-антипода: левые либералы-«яблочники» и правые консерваторы из ЛДПР.

В программе партии «ЯБЛОКО» содержится утверждение, что «коммунистическая система» завела «страну в тупик», а ее крушение создало «возможность совершить исторический прорыв», которая, тем не менее, была упущена [4]. Таким образом, налицо представление о советском обществе, как уходе с магистрального пути развития мировой цивилизации, досадной исторической ошибке.

Либералы-демократы квалифицируют Революцию 1917 г. в качестве «большевистского переворота», то есть акцентируют внимание на нелегитимном характере советской власти. Главная претензия ЛДПР к большевикам состоит в их национальной политике, так называемой «коренизации» народов, которая способствовала росту сепаратизма и развалу страны в последующем [5].

Совершенно иное представление о советском прошлом содержится в программе «Патриотов России»: «Наши отцы и деды возвели мощный производственный фундамент, на котором и сегодня продолжает создаваться экономический потенциал страны. Они открыли космическую эру, вывели СССР в лидеры по уровню образованности населения, научным открытиям, надежности социальных

гарантий, явили миру шедевры культуры и искусства, добились высших достижений в спорте» [12]. Образ, созданный «патриотами» – образ героического прошлого, времени созидания, открытий и побед. «Мы были великой Державой!» – ностальгируют авторы программы [12]. Таким образом, для Геннадия Семигина и его сторонников советское общество – это безусловный идеал, безвозвратно ушедший в прошлое «золотой век» России.

Положительная оценка эпохи характерна и для «Российской партии пенсионеров за справедливость». Вместе с тем в программе партии, наряду с достижениями, отмечена и драматичность, противоречивость эпохи, а также наличие ошибок, имевших фатальный характер для развития государства: «События прошлого века имели сложный и противоречивый характер: они одновременно были величественными и трагическими... Ситуация второй половины прошлого века реально позволяла провести эффективные реформы без потерь не только промышленных, научных, сельскохозяйственных объемов и ресурсов, но и темпов экономического роста. Однако непростительные ошибки, неэффективность и прочие пороки тогдашнего руководства (как Советского Союза, так и ряда лидеров новой России) в конечном итоге привели к развалу СССР и сверхциничному варианту проведения реформ в России» [13].

Несмотря на противоположные оценки программы всех четырех партий объединяет незначительное внимание к истории советского общества. Советское прошлое используется в качестве примера, положительного или отрицательного, исходной основы, базового мифа для формирования представлений о настоящем и будущем.

Однако для двух коммунистических партий, претендующих на преемственность с РСДРП (б) – КПСС, подобная позиция является неприемлемой. Претензии на продолжение традиций большевистской партии привели к тому, что и в программе КПРФ, и в программе партии «Коммунисты России» оценка советского общества является главной темой. При том, что в целом партии занимают схожие позиции, есть и существенные отличия.

Обе партии оценивают Октябрьскую революцию в качестве ключевого события в мировой истории, отмечают грандиозные достижения советской власти в области экономики, социальных отношений, науки, культуры, в сфере обороны и безопасности. Вот такая оценка содержится в программе КПРФ: «Гражданам были гарантированы все важнейшие социальные права – на труд, отдых, охрану здоровья, материальное обеспечение в старости, жилище, образование, пользование достижениями культуры. Неуклонно росли благосостояние, продолжительность жизни населения. СССР впервые в мире осуществил полет человека в космос, обеспечил использование атомной энергии в мирных целях, расцвет науки и культуры. Советский социализм выступал мощнейшим фактором мира и стабильности на международной арене» [6]. Достижения советской системы в социально-экономической сфере названы, по аналогии с последующими успехами Японии и Южной Кореи, «русским чудом» [6].

Те же самые выводы содержатся и в программе «Коммунистов России»: «СССР за годы первых пятилеток к 40-м годам прошлого века стал второй мировой державой по всем экономическим показателям. Культурная революция позволила в кратчайшие исторические сроки ликвидировать в стране безграмотность. В СССР неслыханными темпами стали строиться детские сады, школы, вузы, лечебные учреждения, библиотеки, клубы, театры. У населения страны появилась возможность получать бесплатно жилье, стали доступны и другие средства личной собственности» [8].

Обе коммунистические партии положительно оценивают осуществленные в 30-е гг. коллективизацию и индустриализацию. В программе КПРФ взгляд на эти события следующий: «Трудящиеся СССР осознали исключительную важность идеи И. В. Сталина о необходимости за 10 лет преодолеть тот исторический путь, на который ведущим капиталистическим странам потребовалось не менее столетия. В кратчайшие сроки с использованием методов мобилизационной экономики была проведена **индустриализация**, которая в капиталистических странах заняла целую эпоху.

Ускоренными темпами прошла **коллективизация** сельского хозяйства» [6]. Не менее комплиментарна позиция «Коммунистов России»: «Индустриализация, коллективизация, начавшиеся в стране, доказали наглядно всему миру преимущества общенародной собственности на средства производства перед частной собственностью, которая при капитализме является основой эксплуатации человека человеком» [8].

Показательно, что в программах обеих партий упоминаются только два политических деятеля эпохи СССР: В. И. Ленин и И. В. Сталин. Оценки советских лидеров в партийных документах и первой, и второй партии являются в равной степени положительными и принципиально не отличаются [6; 8].

Сходятся две коммунистические партии также и в том, что вслед за успехами в развитии советского общества наступил кризис, который привел к краху социализма и распаду Советского Союза. Обе партии обращают внимание на внутренние основания кризисных явлений, связанные, прежде всего, с действиями политического руководства СССР.

Однако КПРФ считает началом кризиса вторую половину 80-х гг., когда в руководстве страны оказались «предатели социализма». Вот так изложено содержание кризиса в программе партии: «В партии крепло стремление коммунистов-ленинцев решить наконец назревшие проблемы, преодолеть накопившиеся в обществе негативные тенденции и выйти на новые рубежи. Однако это стремление было обманным путем использовано предателями социализма. Во второй половине 80-х годов они на словах лицемерно провозгласили лозунг “Больше демократии, больше социализма!” На деле же развернулась работа по его уничтожению. Всячески подрывалась роль общественной собственности – основы социалистического строя. Извращалась роль трудовых коллективов и кооперации. Не были приняты должные меры по пресечению “теневой экономики”. Ослабление роли государства, отступление от планового начала привели к дезорганизации народного хозяйства и потребительского рынка. Искусственно созданный «дефи-

цит» товаров вызывал протесты населения. Средства массовой информации были сознательно переданы в руки носителей буржуазных взглядов. Используя методы психологической войны, они обрушили на массовое сознание поток очернительства советской и российской истории, были развязаны руки “теневому капиталу”, националистам, антинародным силам, которые выступили против Советской власти и единого Союзного государства» [6].

В отличие от КПРФ «Коммунисты России» считают началом кризиса 1953 год – год смерти Сталина. С их точки зрения его преемники начали отступление от идей социализма: «После смерти И. В. Сталина в СССР начался ползучий откат от стратегии построения социализма. Это выразилось в частичном отходе от позиций марксизма-ленинизма. В стране постепенно, к середине 80-х годов, подменили диктатуру пролетариата на диктатуру партноменклатуры, которая затем обменяла власть на собственность. Наряду с бесспорными успехами и общеизвестными достижениями СССР в 50–80-е гг., накапливавшиеся идеологические ошибки, элементы волюнтаризма в деятельности руководства страны, нарушение норм партийной жизни привели к искривлениям в экономике» [8].

Заслуживает внимания также отношение коммунистических партий к репрессиям 30-х гг. Если в программе «Коммунистов России» о них не сказано ничего, программа КПРФ допускает осторожную критику действий советской власти в этот период: «Без учета этих обстоятельств нельзя правильно понять такие противоречия отечественной истории, как сочетание массового созидательного энтузиазма трудящихся с нарушениями социалистической законности в 30-х и 40-х годах, которые были решительно осуждены нашей партией» [6].

Таким образом, оценки советского общества в программах КПРФ и «Коммунистов России» существенно разнятся. При этом риторика первой созвучна оценкам истории СССР, сформулированным в позднесоветский период «развитого социализма», и является существенно более умеренной. «Коммунисты России» занимают более радикальную позицию.

Тем не менее обе партии солидарны в оценке «Беловежских соглашений» как государственного переворота. В программе КПРФ эти события представлены следующим образом: «Политическая верхушка пошла на то, чтобы использовать свое положение для захвата общенародной собственности. Когда ее действия натолкнулись на сопротивление истинных партийцев, требовавших сохранения социалистического строя и Союза ССР, перерожденцы в августе – декабре 1991 г. осуществили контрреволюционный переворот и запретили деятельность партии коммунистов» [6]. «Коммунисты России» с ними солидарны: «Горбачевская перестройка стала окончательной точкой в организации в стране буржуазного переворота» [8].

Проведенный анализ позволяет признать, что большинство российских партий избегают давать оценки советскому периоду развития страны. Примечательно, что даже такая крупная партия, как «Справедливая Россия», позиционирующая себя в качестве социалистической, не считает нужным анализировать опыт построения социалистического общества. Представления остальных партий о советском обществе отличаются, как правило, радикальностью суждений и категоричностью оценок. Столетие революции в России и повышенный интерес общества к событиям вековой давности создают благоприятные предпосылки для диалога крупнейших политических сил по проблемам оценки наследия советского периода, выявления сильных и слабых сторон, достижений и просчетов, формирования понимания того, каким образом советский опыт может быть использован для совершенствования современных политических, экономических и социальных отношений.

Источники и литература

1. Платформа демократической коалиции «ПАРНАС». Официальный сайт Партии народной свободы «ПАРНАС». URL: <https://parnasparty.ru/news/42>.
2. Предвыборная программа ВПП «Единая Россия». Официальный сайт ВПП «Единая Россия». URL: <http://er.ru/program/#25>.

3. Программа ВПП «Партия Роста». Официальный сайт ВПП «Партия Роста». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>
4. Программа «Демократический манифест». Официальный сайт РОПД «ЯБЛОКО». URL: http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticeskij_manifest.
5. Программа Либерально-демократической партии. Официальный сайт ЛДПР. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR.
6. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/program>.
7. Программа партии «Гражданская Сила». Официальный сайт партии «Гражданская Сила». URL: <http://gr-sila.ru/party/program>.
8. Программа партии «Коммунисты России». Официальный сайт партии «Коммунисты России». URL: <http://www.komros.info/about/programma>.
9. Программа партии «РОДИНА». Официальный сайт партии «РОДИНА». URL: <http://www.rodina.ru/partiya/documentsForRead/23>.
10. Программа партии «Справедливая Россия». Официальный сайт партии «Справедливая Россия». URL: <http://31.44.80.183/files/pf59/075833.pdf>.
11. Программа Политической партии «Гражданская Платформа». Официальный сайт партии «Гражданская Платформа». URL: <http://праваяпартия.рф/3363#r0>.
12. Программа политической партии «Патриоты России». Официальный сайт политической партии «Патриоты России». URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumentyi/programma.html>.
13. Программа политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». Официальный сайт политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость». URL: <http://ppzs.ru/2013-06-23-14-42-57/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8>.
14. Программа Российской экологической партии «Зеленые». Официальный сайт Российской экологической партии «Зеленые». URL: <http://greenparty.ru/material/page/programma>.

Вопросы и задания:

1. Проведите сравнительный анализ представлений о Революции 1917 г. в программах российских политических партий. В чем причины разницы в подходах к оценке революционных событий современными политиками?
2. Проведите сравнительный анализ представлений о советском обществе в программах коммунистических и социалистических партий: КПРФ, «Справедливой России», «Коммунистов России». Выявите общее и различия в отношении к советскому обществу.
3. Определите отношение современных российских партий к вождям советского государства. В чем причины формирования этих отношений?
4. Почему большинство современных российских политических партий не определились со своим отношением к советскому обществу? В чем сложность формирования представлений о периоде новейшей истории?
5. В чем состоит особенность отношения к революции и советскому обществу либеральных партий, «Яблоко» и «Парнас»?
6. Выделите специфические черты представлений о советском обществе в программе ЛДПР? В чем причины формирования данных представлений?

Раздел 6. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Глухарев Н. Н.

Октябрь 1917 г. в пространстве исторической памяти

События Октября 1917 г. в Петрограде, приведшие к становлению в России совершенно нового типа государственности и формированию нового типа общества, относятся к наиболее дискуссионным и политизированным страницам истории XX века. Интерпретация этих событий в советский период имела большое значение в контексте легитимации новой власти, превратившись в «миф основания», ключевой элемент исторического нарратива. Образ Октября, сложившийся в первые советские десятилетия в рамках концепции Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР), обладал колоссальным символическим значением. Исходя из теории «двух революций», Октябрьская революция толковалась не только как начало «триумфального шествия советской власти» и логичное завершение революционного процесса в России, но и как важнейший шаг человечества к новому справедливому обществу, светлому будущему коммунизма. Согласно марксистско-ленинскому пониманию истории и концепту «революции», в российских революциях подчеркивался классовый характер. Революция Октября 1917 г., признаваемая социалистической, в отличие от Февральской – буржуазно-демократической, знаменовала собой новый этап развития всего человечества, выставляя порожденное ей Советское государство в авангард мирового прогресса.

Образ Октября 1917 г. приобрел универсально-всеохватный характер. Сакрализации подверглись и сам образ ВОСР, и герои-революционеры, и разнообразные революционные символы (от крейсера Аврора до революционного Красного знамени). Важнейшей частью официальной политики памяти стали памятные даты,

относящиеся к революции, и связанные с ними праздничные ритуалы – 7 ноября, годовщина Октябрьской революции, стало главным днем советского исторического календаря. Мемориализация Октября 1917 г. широко затрагивала повседневное пространство человека: революционные образы проникали в топонимику разных уровней, в разнообразную символику, окружавшую советского человека.

Трансформация официального дискурса после распада СССР, связанная с переоценкой советского прошлого, привела к существенному пересмотру образа Октябрьской революции. С одной стороны, возникла тенденция низведения ее до статуса «переворота», с другой стороны, в случае сохранения ее оценки как судьбоносного, ключевого события отечественной истории происходила замена ее знака с положительного на отрицательный. Из шага к более справедливому прогрессивному обществу Октябрь 1917 г. стал трансформироваться в событие-трагедию, прервавшее «нормальное» развитие России. Подобная трактовка актуализировалась в связи с реформаторской деятельностью российских властей, предлагавших обществу аналогии из дореволюционной истории начала XX века. Так, в связи с подготовкой проекта новой конституции в 1993 г. Б.Н. Ельцин высказался о преимуществах текущего демократического строительства по отношению к процессам, запущенным Временным правительством, но прерванными большевиками в Октябре 1917 г. [3, с. 4]. Революционные символы и места памяти в начале 1990-х гг. подвергались не только десакрализации, но и в целом ряде случаев прямому уничтожению (переименование улиц, городов, демонтаж памятников революционерам и пр.).

События Октября 1917 г. стали часто фигурировать в дискуссиях политиков, среди которых одни – представители коммунистических и левых движений – настаивали на прежних трактовках (в общих чертах), тогда как другие – как либералы, так и правые радикалы – настойчиво предлагали считать Октябрь 1917 г. исторической «катастрофой». Характерно предложение одного из архитекторов перестройки А.Н. Яковлева переименовать день 7 ноября в День скорби и покаяния, призывавшего граждан в этот день не ходить на демон-

страции левых сил, а остаться дома и «выпить рюмочку» за своих родственников, погибших из-за войн и репрессий большевистской власти [1]. Понимание властями воспоминаний об Октябрьской революции в рамках «коллективной травмы» привело к официальным попыткам подтолкнуть общество к снижению градуса разворачивающихся дискуссий. Указом Президента Б.Н. Ельцина в 1996 г. день 7 ноября был переименован из «Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» в «День согласия и примирения» в целях «смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» [13].

Однако как показала практика, интерпретация коллективно-го прошлого в общественном дискурсе продолжала развиваться в прежних идейных конструкциях. Содержание празднования устоявшейся в коллективном сознании памятной даты не изменилось, однако праздничные ритуалы, проводимые 7 ноября, были окончательно монополизированы левой, «народно-патриотической» оппозицией. В связи с этим власть, не решаясь на обострение дискуссий вокруг Октября в неоднозначных политических условиях, склонилась к тактике замалчивания проблемы и отстранению от активного участия в обсуждении роли события в отечественной истории. Освещение Октябрьской революции официальными средствами массовой информации в мемориальном контексте носило все более поверхностный характер, зачастую приобретая иронические нотки. Накануне 80-летия революции Президент в своем обращении к гражданам призвал народ вместо празднования 7 ноября заняться насущными делами – квасить капусту и готовиться к зиме [6, с. 58].

Несмотря на то что в 2000-е гг. наметилась тенденция государственной политики памяти на «встраивание» советского прошлого в непрерывный исторический процесс, место Октябрьской революции в нем не было окончательно определено и сформулировано. В условиях продолжавшихся дискуссий о месте и значении Октября 1917 г. в истории нашей страны официальная политика памяти не спешила ставить точку в трактовках о событии, обладавшем

серьезным раскалывающим общественное мнение потенциалом, и продолжила вектор на задействование механизмов вытеснения образов революции с первых мест из исторической памяти.

В 2000 г. была предпринята попытка изобретения нового ритуала в праздновании 7 ноября и, тем самым, изменения его содержания, при сохранении даты как памятной. Еще в 1995 г. федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» (от 13.03.1995 №32-ФЗ) был учрежден день воинской славы, связанный с военным парадом, состоявшимся 7 ноября 1941 г. на Красной площади во время битвы под Москвой и приуроченным к 24-й годовщине ВОСР. В год вступления в должность нового Президента РФ В. В. Путина 7 ноября 2000 г. на Красной площади был проведен первый торжественный марш ветеранов ноябрьского парада 1941 г. В последующие годы такие парады стали проводится ежегодно, с элементами исторической реконструкции (форма, техника). Несмотря на то что парад 1941 г. был напрямую связан с Днем Октябрьской революции, в новой России реконструкция марша встраивается в «военный миф» 1941–1945 гг. и связывается исключительно с памятью о героических усилиях нашей страны в борьбе с гитлеровскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Важнейшим шагом в активизации механизмов вытеснения из коллективной памяти образа Октябрьской революции как источника современного состояния российского общества, доставшегося в наследство от мощной мемориальной политики СССР, стала окончательная отмена 7 ноября (в том числе и в качестве несостоявшегося Дня согласия и примирения) как общегосударственного выходного дня в 2004 г., тем самым низводя его значение до рядовой памятной даты, хотя и закреплённой в этом качестве в тексте закона «О днях воинской славы и памятных датах России».

Отказ от работы над трансформацией образа Октября 1917 г. и стремление акторов государственной политики вытеснить его из исторической памяти по причине «неактуальности» потребовали предпринять создание нового, заменяющего исторического

символа, обладающего таким же мощным воздействием на самосознание общества. Так родился «День народного единства» 4 ноября, посвященный памяти об освобождении Москвы от польских интервентов в 1612 г. народным ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского. История народного ополчения показывает пример соединения усилий разных социальных слоев общества во имя общей цели – и этот символический смысл должен способствовать объединению общества сегодня, в эпоху новых международных противоречий, сохранения старых и появления новых внешних угроз безопасности России. Символ революции, напротив, подчеркивает разобщенность общества и власти, борьбу внутри него, способен нести в себе «заряд» разрушительных идей, актуализирует непримиримую борьбу социальных групп, борьбу народа и правительства, власти и оппозиции. Опасность данного символа возрастает при наличии внутренних противоречий в социальном, экономическом и политическом развитии страны, обнажившихся со всей остротой в 1990-е гг. и до конца не преодоленных сегодня. Только одно наличие и рост социального неравенства сегодня создает благоприятные условия для актуализации образа Октябрьской революции 1917 г., сформированного в советский период, что может привести к использованию его (или его элементов) разного рода антигосударственными политическими силами. «Революционные» ценности, аккумулированные в образе Октября, таким образом, не могут разделяться и тем более поддерживаться современным государством.

Определяющее влияние на государственную политику памяти по вопросу об Октябрьской революции, по мнению ряда авторов, сыграли так называемые «цветные революции», охватившие постсоветское пространство в первой половине 2000-х гг. Так, например, само радикальное решение о замене праздника 7 ноября на 4 ноября непосредственно связано с уроками «оранжевой революции» на Украине, завершившейся в конце декабря 2004 г. [6, с. 77–78].

В связи с периодическими обострениями проблемы «цветных революций», в которых нетрудно сегодня проследить влияние Запада,

характерным представляется новый всплеск дискуссий относительно истории Октября 1917 г. как переворота, также профинансированного извне антироссийскими силами. Прежде всего, речь идет о так называемых «немецких деньгах» для революции большевиков, о которых до сих пор не утихают споры в научной и публицистической литературе. Любопытно, что 22 декабря 2004 г. телеканал «Россия» показал документальный фильм Е. Н. Чавчавадзе «Кто заплатил Ленину?», разрекламированный как первое документально обоснованное научно-популярное изложение версии о внешнем финансировании большевистского переворота. Автор фильма в одном из своих интервью призналась: «Мы считаем, что первая «цветная революция» произошла именно тогда, в 1917 г. Ее можно назвать великой по ее последствиям, но они катастрофические» [10]. Представляется важным, что фильм был повторно показан в ноябре 2007 г. к 90-летию Октября, а также – в 2014 г., на фоне разворачивания украинского кризиса, запущенного очередной «цветной революцией». В этот же год ранее, к годовщине рождения В.И. Ленина, данная тема неоднократно затрагивалась в официальном издании Правительства РФ – «Российской газете» (статьи «Революция из пробырки» от 3 апреля и «Деньги на колыбель революции» от 22 апреля). Данные материалы вызвали широкий, в том числе критический, отклик аудитории.

В связи с подготовкой концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории для школы в 2013 г. тема Октября 1917 г. вновь оказалась в центре общественного обсуждения, по-прежнему сопровождающегося множеством спекуляций. В конечном итоге в новой концепции, заказчиком которой выступило руководство страны, а создателями – ведущие российские историки и педагогические работники, было предложено считать Октябрь 1917 г. не самостоятельной революцией, а лишь одним из этапов «Великой русской революции». «Первоначально мы не хотели упоминать словосочетание «Великая Октябрьская социалистическая революция». И в концепции осталось «Великая русская революция», – рассказывал один из разработчиков кон-

цепции доктор исторических наук С. В. Журавлев. – ...Очень многие наши граждане выступали за то, чтобы оставить упоминание Октябрьской революции. В результате в концепции говорится о Великой российской революции, прошедшей несколько этапов – в феврале 1917 г. (раньше называлась Февральская революция), в октябре (Октябрьская революция) и Гражданская война 1917–1923 годов как продолжение этих событий» [8]. В изданных в 2015–2016 гг. школьных учебниках в соответствии с новым историко-культурным стандартом, действительно, исчезло упоминание об Октябре 1917 г. как о самостоятельной революции [4, с. 36–43]. «Растворение» Октября 1917 г. в длительном едином революционном процессе не отрицает сам факт последовавших за ним глобальных преобразований. Однако из события, считавшегося в прежнем официальном дискурсе «сакральной» точкой отсчета в движении страны на пути к единственно справедливому, социалистическому типу общества, Октябрь 1917 г. в логике текста учебника однозначно объясняется лишь как взятие власти одной из действовавших в то время политических сил.

Следует отметить, что, при всем неудобстве советского образа Октябрьской революции для нынешнего государства, власти отказались от наиболее радикальных способов атаки на историческую память, применяемых в ряде постсоветских республик, стараясь придерживаться в этом вопросе более сбалансированного подхода. Были остановлены волна антикоммунистических переименований начала 1990-х гг. и борьба с памятниками советской эпохи, приверженцы прежних интерпретаций Октября 1917 г. как великой и социалистической революции имеют возможность в рамках закона открыто высказывать свои позиции. При этом руководство страны апеллирует к научному сообществу, призывая к объективизации, научному осмыслению проблем истории Октября 1917 г., исключая, однако, данное событие из прочих сфер мемориальной политики. «У нас в 2017 году – столетие Великой Октябрьской социалистической революции, или кто-то говорит об октябрьском перевороте, но, во всяком случае, это событие почти 100 лет назад

произошло. Это требует глубокой объективной профессиональной оценки», – заявил Президент В. В. Путин на встрече с молодыми историками в 2014 г [11].

Историческая память современного российского общества демонстрирует давнюю раздвоенность представлений о событиях Октября 1917 г. Интересными представляются данные опросов общественного мнения молодежи на завершающем этапе перестройки в СССР: в 1989 г. только 37 % опрошенных считали, что ВОСР была необходима, 25 % были уверены в ее преждевременности, а 34% – в том, что она была не нужна [7, с. 14]. Спустя более 10 лет, в 2002 г. (согласно данным ВЦИОМ), 33% респондентов высказались, что Октябрьская революция дала толчок социальному и экономическому развитию народов России, 27% – согласились, что она открыла новую эру в истории народов России, 18 % – отметили, что революция затормозила их развитие, но лишь 9% опрошенных признали эти события катастрофой [2]. Похожие результаты дало исследование ВЦИОМ 2012 г., однако число сторонников понимания Октября как катастрофы увеличилось до 18%. При этом, оценивая революцию как историческое явление, россияне разошлись во мнениях: 40% считают ее неизбежностью, имеющей одновременно положительные и отрицательные стороны, а 37% считают, что оправдать революцию невозможно [12].

На фоне подобного разброса мнений, в публичном информационном пространстве заметно последовательное снижение информационной активности как в освещении мемориальных акций, по-прежнему проводимых 7 ноября сторонниками левых сил, так и в упоминаниях о дате как о памятной, посвященной Октябрьской революции [9]. Федеральные каналы, как правило, стали ограничиваться предельно короткими сюжетами (до 30 сек.), упоминающими о митингах, проводимых в честь 7 ноября коммунистами, часто помещая такие сюжеты в конец выпуска. Например, наиболее популярная среди зрителей новостная программа Первого канала «Время», вышедшая в эфир

7 ноября 2014 г., в отличие от предыдущего года, не содержала освещение мемориальных акций ко дню революции в России, ограничившись упоминанием митинга в украинском Харькове, посвященному Октябрю 1917 г. и сопровождавшегося столкновениями с националистами. В эфире программы от 7 ноября 2015 г. подробно освещался ежегодный парад на Красной площади, но уже ни слова не было произнесено о годовщине Октябрьской революции и связанных с ней акциях.

Октябрь 1917 г. все еще занимает существенное место в исторической памяти нашего общества, но смысл и содержание данного события все больше ускользают от понимания современных россиян, прежде всего молодежи. Этому способствует активизация механизмов деактуализации и вытеснения образа Октября 1917 г. из коллективной памяти, запущенных официальной политикой памяти еще в 1990-е гг. Данный процесс, на наш взгляд, нельзя считать полезным для формирования адекватного восприятия прошлого у новых поколений. Возможно, он еще может приобрести и обратный характер, а образ Октября 1917 г. может вновь подвергнуться трансформации в официальном дискурсе в зависимости от актуальных целей современной политики. Министр иностранных дел С. В. Лавров в феврале 2016 г. отметил, в каком ключе уместно вспомнить сегодня о предстоящем юбилее – столетии Русской революции: «Сейчас остро стоит задача выработки сбалансированной, объективной оценки тех событий, тем более в условиях, когда, особенно на Западе, находится немало желающих использовать эту дату для новых информационных атак на Россию, представить Революцию 1917 г. в виде какого-то варварского переворота, чуть ли не столкнувшего под откос последующую европейскую историю» [5].

Тем не менее новые условия для научного изучения истории революции позволяют сохранить надежду на возможность ее осмысления вне политико-идеологических моделей. Забвение уроков Октября 1917 г. обществом, находящимся в непростой социально-экономической и внешнеполитической ситуации, может негативно

сказаться на его развитии в будущем, и тем важнее становится задача поддержания памяти об этом эпохальном событии накануне его столетия, но лишь на основе популяризации достижений подлинно научной историографии.

Список литературы:

1. *Владимиров Д.* Александр Яковлев: Есть только правда между прошлым и будущим // Российская газета. № 244. 2003. 2 декабря.
2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск: Россияне об Октябрьской революции (5.11.2002) // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=175> (дата обращения 15.05.2016).
3. *Ельцин Б. Н.* О демократической российской государственности и проекте новой Конституции // Обозреватель –Observer. 1993. № 15.
4. История России. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. А.В. Торкунова. М., 2016.
5. *Лавров С. В.* Историческая перспектива внешней политики России // URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (дата обращения 15.05.2016).
6. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М., 2015.
7. Образ прошлого и образ будущего в сознании студентов: Аналитическая записка по материалам социологического исследования (ноябрь – декабрь 1989 г.). – М.; Минск, 1990.
8. Октябрьская революция в новом учебнике истории превратилась в этап Великой русской революции // URL: <http://www.interfax.ru/russia/338077> (дата обращения 15.05.2016).
9. Освещение федеральным телевидением празднования Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 2010 года // URL: http://www.kprf-org.ru/archiv/vestnik146/image/Vestnik_146_3.pdf (дата обращения 15.05.2016).
10. Плод веры. Вице-президент Российского фонда культуры, режиссер, продюсер, сценарист Елена Чавчавадзе / Телеканал «Союз». URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/plod-very-vitse-prezident-rossiyskogo-fonda-kultury-rezhisser-prodyuser-stsenarist-elena-chavchavadze-chast-1> (дата обращения 15.05.2016).
11. Путин призвал профессионально оценить Октябрьскую революцию (05.11.2014) // URL: <http://polit.ru/news/2014/11/05/centenary/> (дата обращения 15.05.2016).

12. Россияне против революций: опрос (6.11.2012) // URL: <http://www.iarex.ru/news/30852.html> (дата обращения 15.05.2016).
13. Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. № 1537 «О Дне согласия и примирения».

Вопросы и задания:

1. Какое место занимают события Октября 1917 г. в исторической политике современной России?
2. Как вы считаете, есть ли необходимость поддержки образов Октября 1917 г. в общественном сознании и какими механизмами возможно сохранить историческую память об этих событиях?

Учебное издание

**ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ:
Революция 1917 г. и Гражданская война в России.
1917–1922 гг.**

ВЫПУСК 3

Учебное пособие

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Редактор *Дубовец В. В.*
Оформление обложки *Удовенко В. Г.*
Компьютерная верстка *Ковтун М. А., Дорожкина О. Н.*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 19.06.2018.
Формат 60x90/16. Объем 13,0 п. л.
Гарнитура PT Serif, PT Sans.
Тираж 500 экз. Заказ № 806.

ISBN 978-5-4263-0629-5

